

К84(2=411.2)6-5
Г12

ВИКТОР ГАВРИЛОВ

ВРЕМЕНА. CODA

К 84(2=411.2)6-5
Г12

Виктор Гаврилов

ВРЕМЕНА. CODA

Стихи

9001060178

11122
kp

МБУК ЦБС г.Сургут
Инв № 21031422
Библиотека КР

Тюмень
Аксиома
2020

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г12

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Гаврилов В.В.
Г12 Времена. Coda. Стихи. / В.В. Гаврилов. – Тюмень: Аксиома, 2020. – 352 с.
ISBN 978-5-906714-25-1

Поэт Виктор Гаврилов, член Союза писателей России, живет и работает в Сургуте. В новую книгу вошли стихи автора о нашей с вами жизни, ее радостях и тревогах, о том, что человеку порой так непросто найти путь к сердцам других людей, даже самых близких.

Книга будет интересна читателям всех возрастов.

УДК 821.161.1-14
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-906714-25-1

© Гаврилов В.В., 2020

*Моей дорогой жене Светлане
посвящаю эту книгу*

ПРОГРАММНОЕ

Поэзия – жужжание шмеля
В кустах акаций, добрая работа,
Которая ни для кого, но для
Того, кому счастливым быть охота,
Свои кому и небо, и земля...

Скользенье мимо боли и беды,
Стремление в воздушные палаты,
Игра теней, в которой победить
Нельзя, но можно стать чуть-чуть крылатой,
Надеяться на маячок звезды.

Уверен, что не подведет звезда,
Она превыше, чем дома и горы.
И так живешь, как будто никогда
Не слышал ни о смерти, ни о горе,
И словом созидаешь города.

Тебе иных уже не нужно жать.
Как будто есть таинственное место –
И ты спешишь (минувшего не жаль!),
Как тот ручей, которому известно,
Куда бежать...

ВРЕМЕНА

ВИК И СЛАДКАЯ СЬЮЗЕН

I

Я хотел бы стать ковбоем, неизвестным пусть вначале.
Жить мустангом одичалым, быть загадочным, как сон.
Всё о статуе Свободы грезить душными ночами,
Стать ее Пигмалионом – демократом и певцом.

II

Двери бросил нараспашку. Шаг в табачные туманы.
(В драной клетчатой рубашке, в грязных кожаных штанах.)
«Вик! – меня окликнул Томми. – Вот негаданно-нежданно
Повстречал. Ну что, проблемы? Снова выгнала жена?»

Я вздохнул и сел за столик.

«Не женат я, вроде, Томми». –
«Ах, забыл! Ведь то у Рика. Рик и Вик – смешалось всё.
Это от дурного виски. Но тебя я все же вспомнил!
Значит, начат день как надо! Не такой уж я осел».

Том пустился в разговоры. Я кивал ему, болванчик.
И дешевой сигареты дым бросал ему рукой.
Вспоминал он краснокожих: то апачей, то команчей.
Говорил, шутя, играя, но с какою-то тоской...

Все хрипел, как грампластинка, нацепил из меди маску.
Угасал, светил с трудом он, словно лампа в сорок ватт.
Я подсел к нему поближе и спросил, как фей из сказки:
«Что-нибудь случилось, Томми? Говори, чего скрывать...» –

«Знаешь Сьюзен? – начал Томми. – Ты, что так смеется звонко
И у Мака здесь, напротив, в баре песенки поет?
Так она меня отшила, как какого-то подонка.
Я, положим, хоть и пьющий, – человек, а не койот!

Я в горах уединялся, словно дикое растенье,
И писал на скалах “Сьюзи”, хоть мне было не с руки.

Поднимал на лужах волны злой, отяжелевшей тенью,
Шел назад, она твердила: «Все ковбои – дураки!»

Я бросал в ущелья камни, глыбы тяжкие ворочал.
Раз и навсегда решил я: не увижу Сьюзи впредь!
Чем питался – уж не помню, был в горах все дни и ночи
Занят звукоподражаньем – я ревел там, как медведь».

Перебил я Тома: «Слушай, ты поэт? Что это значит?
Говоришь – звучит, как песня, не подделки-лопухи!»
Том ответил: «Знаешь, парень, я ужасный неудачник.
Коль была б любовь счастливой, кто бы стал писать стихи?

Встретил в баре их: кокетка – вьется франтик золотушный...
Но полиция по лицам их судила о душе.
И вели не их в участок, а меня, держа на мушке,
Отобрали табуретку, всю разбитую уже...

Чем он лучше? Пусть я беден! На стакан собрал по крохам.
Но и он не император, не оратор там, не грек.
Если я немного выпил и, быть может, пахну плохо,
Это ведь совсем не значит, что плохой я человек».

III

Для чего мне это нужно? Забегаловка вторая.
Грязный пол в табачной жвачке. Пляшут все. Нельзя присесть.
Грохот музыки. На сцене банда весело играет.
В кучу всё: и твист, и кантри – неожиданная смесь...

«Ах, когда же выйдет Сьюзен, эта кошечка Техаса?» –
«Ах, когда же мы услышим, как она для нас поет?» –
«Может быть, она болеет и страдает час за часом?» –
«Джентльмены. Деньги в шляпу! Надо вылечить ее!»

«Эй, друзья! Я снова с вами! Всех люблю вас, дорогие!»
(Вышла дивная красотка, и утихла в сердце боль.)
Стала петь, что любит праздник, будни скучные – враги ей...
«Как рождественский подарок, получить хочу любовь!»

...Закружил я Сьюзен в танце. Что плохого? Ничего же!
И ковбои расступились, растеклись, кружком стоят.
Мы в игру с ней поиграли: кто подпрыгнуть выше сможет.
После долгих состязаний победил, конечно, я.

IV

Ночь цикад. Мы шли по роще позолоченно-зеленои.
Однокой флейты песня разливалась по холмам.
Облака песцовым мехом обволакивали клены,
Плавниками белорыбье чуть помахивали нам.

Я читал стихи французов, называл ее Лаурой...
Вдруг она спросила: «Слушай, у тебя еще кто есть?»
У меня была мыслишка обозвать красотку дурой.
Но куда бежать-то после? Женская ужасна месть...

«Чьи стихи сейчас читал мне? Вот знаток в делах сердечных...» –
«Это Гейне, дорогая. Гениальнейший мужик!» –
«Странно, я его не знаю. Он, наверно, не из здешних.
Гейне – гений?! Вот так новость! Он из Литл-Рока, Вик?»

Хороводы звезд – над нами. Плавно плавились круги их.
Исчезали за холмами, жёлты, алые и белы...
Отдавал я Сладкой Сьюзен все, что дали мне другие.
Было б только чем делиться. Было б только с кем делить...

V

Вдруг задумался и вспомнил: снег кругом, поля без края.
Лихо в девушку бросаю серебристые снежки.
Вот решили отдыщаться у какого-то сафая...
Я хочу в любви признаться – не дают ее смешки.

За меня запела выюга. Но опять непониманье...
Как же трудно объясниться только взглядами, без слов!
Это в фильме взгляды скажут больше слова на свиданье.
Кто писал его сценарий? Для каких писал ослов?

...Не банальным быть, не пошлым, все зачеркивать и снова
Начинать, итог работы представляя не вполне!
Было так и дальше будет: мучаешься, ищешь слово,
А найдешь... глухую стену. Или надпись на стене.

VI

Продающего одежду веселит билетов пачка,
Поддающему (надежды) лучше бы играть в бейсбол...
Мы сидим с тобой на кухне. Щурится в потемках печка.
Рассказал о самом главном – ты смеешься: «Балабол».

За рекою – город черный, там игра совсем иная.
Мне же многого не надо: огородик, дом с трубой.
И стихи (зачем – не ясно), может быть, затем, что знаю:
Время и пространство – то, что заполняется собой.

Это вычурно и плоско, но послушай, Галатея:
Нет свободы, кроме той, что сохранил внутри себя.
Материться против ветра – никудышная затея.
Небо есть, и лес, и речка...

А всё прочее – судьба.

1994–2018

ВТОРОЙ ВЕНОК СОНЕТОВ

*На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.*

А.С. Пушкин

1

Плевать на битвы!.. К берегу причалить,
Оставить юным эту жизнь как приз.
Каприз? Что делать белыми ночами,
Когда ты не Жуан и не Парис?..

Куда бежать? «Хотя бы в парк, на Прадо»,
В лесную глушь, в пустыню, на вокзал –
«С разбитой верой в женщину и правду», –
Как Вересаев некогда сказал...

Но цепи Гименея всех надежней,
С утра чадит в окошке серый дождик,
И думаешь о бегстве не всерьез.
Стволы берез палият листвой в прохожих.
Пора бы на соседей стать похожим,
Устроить быт из котиков и роз.

2

Устроить быт из котиков и роз,
Качаться в гамаке со скучной книжкой,
Среди веселых радужных стрекоз
Себя не ощущая муравьишкой...

Любить в лесу погожем каждый лист,
Любить росу на листьях ранним утром...
Мне кажется порой, что я «росист»,
И это правильно,
в наш век безумный – мудро.

...Поет петух, кудахчет соловей.
И дни бегут все легче, все резвей.
Повсюду музык дивное звучанье,
Движенье грез, июля торжество,
Но карликам духовным каково
Жить мирно, бровень со своей печалью?

3

Жить мирно, бровень со своей печалью
(Когда ты не философ, не злодей),
Внимая звезд согласному звучанью –
Вот если б так же было у людей!

По всем каналам котировок грива.
А жизнь и смерть – случайность и пустяк.
Полынnyй ветер ядерного взрыва
Качает люльку детскую. Итак,

Узнать всю правду хочешь ты едва ли!
А если бы узнал, сидел в подвале,
Кусая губы и поджавши хвост.
Любой закон толкуется двояко...
Ты встань под пули истины, вояка,
Хотя бы на секунду – в полный рост!

4

Хотя ни на секунду – в полный рост
Не праздновал, не чувствовал, пожалуй,
С любою девой сумрачен и прост –
Иронией тушил души пожары.

Читал часы и дни, как пономарь,
Они текли обыденно и вяло.
И северная серенькая хмарь
Поэзии судьбе не добавляла.

Терзался, пил вино, писал стихи.
Увы, грешил. Отмаливал грехи.
И отдал дань любви и укоризне.
Не попадал порою в такт и стиль,
Но был врагов, смеялся и грустил –
Я тоже в меру сил служил Отчизне.

5

Я тоже в меру сил служил Отчизне.
Вели пути-дороги в «третий Рим».
Но тошно мне от сводок и от чисел –
Куда милей свобода строгих рифм.

Погасли разноцветные экраны,
Изломаны скрипичные ключи...

Теперь всю ночь души наивной раны
Звездой, как подорожником, лечить.

Как будто тихой радостною вестью,
Стихи приходят из нездешних весей:
Цвета, мотивы, запахи остры...
Я вспоминаю (видно, скоро старость),
Как во дворе осеннем под гитару
Пел женщин и осенние дворы.

6

Пел женщин и осенние дворы.
Пил истово черничное вечерье.
Судьба казалась ясной до поры,
Пока читал и знаки, и значения.

От полночи шагаю до стены,
Еще торя в грядущее тропу так...
Слова есть для любви и для войны –
В наш темный век их можно перепутать.

На сотни га тут вотчина врага.
Гогочут: «Гуси, гуси, га-га-га...» –
Поэзия – источник оптимизма...
А прежде всяк поэта почитал,
Читал и отливал слова в металл...
Но вот не стало Пушкина. О, жизни!..

7

Но вот не стало Пушкина: о жизни
И о любви кто скажет так, как он?
Не сброшенный в пучину футуризмом –
Над площадями бронзой вознесен!

Да как же нет его, когда по миру
Поэзия звучит, как зимний гром?
И хочется назвать гитару лирой,
А ручку двухрублевую – пером.

Как будто в дали дивные заброшен,
Я упиваюсь веком позапрошлым.
Звенит во тьме неоновая нить,
Березы налились вином, как соком.
...Задумался однажды о высоком –
Теперь мне больше не с кем говорить.

8

Теперь мне больше не с кем говорить:
Иных уж нет, а прочие порочны.
Непрочные качаются миры,
Повсюду пряча арочность барочью.

Простой, как распечатанный конверт,
Пустой, как достижения из плана,
Плачу всегда за воду и за свет –
С утра на речке это все бесплатно.

Зачем носить печали на горбах
И прятаться в раскрашенных гробах,
Глядеть в окно, как в дуло пистолета?
В деревню, в глушь из города скорей!
Но вот – октябрь, время снегирей...
Со всеми три сезона еду к лету.

9

Со всеми три сезона еду к лету,
Гляжу на мир сквозь мутное стекло,
Сквозь белый сумрак и вороний клекот, –
И падаю в душистое тепло!

Душа смеется, плачет, как невеста.
Ей так же, как в июле от листвы
На улицах, порой бывает тесно
И празднично – от скошенной травы.

Повсюду шум, и гам, и суэта,
Не заградить поющие уста.

Зеленый щит, воздушный и некрепкий,
Оберегает птичью голоса:
Недолго, наше лето – полчаса...
Пусть это и напоминает клетку.

10

Пусть это и напоминает клетку.
Живем в обычном мире стен и штор
Свободою, доступной даже клерку:
Напиться и к подружке – дальше что?

Днем не работается, в ночь – не спится.
Как скучно, как тоскливо – е-мое!
Душа томится, словно бы девица,
В бутике продающая белье.

Мы kleим и латаем наши лица,
Все лучшее в нас глубоко пылится.
Веселый летний дождик – душ для душ!
Но нам милее пасмурные своды,
Места, где есть отсутствие свободы,
Где ретушь ратуш, роскошь, тушь и туш.

11

Где ретушь ратуш, роскошь, тушь и туш,
Там места нет любви и вдохновенью –
Пустая карусель сердечных стуж...
Нет смысла останавливать мгновенье.

Как много с краю оказалось хат!
Но сложно ожидать от нас иного:
Без денег разучились отдыхать,
Смеяться не умеем без спиртного,

Любить, любви не требуя взамен,
Стремиться за пределы ойкумен...
Нам знание – как язва моровая.
И я такой же (мне ль не знать о том)...

Делю позавчерашний суп с котом,
Киваю: дескать, вывезет кривая.

12

Киваю: дескать, вывезет кривая,
Да только не везет в рассвет она.
Я убежден: свободы не бывает.
Свобода слаше женщин и вина.

Минувшего не починить отверткой
И не собрать кусочки бытия...
Да, было дело в 74-м,
Все помню как сейчас: родился я.

А ныне: сам себе король и шут,
По кругу бесконечному спешу,
Подобно дребезжащему трамваю,
Хоть равнодушен к славе и труду.
Мне б только не забыть, куда иду, –
Я пью вино и часто забываю...

13

Я пью вино и часто забываю,
Когда, и с кем, и сколько выпивал.
...На пустыре с утра вбивают сваи,
Чтоб возвести бетонный идеал

Как антитезу чистого пространства.
Вот наблюдаю чуть левее от
Сего ужимку растафарианства –
Дымит устало сажевый завод...

И в сумраке сыром шагают люди,
Которые не верят и не любят.
Завоешь: «Кто-нибудь приди, наруши
Весь этот хаос, выстроенный нами!»
...Не разглядеть за горькими дымами –
Впадают в небо реки наших душ.

Впадают в небо реки наших душ,
И все быстрее грозное теченье.
Просеиваем жизнь свою сквозь дур-,
Шлаг/к оставляя, словно исключенье.

Привыкли к бедам тяжким и литым,
Смеемся, даже если не до шуток,
Как будто в пропасть черную летим,
Не раскрывая глаз и парашютов.

И сердце бьется узником в груди.
Кто знает, что там будет впереди, —
Порою слышим громы и рыканье.
Себя за скобки вынести и вдруг
Решить: не нужно водки и подруг.
Плевать на битвы! К берегу причалить...

Плевать на битвы!.. К берегу причалить,
Устроить быт из котиков и роз,
Жить мирно, бровень со своей печалью,
Хотя ни на секунду — в полный рост.

Я тоже в меру сил служил Отчизне,
Пел женщин и осенние дворы,
Но вот не стало Пушкина: о жизни
Теперь мне больше не с кем говорить.

Со всеми три сезона еду к лету.
Пусть это и напоминает клетку,
Где ретушь ратуш, роскошь, тушь и туш;
Киваю: дескать, вывезет кривая.
Я пью вино и часто забываю —
Впадают в небо реки наших душ.

* * *

Я носил ватник и представлял себя во Флоренции.
Грузил навоз и сочинял идиллии.
Переживал за Лукрецию,
Вдыхал аромат средневековой лилии.
Слушал Баха, Гайдна,
Читал стихи Шекспира.
Ныло тело: «Майна...»
Душа кричала: «Вира!»
До тридцати с лишним не пил вино
И всякую прочую заразу.
Играл в бисер, но
Так и не выиграл ни разу.
Как дурачок, ходил навеселе
Оттого, что птички поют и небо ало.
Немало прожил в селе,
Которое умирало.
Искал место под солнцем,
Однако было то холодно, то горячо.
Питался водой и хлебом.
С тех пор я люблю сосны –
Словно каждая из них готова подставить плечо
Душе, рвущейся к небу.

К ВЕСНЕ

Дворы зияют крутолобо,
К семи уже совсем светло.
Округлым почерком сугробов
Зима нам пишет: «Все прошло!»

Похоже, перезимовали.
Похоже, был некрепок лед.
Февраль в конце поставит «vale»*,
И жизнь хорошая пойдет.

* Будь здоров (лат.).

Все было сумрачно и тленно...
Я ждал тревожно, чуть дыша,
Когда листвою впечатлений
Покроется моя душа.

Так славно, меж деревьев если
Стоит чириканье столбом.
И сердце, отзываясь песне,
Стучится ямбом: бом-бом-бом...

Весна, люблю твои подарки,
Привольных луж широкий клеш...
Замрешь ли на секунду в парке –
И, как черемуха, цветешь.

* * *

Весна ломает все, что ветхо.
И кровь спешит скорей, скорей...
Листва бежит по серым веткам
Балетной юностью своей.

Тревожат гомон заоконный
И сердца глупого игра.
Любви все возрасты – попкорны;
А боль на выдумки хитра...

Торчу, как белая ворона,
В краях акаций и маслин,
Держу тихонько оборону
От пышнотелых мессалин.

Пора – из золотого тира,
Чтоб любушке не изменять.
Но девушки, как в дезертира,
Стреляют глазками в меня.

И не подлец, и не развратник —
Пора покинуть те края:
Из воинов любовной рати
Давно разжалован в мужья.

六六六

Хорошо потрепала зима,
Поубавила прыти и вер нам.
Изнутри ли, снаружи – тюрьма
Однаково выглядит скверно.

Где-то ждет, веснеет село
Средь пейзажей,
сошедших с полотен...
Но, одетый в бетон и стекло,
Я не слишком спесив и полетен.
Вновь шатаюсь, поэтам под стать,
Опаленный тоскою о прошлом,
Эту странную жажду опять
Утоляя березовой рощей.

* * *

Похожие на ижицы,
Выходим из квартир.
...Влюблен во все, что движется,
В безумный этот мир.

Мне снова двадцать, кажется,
От силы – двадцать два.
Дарю девице каждой я
Хорошие слова...

Выкрикиваю «Эге-гей!»,
Опять впадаю в раж.
И счетчик офтегейпера
Зашкаливает аж...

ЭПОС

Эй, рыжий император Март Апрелий!
Приветствуя тебя под звон щита
И флейт походных яростные трели...
Я знаю, битва только начата,

Но отступают страшные морозы.
Все сабельней звучит капельный звон.
Врубаются в лесной бедлам березы,
Подснежники, которых легион...

Врагам от белок будет на орехи!
Пусть первые победы тяжелы,
Прозрачный свет надежней, чем доспехи,
Сидят вороны, будто бы орлы...

И прошлое, пропитанное ядом,
Уходит, кровью вешнею сочась.
Нам вовсе знать историю не надо —
Поскольку мы творим ее сейчас!..

БОГАТЫРСКАЯ

Не лежится, если лягу,
Не зовется и не просится...
Как-то всё через корягу,
Как-то всё чересполосица.

Век скрипит. Чадит лучина.
Тучи мечутся крылатые.
Ох, тоска моя, кручина,
Как тебя избыть проклятую?

Тошно душеньке в неволе.
Не утешить пенной брагою.
Выйду я во чисто поле,
Покрошу там силу вражию.

В реве мая — без ума я,
Наломаю дров легко сейчас,
А наутро оклемаюсь, —
Может, снова жить захочется.

* * *

Крошится лед: в душе ли, под ногами...
Струится свет, густеет, словно кровь.
Нам явится вот-вот земля нагая,
И все начнется, все начнется вновь...

Мы сменим, будто маски, наши лица,
Наивно замурлычим «тра-ла-ла»...
Крошится март, и солнечные птицы
(Дай только срок) склюют его дотла!

* * *

Оставить все, что глупо и старо.
Настроить расшатавшееся сердце,
Решить — я за Луну или за Солнце,
За Одри Хепберн или за Монро...

Так просто пробуждается весна,
Раскрашивает выбеленный воздух...
Избитая гудками тепловоза
Скулит в сыром овраге тишина.

И небо набирает высоту.
Повсюду шум. И гомон птичьей свиты.
Поскольку веришь в то, чего не видишь,
Уже не нужно верить в красоту...

(M)АРТ

Конец недели, месяца, зимы...
Сияет солнце, словно в Коктебеле.
Пора! Мы выбираемся из тьмы,
Из закутков, карманов, колыбелей.

Нас тянет к раскуроченной реке.
Пускай не сосчитать на солнце пятен,
Щебечем на привольном языке,
Который рощам близок и понятен,

Пытаемся двустишье доказать
И на подножку солнечного утра
Запрыгиваем, как сто лет назад, –
Пускай вокруг всё маревно и утло.

Мы снова те шальные пацаны
С рогатками (Коляныч – заводила).
Разбить осталось лампочку Луны,
Чтоб Солнце никогда не заходило.

Не держит нас садовая решет–
Какая подзапретовость смешная!
Мы чувствуем, нас кто-то бережет –
И на краю об этом вспоминаем.

И наша *rasa** девственно чиста.
И наши дни осыпаются едва ли.
А то, что есть последняя черта, –
Так это нам еще не задавали...

Как много в сердце радости и вне!..
Как призрачны болезни и морщины...
Когда стихи выводим на стене,
Иные видят в этом матерщину.

* *Tabula rasa* – пустая доска (лат.),
здесь – сознание.

Когда в Сорвиголовии нас ждут,
Когда удача kleится, как марка, –
Друг друга посылаем там и тут
На все четыре смачных буквы марта!

ГОРОДСКОЙ АПРЕЛЬ

Апрель залез на сосну.
Он враг белозимых стуж.
Горланит во всю весну
Лужеными глотками луж,

Стирает с лица капель,
Раззявит бетонный рот...
На ветке сидит апрель,
Охальник и обормот.

Беспечен, небрит, летуч,
Приветы прохожим шлет:
– Смотрите, как хрупкий луч
Ломает сердечный лед!

И наперекор судьбе
Он требует жизнь начать
Сначала, когда тебе
Не двадцать, а сорок пять.

И можно расслышать весть
Сердчишка в своей груди:
Как будто бы что-то есть
Хорошее впереди...

ПИСЬМО СЕБЕ

Как будто жизнь не хороша,
Как будто серый дождик сердится,
А в перспективе ни шиша.

Я думал, что болит душа,
Но оказалось – сердце...
Все глупше северные ночи,
Тьма залепляет души, очи,
Крадутся тени по стене.
При том, что вижу я во сне
(Непостижимое уму), –
Мне спать не стоит одному.

До ручки довели, до точки
Мороз, вино, пустые строчки.
Но только снова тут и там
Осуществляются листочки.
И по березовым мостам
Весна уже стремится к нам.

Пускай мы потускнели всуе,
Пускай не залатать прорех,
Смешон поэт, что протестует
Молчаньем... Это, право, грех –
Бежать в леса, таить обиду,
Околевая видово...
Дойдешь в итоге до того,
Что встретишь у ручья Киприду...

А ты взгляни, как там, за домом,
Зазеленел косой забор,
Как мы становимся людими,
Как мартовским веселым дымом
Заволокло и жизнь, и двор...

Судьбу ломаешь на куски,
С собой играешь в поддавки,
Смиряешь гордое волненье.
Лишь волны сумрачной тоски
Тревожат берег вдохновенья...

* * *

Если ветер хватает за шиворот, тащит к реке,
Как собаку (без роду и племени) на поводке,
Думы всё об одном: «Не прийти к сумасшествию чтоб!»
На ветру захлебнешься и прыгнешь в разбитый автоб-
Ус отклеен.

Пароли и явки лет пять как сданы...
Ты не спиши, потревоженный воем полночной Луны.
Сбитый с ног темнотой (грузовой, многотонной), опять
Ты отброшен в кювет, бесконечную пропасть – в кровать...
Не от мира сего... Надоело играть в шпионаж.
Постучат – уличат, скажут: «Вот он, держите, не наш!»
Этот мир искорежен печалью, плаксив и горбат.
И не спрятать тебя, как не спрятать нигде снегопад...
Сквозь ночное окно тянет руки сухие весна.
Так и вышло на деле: Страстная неделя страшна.

* * *

Они встречают. Они на «Ты».
Разложат пасхальную снедь поб столу.
Ждут чуда: готовы вложить персты
В раны Его, как один из апостолов.

Заводят праздничный разговор,
Осоловело глядят на улицу,
Колотят яйца и пьют «Кагор»...
Все с удовольствием перецелуются.

Дождь не смолкает который час,
Но жизнь отнюдь не кажется пресною,
Словно есть что-то внутри всех нас...
Ах, если бы – Царство Небесное!

* * *

Страшна весенняя пора –
Повсюду вилы голых прутьев,
Тревожное воронье «гра!»,
Ограды, ямы, перепутья...

В кювете гибнет колесо.
Под сердцем возится усталость...
Так неужели это всё,
Что за зиму от нас осталось?

Пугает ранняя весна
И в душу беспардонно лезет.
Скрипит под окнами сосна,
Как по стеклу ведут железом...

Корежит ветер тополя.
Мирок наш поделен на зоны.
И обнажается земля:
Она должна зачать газоны.

Обрушиваясь на кровать,
Я жду июньского рассвета,
Когда смогу поцеловать
Малиновые губы лета.

Да только это все попса,
Гlamур, пустая лаца-дрица.
Сейчас я слышу голоса:
Ночь одичало матерится,

Я записал за ней. (Среда –
Гораздо больше враг, чем доктор.)
А что неточно передал, –
Виною внутренний редактор.

Я буду рад гостям любым,
Коль что не так пойдет, — не струшу!
Учусь отчаянно любить
Все то, что мне терзает душу...

* * *

Сквозь бетонную чашу,
 CO_2 и метан
Выйти к тем настоящим
И заветным местам.

Стать лирически юным,
Распрощаться с тоской,
По березовым струнам
Провести бы рукой.

В стороне от прогресса
Слушать птичью красу...
Мне б не выйти из леса —
Оказаться в лесу!

* * *

1

В лесу, апрельском, островерхом,
Поймешь однажды, пусть не вдруг,
Как хорошо быть человеком,
Когда деревия вокруг.

В лесу, весенняя где нега,
Где птицы пьяниствуют до слез,
Нет ничего чернее снега
И ничего белей берез!

В нас прорастает, что посеяно,
Но не хочу продолжить ряд,
Быть, как Барышников, рассеянным,
Россию чтобы потерять.

Пусть за морями и пределами,
Когда размазан милям счет,
Приснится мне березка белая,
Калина красная еще.

Зачем дорог так много пройдено,
Зачем заботы, номера,
Когда я вдалеке от Родины
Начну тихонько умирать?..

Хочу найти свое, заветное –
Деревню встретить по весне.
Пускай она зеленой веткою
Опять потянется ко мне.

БЕЗДЕЛИЦА

Марту тихо порадуюсь,
Свету вешней воды.
И поймаю по радио
Шум зеленой звезды.

А засну лишь под утро
В центре белого города,
Подоткнув, как подушку,
Век под буйную голову,

Чтоб ходили на цыпочках
В предрассветной тиши,
Чтоб играли на скрипичках
В переходах души...

СЕВЕРЯНАМ

Так мало тепла и света:
Все можно вместить в горсти...
И я объяляю лето! –
А там хоть трава не расти.

Пусть в небе не тают стаи,
Пусть улицы пьют жару,
А люди, смеясь, прорастают
Сквозь собственную кожуру...

Пусть ветка цветет живая,
Играет в лучах окно...
Поверь мне: такое бывает –
Я видел давным-давно.

Пускай мы забудем выногу
И выйдем под листьев сень,
Пусть ходит трамвай по кругу
И светит, как солнце, всем.

ВЕСНА В ГОРОДЕ

Всюду стеклянно оскалены пасти.
В морок апреля идем на убой.
Двери людей разрывают на части
И не дают становиться собой.

Сколько нас было, простых и невинных! –
Стихли стихи, догорели огни...
Вот из подъезда мы наполовину
Вышли, отчасти оставшись в тени.

Не отыскаться уже, не согреться.
Сердце окутала серая мгла.
День затянулся, как хмарь – сигаретой.
Хмаря до безумия нас довела.

Знаю, укрыться нельзя за стеною.
Век, нам отпущенный, горек и мал.
Время иные назвали б весною,
Я бы его катастрофой назвал.

Столько вины, что тревога немая
Белых снегов превращается в шторм.
Всё понимаем.
И всё принимаем.
И ни один не спросит: «За что?»

* * *

Болею, пью, чтоб снова заболеть.
Позвякиваю вяло кандалами.
Моя благоустроенная клеть
Богата только острыми углами.

Привычный морок под косым углом
Мешает видеть радости и краски.
Хожу тихонько по цепи кругом
И совести рассказываю сказки.
Термометр увяз в своем ноле,
В окошках каша с примесями снега.

...Но жаворонок, сильный, словно лев,
Взлетает в ослепительное небо.
Уеду я (пол-литра за коня!)
В деревню, прочь от скрежета железа...
Как здорово, что город за меня.
Как здорово, что это бесполезно.

* * *

Серенькие плюшевые шторы
Сдвинуты чуть влево, как бемоль.
Преют наши пыльные (ми)норы
С видом на кирпичное бельмо.

Киснет снеговое оригами,
Плесень разъедает наши сны.
Снова лужи – синими кругами
Под глазами сумрачной весны.

Едкий дым последнего причала,
Ржавчиной покрытая река...
Это сердце каменной печали,
Здесь из труб исходят облака.

* * *

Цветет сирень. Цветет еще с утра.
Дымит, благоухает целый день.
Я раньше думал: жизнь моя – игра,
Теперь об этом думать просто лень.

Горит сирень, цветет в мое окно,
Мешает день и север, ночь и юг.
Что ж, без нее мне было бы темно,
А так я вижу ясно грязь вокруг.

Вечор метался ветер. И фонарь
Был на луну похож. Скрипела дверь.
Накрыли город изморось и хмаря,
Гремела жесть на крышах, а теперь

Цветет сирень, как радостный привет,
Но я не слышу (видно, не пора),
Как будто бы меня здесь вовсе нет,
Как будто я остался во вчера...

ПАСХАЛЬНОЕ

Собирался дожить тихо до седин.
А года все спешили и шли на убыль,
Может быть, оттого, что из всех – один
Я писал о зиме и не верил в чудо.

Мне так нравится радужных птиц балет
И когда в небо дружно взлетают стаи, —
Может быть, оттого, что я столько лет
Ждал, пока этот снег наконец растает.

Но теперь всё иначе: на раз-два-три
Распадаются стылого дня волокна.
Вот на солнечных зайчиков — посмотри! —
Рассыпаются весело наши окна.

И разлит благовест, как елей, вокруг.
Разрываем счета, обнуляем сметы...
Я не знаю, что с нами случилось вдруг:
Может, просто апрель, может быть, бессмертье.

ЛЕТНИЕ СТИХИ

Пролог

Морды. Оскалы. Рогатки. Сети.
Звери и дурачки.
Дайте скорее мне... Как их... Эти...
Розовые очки!

1

Я неврастеник.
Сжигаю гимны.
Но даже тени
Без света гибнут.

Зола июля.
Снега ромашек.
Рассвет не пуля
И не промажет...

2

Горести несокрушимы,
Только привыкаю к чуду:
Вновь души своей ушибы
Сельским облаком врачую, —

И выглядывает солнце,
Как ребенок, из-за сосен!

3

Даром щедрое солнце
Раздает пироги –
Золотистого, сочного
Счастья круги!

Клубится букет цветочный,
Распахнуты окна в сад!
На ветках изящно и точно
Бусины рос висят...

Куст репейный колюч.
Лужи – сотнями юл!
Стрекоза, словно ключ,
Открывает июль.

Позабыты дни мая.
Так давай поглазеем:
На щиты поднимают
Огородную зелень!

Взмах сильнее и резче!
Что нам в бабочках проку? –
Но летают на бреющем
Над щетиной укропа...

Вовсе не беспокоясь
О смысле своих премьер,
Баня дымит, как поезд
Из фильма братьев Люмьеर.

Нет размашистей края,
Нет безбрежней его.
Жить бы, не умирая, –
Знать бы лишь – для чего...

4

Река не выражает
Ни общих настроений,
Ни вид на урожай,
Ни курса «доллар – к юене».

Взрываются зарницы,
Мелькают поезда. И
К чему ей торопиться? –
Она не опаздывает.

Не ждет от нас прощенья,
Не требует участья...
Река есть ощущенье
Потерянного счастья.

Не будет больше жажды,
Ни комаров, ни мошек...
Пусть плавает не каждый –
Любой купаться может...

5

Он выше нашего закона.
Он поднят нами на щиты.
Похож на страшного дракона –
И никого не пощадит.

Дымят заводы в поле чистом,
Высасывает реку ГРЭС.
По лугу жеребенок мчится –
Сейчас его сожрет прогресс.

6

Тихо бреду я по сельской дорожке.
Слышно, что в клубе бушует кино...
Вечер на липе сидит, свесив ножки.
Дети картошкины в гнездах давно.

Скоро умолкнут запретные звуки,
Скоро киношная стихнет любовь.
К звездам протянут зеленые руки
Свекла, петрушка, да лук, да морковь.

Мне в эту сумрачность нечем гордиться.
Сердце накрыла таежная сень.
Все, как положено, в русских традициях:
Ты далеко и не пишешь совсем.

7

Ветры горели, и плавилась мгla.
В нездешнем огне закалялась ночи сталь.
Скажи мне, любимая, где ты была,
Когда я корчился от одиночества?

Вернулась. Блеснула царицей Савской.
А после – унынье и полный штиль.
Теперь, проходя, не смотрю на красавиц, –
А как еще я могу отомстить?

Думал – я миром владею, как залом.
Думал – поэт и творю волшебство,
Но вот ты исчезла, и оказалось,
Что нет у меня вообще ничего...

8

Пусть неодушевленный, но живой.
Вот-вот взлетит, хотя отнюдь не птица.
Он рвется к небу всей своей листвой,
Как будто может с ним соединиться.

Хотел бы я иметь такой же нрав:
Жить, не играя, жить не понарошку...
И если есть в округе тот, кто прав,
То это клен, живущий за окошком.

Грехи – вот все мое богатство,
Уж этим точно я велик.
...Что делать с этаким поганцем? –
Наверно, легче пристрелить.

Идут соблазны, словно волны.
Давно истратил свой аванс.
Но я прошу – уже безмолвно –
Дать в сотый раз... последний шанс.

* * *

Возле дома стройный тополь
Сыплет тень через плетень...
Вечер дачный. Ветер теплый.
Дольче вита длится день.

Облака плывут неспешно,
По-над деревом скользя.
За листвой светло трепещет
Сердце лета – стрекоза...

* * *

На реке время измеряется всплесками воды.
Десять всплесков равны одной звезде
или солнечному лучу.
Поэтому время бесконечно.

* * *

Летний час у вечерней запруды,
Где по водам спешат сотни стрел.
Рядом копны торчат, словно груди, –
Я на них бы смотрел и смотрел...

Чуть поодаль картина другая:
Там изба забралась на бугор,
И подсолнух глядит, не мигая,
Перевесившись через забор.

Преклонили березы вершины.
Пыль взлетает почти до небес.
С лаем псина бежит за машиной,
Всей душой ненавидя прогресс.

Грузовик очумело несется
В край, где нет ни тебя, ни меня.
За леса скоро скатится солнце
Головою казненного дня.

ЛЕТО

*Трезвость – кражса есть,
Как сказал Прудон.*

Н. Глазков

Пусть Прудон говорил не о том,
Надо выпить, иначе как будто
Пуст усталый и старенький дом,
Куст увял, не цветут незабудки;
И себя понимаю с трудом.

Выпью залпом стакан (молока)
Да пойду в заповедные дали,
Где литота мощней кулака,
Где метафор сверкают медали
И дорога бежит, как строка,
Где колышется зелени взвесь...

Мостик в небо никак не дострою,
Потому что поэзия есть
Чувство собственного недостоинства,
А берется – откуда не весть...

Обновив предыюньский наряд,
Поменяв эхо, вкусы и нравы,
Дерева шелестят, говорят, –
На дубравы не същешь управы,
Единицы не выстроишь в ряд.

Только танец стеклянных стрекоз,
Только ветер высокий навстречу.
Нашей баньки дымит паровоз,
Убегает в сиреневый вечер
И теряется там, меж берез...

БЕРЕЗЫ

Белоснежны стволы, и шуршат, словно шелк,
Молодые, сквозные листья.
Мне укрыться бы здесь, чтоб никто не нашел,
И стихами весь день молиться.

(Нам теперь не до легкой воздушной игры,
Смотрим в горнее сиротливо...
Прежде мы открывали иные миры,
А теперь открываем пиво.)

Хороши вы, березки, в июлью пургу,
В заревую метель России...
Затеряться меж вами, увы, не могу,
Я не такой красивый...

Для чего нам даны, если мир этот лих,
Если выпиты дни и силы? –
Чтоб, когда тяжело нам, на крыльях своих
В небо ясное возносили...

* * *

Скептик видит шапито,
Предъянварье, поле белое...
Шелестит листвою то,
Из чего бумагу делают.

Словно бы игра с зимой –
Фишки, четное, нечетное...
Захлебнуться можешь тьмой,
Если ставишь всё на черное.

Знаешь сам, что так нельзя,
Но хранишь себя без устали.
Посмотри во все глаза,
Не поверишь, не почувствуешь –

Осыпается в рассвет
Тихо, буднично, не клипово
Липовый душистый цвет –
Настоящий, а не липовый...

* * *

Липовым чаем с блюдца
Греться под шум цветка,
Снова лицом уткнуться
В белые облака,

Выйти на мягких лапах
В аловый мир огня,
В лужах, как в циферблатах,
Видеть движенье дня,

Ждать от него ответа,
Верить, что не тверез.
...Утро, вся сила ветра –
В кронах твоих берез!

До журавлиной песни
В тихий зеленый шум
Буду я падать, если
Все же лететь решу.

Думать вот так нелепо,
Впрочем — куда ни шло:
Бабочки — это лето,
Ставшее на крыло...

* * *

Мне снова не страшно и не все равно:
В июньскую юность открыто окно,
И кажется, можно все то, что нельзя,
И тени по ситцевым волнам скользят.

Есть хлеб из сельпо, а еще молоко,
И видно, как жить, далеко-далеко...
Приемник окна и антenna сосны —
Настроиться чтобы на светлые сны.

* * *

*Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины.*

А.С. Пушкин

Повсюду ладан, золото, смиrna.
И нет ни боли, ни вины.

А левый берег там покатый,
Другой же крут, за ним урман...
Стучит мотором старый катер,
Несспешно катит сквозь туман.

Мерцает свет в оконной раме –
И настоящий, и живой...
Там хочется, как будто в храме,
Быть с непокрытой головой.

Вот над селом восходит солнце.
Заря раскинула крыла.
Как будто свечи, тают сосны,
По их коре течёт смола.

Как будто отступило лихо –
Такая всюду благодать,
Что, кроме слов молитвы тихой,
Мне больше нечего сказать.

* * *

Мне так нужны покой и воля,
И дрожь осиновых листов,
И даль, разбросанная полем
Простых ромашковых цветов.

Идти – глаза глядят насколько:
Под песни присной старины,
Под звон беспечный колокольцев,
Что за рекой едва слышны.

А дальше – ели, дальше – сосны.
Базар пичужий говорлив.
И вызревает в небе солнце,
Как будто золотой налив.

* * *

Плевать, что всё – скорей и срочно!
Я очарован тишиной.
Ее нарушить страшно строчной
И уж тем паче прописной.

В глухом kraю, где нет печалей,
А если есть, то – сущий вздор,
Тщедушный клен стоит, качаясь,
Рукой опервшись на забор.

Звездой подшит, как будто скрепкой,
Листок неслышных миру нот –
Лиши иногда калитка скрипнет,
Спросонок старый пес взбрехнет...

И выправляются основы,
И в сердце что-то зреет вновь,
Что, не найдя точнее слова,
Иной бы мог назвать «любовь»...

* * *

На мосточек – девушка,
Под мосточком – уточки.
Я влюблен всамделешно,
А тебе всё шуточки.

Смотришь несмеяною,
Машешь ручкой правою...
Мы, покуда пьяные,
Все мужчины бравые.

Что же ты несмелая?
Едем в тиши квартирную...
Жизнь – театр, милая! –
Хватит репетировать...

АППЛИКАЦИЯ

В чести – грести. В почете – планы.
Мы крошим снежную слюду.
Что лето?

За тепло те платят,
А эти этику блюдут.

Уже ни жара, ни отваги.
Глядим на улицу с тоской,
Как будто сделан из бумаги
Пейзаж неброский городской.

Ветра назойливей и злее.
Все хлещет, рвется на лету.
Ах, если б можно было склеить
Смешную девушку вон ту!..

* * *

*Равенство, брат,
исключает братство.*

Тяжело фарисеям летом.
Дамы следуют моде слепо.
Дамы, кажется, вовсе без
Ничего. Я смотрю под ноги,
Но боюсь, что сбьюсь с дороги.
От жары я совсем балбес.

Модернизменно пью красу их.
Перед дамами фарисуюсь,
Фарисею слова... Но вдруг
Понимаю – пора убраться.
... Ну, какое возможно братство,
Если столько сестер вокруг?

* * *

Они не знают про свободу,
Про то, что можно быть счастливыми.
Настолько чопорны, чванливы,
Что пиво превращают в воду.

Не верят в былъ, не верят в небыль,
Плевать на шум июльской рощи.
А кажется, чего уж проще –
Прочесть сонет, взглянуть на небо...

Но подле – снобы и сnobята...
Довольно подводить итоги.
Снимайте смокинги и тоги...
Айда в футбол играть, ребята!

ДЕТСКОЕ

Тучата наползают,
Мотаются кусты.
И дождь, косой, как заяц,
Вдоль улиц пропустил.

Пищит вовсю скворечник –
Там выводок птенят...
Ложатся лужи решкой,
Отчаянно звенят.

И, серебром омытый,
Топорщится репей,
Орлом глядит лохматый,
Небритый воробей.

Мы в этом шуме-гаме
Под солнечным дождем
Веселыми ногами
Болтаем обо всем!..

* * *

Научи меня играть, солнце,
Гаммы гомона лесной птицы,
Тишине ландышей и шум сосен;
Научи простить и проститься
С настоящим, что уже в прошлом,
С переулком, ветром клубивым;
И – словам, небитым, хорошим,
В час, когда ладони любимой,
Словно б шелковый платок, комкал,
Звал на волю, из больных комнат,
Чтобы стала радость верною, полной...
Не молчи, учи, я запомню –
Белый город рощ березовых, пристань,
Свет небесный ныне и присно.

ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО СТИХОТВОРЕНИЯ

Прохлаждаюсь на перроне,
Счастья жду.
Не готов я к обороне
И труду.

Во вражде живется тесно –
Грязь да кровь...
Я насвистываю песню
Про любовь.

С летом, прошлое отринув,
Я на «ты».
Рифмами разбил витрину
Суеты.

Мне положено по стажу
Слушать птах.
Февралю фингал поставил
Просто так.

Эх, податься мне куда же
На Земле? –
У меня июнь даже
В феврале.

Светит нам звезда большая,
Без труда
Эвфонией нагружая
Поезда.

Не Кощей, чтоб в одичанье
Жить и лжи,
Чтобы золото молчанья
Сторожить.

Ночь тревожит. Ну так что же? –
Неспроста,
Аки волк, мне сердце гложет
Красота.

РУССКАЯ

Башенки острога,
Темная река,
Горькая дорога,
Долгая тоска.

Небо облакато.
Весел я, хоть плачь.
Алый пух заката –
Лебедев кумач.

* * *

Нет, не думаю ни о ком
И не плачу, что век исчерчен.
Се, в алембике городском
Я до самого дна исчерпан.

В голове из вчера туман.
Мне с трудом удалось подняться.
Полон черной дырой карман,
И на улице блюз 16...

Вновь бреду, нелепый, смешной,
Сознавая свое бессилье,
Оставляя дождь за спиной,
Но имея в виду крылья...

НОЧНАЯ ЭЛЕГИЯ

Подражание

Нет рядом разлюбезной Беатриче...
Ночную тишину склевали соловьи.
Я слышу смех и голоса девичьи,
Гитары звон и песни о любви.

Тоскую в тесной келье, как затворник.
Увы, ничтожны все мои труды!
Вчера был понедельник, нынче – вторник,
Там доживем, быть может, до среды.

Aх, если б только шаг навстречу сделать,
Пойти на голос радостей и слёз,
И целовать уста прекрасной девы,
И слушать прянный шум ее волос.

Не буду ни печалиться, ни плакать,
Что толку? – брошен всеми на Земле.
...Ее простое ситцевое платье –
Крупица света в непроглядной мгле.

ЭЛЕГИЯ

От мира мне не нужно ничего:
Ни славы, ни удачи, ни участья.

Но всё, как прежде, все на одного:
Грызут меня и тело рвут на части.

Во взгляде нержавеющая сталь.
И крик души не просится на волю.
Пускай не вдруг пить кофе перестал,
Пускай не друг – товарищ алкоголю.

Пускай живу, забыв свое родство
Со всеми, кто, как я, тоскою ранен. –
От мира мне не нужно ничего...
Но все ж он лучше войн и перебранок.

Вокруг такая жуть, такая чудь,
И мрак, и мор, и морок, темнота, и...
Мне времени всегда совсем чуть-чуть
Прожить о самом главном не хвата...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Глупо звать напасти,
Душу рвать на части,
И кидаться в пасти,
И сгорать в бою...
Может, станет лучше,
Вспыхнет теплый лучик –
Ты меня послушай,
Я тебе спою.

Слов хороших уйма...
Синеватый сумрак –
Это просто сумма
Прожитого дня.
Мы минуем рифы,
Корни, логарифмы –
Сыщутся ли рифмы
Нынче у меня?

Как тут быть счастливым? –
Всё вразлад и криво.
Смотрит сиротливо
Глухоманный край.
Загрустил немножко?
Распахну окошко.
Ветер, на гармошке
Шторы подыграй...

На душе короста,
И «запой» непросто
Превратить в глагол...
Утром в синей чаше
Пропоют про счастье
Птицы в сотни горл...

Чуть слышны деревья.
Веет сказкой древней.
Дай же нам, деревня,
Долгой тишины,
Силы великана...
Ни к чему тоска нам.
Выпью полстакана
Молодой луны.

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Завтра рано вставать: и по этому поводу – спим,
Обнимая подушки.

Окошко распахнуто. Душно.
Что осталось у нас? – обескрылленность судеб и спин.
Наши сны так чисты, что читателю стало бы скучно,
Расскажи я о них.

Впрочем, речь не о снах... Вовсе нет!
Нас с тобою легко в тополиные неводы ловят.
До святых далеко: этот лунный июлевый свет
Не посланье, не знак, не тревога, а лишь оголовье...

Подсознание крутит и крутит цветное кино,
На которое смотришь лениво и как бы сквозь пальцы.
Заоконная даль так привычна, что нам все равно –
Все равно, для чего, или где, или с кем просыпаться...

Окользовано время – как хочешь высчитывай, мерь,
Перемешаны будни, истории, лица и числа.
Шар луны в лузу лужи упал.

Оттого ли теперь
Все, что будет, – прошло, все, что было когда-то, –
случится?..

* * *

*Мечты, мечты,
Где ваша сладость?*
А.С. Пушкин

Для счастья не надо много,
Напротив, совсем чуть-чуть:
Дорога чтоб от порога
Звала нас куда-нибудь.

Да яблоня у калитки,
За тихой рекой – огни,
Да медленно, как улитки,
Скользили бы наши дни.

Гремел по Советской трактор,
В лесничество вез дрова,
А я бы на это тратил
Таинственные слова.

И чтобы в окне картошка
Всех роз веселей цвела,
Чтоб радовалась гармошка
На дальнем конце села.

Чтоб пекарь, пчела и доктор
Читали стихи Сапфо,
Чтоб пел о нас репродуктор
На площади у сельпо.

Мы жили б легко и дружно,
Рассеяв беду и мрак,
Как будто уже не нужно
Ни плакать, ни умирать.

* * *

Лето, ласковое, дачное,
Я учу твои азы:
Тень куста, крыло прозрачное
Стрекозы.

К речке, разноцветной, узенькой,
Из которой пьет листва,
Подбирать несложно музыку
И слова.

Жду чего? – веселых звончиков,
Колокольчиков огня
И салют из одуванчиков
В честь меня...

* * *

Как хорошо! Какой покой:
Ночь пережил, и хватит «пере-»...
Деревня тонкою рекой
За шею обнимает берег.

Бегут по небу облака,
И не напрасно солнце красно...
Пусть не совсем понятно – как,
Но где могу спасаться, – ясно.

Живу неслышно, не спеша,
Чужой успех не карауля...
Растаяла моя душа,
Хоть мажь ее на хлеб июля.

ИДИЛЛИЯ

Чтобы фрукты в корзине,
Абажур набекрень
И в оконной картине
Билась душно сирень...

Чтоб скамейка белела
И струилась трава.
Чтобы не было дела,
Только рифмы, слова,

И стада тучек тучных,
И прилунные сны...
Для стихов сладкозвучных
Тиши и праздность нужны.

Чтобы ночь словно омут,
Чтобы дом как причал,
Чтобы лирой черемух
Ветер нежно бренчал.

Чтоб слоняться без толку,
Сжечь дотла корабли...
Чтоб искали, да только
Ни за что не нашли!

Чтобы не было дела,
И сломались часы,
И прекрасная дева
Распустила волосы,

Сбросив грусти вериги,
Сбросив все не свое...
Как любимую книгу,
Я читал бы ее.

Чтоб ни шума, ни пыли,
Ни тазов, ни кастрюль...
Чтобы мы с нею были.
И всегда был июль...

НЕБЫЛЬ

Навоз, комары. И орут петухи.
В дрова тут кромсают сосну и березу.
Деревня – высокого строя стихи,
Которые местный читает как прозу.

Ругаются матом? Но прочих словес
Порой не приемлет живая беседа.
Откуда уверенность, что соловей,
Щебечет когда, – не ругает соседа?

Бывает, и пьют. Непростая судьба:
Река отливает цветным перламутром –
И ты, оглушенный закатом, в себя
Приходишь (как это знакомо!) лишь утром.

Деревня – страна неподдельных чудес,
Мираж и мечта о несбыточном счастье.
...Я словно пошел за брусникою в лес
И вспомнил, что некуда возвращаться.

* * *

Что-то ноет и гложет...
Маэта на душе.
Я не буду уже
Веселей и моложе...

Я измучен тоскою.
Где ты, юность моя?
Выйду на берег я,
Постою над рекою.

А вода в ней такая –
Что прозрачней стекла.
...Раньше просто текла,
А теперь утекает.

* * *

Потолок не дает представленья о небе.
Открываю окно – пусть поют соловьи.
Я старался, родная, и все-таки не бе-
Русь стихами сказать про красоты твои.

Пусть щебечут пичужки и листья хлопочут.
Пусть играют букашки – неведом им счет.
Пусть конверты несет облаковая почта.
Я пока погожу, почитаю еще!

Кто-то спит под кустом, обнимая пол-литра,
Кто-то ждет электричку, не ждет никого...
Я гляжу в небеса и горячей молитвой
Защищаю себя от себя самого.

Пусть дымят тополя и качаются вязы,
Пусть ночуют влюбленные в теплом стогу...
Я с землей слишком многими нитями связан,
И поэтому, видно, взлететь не могу.

Потому не ревную к чужому полету.
Но остался бы здесь, где июль без конца,
Где летают беспечно стрекозы по лету
Из вчера прямо в завтра, сквозь наши сердца.

* * *

1

Я болен этой тусклой тоской.
Бегу куда-то сквозь фонарный ветер,
Отрезанный чертою городской
От лебедей весеннего рассвета.

...Курится не туман, а фимиам,
Но различаю дорогие лица:
Деревня – как купальня Силоам,
В которую вошел – и исцелился...

2

Повсюду любовь.
И я здесь не лишний.
Мне дальний любой
Становится ближним.

Они не одни.
Им вовсе не тесно.
И я среди них
Как слово в контексте.

3

Тих пирамидальный свет,
Ясен вечер.
Верю в то, что смерти нет, –
Только вечность!

Чистый свет, негромкий час,
Вечер синий.
Кто помолится о нас –
О России?..

Снова прошлое на слом,
Стыль оскомин...
Небо над моим селом
Всё – икона.

* * *

Попрятали люди лица.
Не скоро еще заря.
Луна никуда не годится
В качестве фонаря.

Теперь нам пора прощаться
Под просвист фонарных стрел.
Да мне ли не знать про счастье! –
Я в «Гугле» вчера смотрел...
Печальный финал love-story*.
Слова холоднее льда.

...Но я тоже чего-то стою,
Если целит в меня звезда!

* * *

Про то, что живем тетерями,
Что сердце опять саднит,
Что брошены и потеряны,
А все-таки не одни...

Что слово нужнее воздуха,
Что больше так жить невмочь, –
Вот про что эта звездная,
Южная эта ночь.

* * *

Кресало кресла высекает мрак,
И сумерки везде пустили корни.
Так хорошо и одиноко так!
В сад устремлен вечерний подоконник,

* Любовная история (англ.).

В окне стоят деревья, как столбы,
И карта лета скоро будет бита.
Просить взаймы не стоит у судьбы,
А я прошу – глоток простого быта...

Помедли, август! Здесь я прячусь от
Тоски, забот и лютого борея...
Но яблоко со стуком в Землю бьет,
И время оттого бежит быстрее.

ОДНОСЕЛЬЧАНЕ

Истончаются морщины.
Дольше всякий день на треть.
Ни единой нет причины,
Чтобы взять да помереть.

Рвутся вервия и цепи,
Солнце плещется окрест.
И во имя светлой цели
Васильки корова ест.

Можно петь. И тратить можно
Свет ромашек в триста ватт,
Переливами гармошки
Раны сердца врачевать.

Так живут: растят года и –
Что скрывать? – довольны всем.
Не болеют, не страдают,
Не стареют... А зачем?

* * *

Надета на подушку дня
Простая наволочка ночи.

Чадит фонарь несмело для
Тех, кто домой идти не хочет.

А надо спать и видеть сны,
Но мне не спится в ночь глухую –
Законы внутренней войны...
(И рифму подыскать какую?)

Я снова не смыкаю вежд,
Смотрю листовые колыханье.
Тьма гасит искорки надежд
Своим прокуренным дыханьем.

Никто не знает о войне,
Огне, метаньях, вязкой боли...
Кусочек звезд в моем окне –
Как будто мне не надо больше.

Я буду выходить в эфир,
Пока не взял судьбу другую,
Пока разбитый, шаткий мир
Гвоздями слов скреплять могу я...

ИЮНЬ

...И читает пусть стихи нам,
Смело мажет мастихином
Листья, бабочек, траву,
Облака и синеву.
Пусть везут в наш город лето
Поезда и самолеты,
Разгружают там и тут,
Всем бесплатно раздают.

Ничего тут не поделать:
Пусть вода дороже денег,
Но бесплатны сонги птиц,
Взмахи девичьих ресниц.

Не от «фотошопных» штучек
И других нездешних шуток
Все смелей день ото дня
Юбок средняя длина.

Хорошо быть травоядным,
Стройным, бронзовым, нарядным,
И готовым на подъем,
И включенным на прием,
Самовыражаться в танце,
Больше не держать дистанций...

Всюду гомон, цвет и свет.
Есть июнь.

А смерти нет.

К СОСНАМ

Ты знал ли, что сосны – мои друзья?
Их можно спилить, но сломить нельзя.
Им можно смешные читать стихи,
Они отвечают тебе: хи-хи.

Вот, хвоей своей занавесив дождь,
Идут не спеша, если ты идешь
И дышишь зеленою тишиной...
В обиде не встанут к тебе спиной.

Они терпеливы, еще – добры.
А сердятся, если ветра острЫ.
Но нынче спокойно и хорошо.
И я улыбаюсь – к друзьям пришел...

ДРУЗЬЯМ

Подальше прочь от города,
Где нам маячит пенсия! –
Гитару взять за горлышко
И с жадностью пить песенки,

Дышать еловым воздухом,
Тайге читать послания,
Дарить друг другу звезды и
Загадывать желания.

Залюбоваться лицами
И в них смотреться тщательно...
Как жаль, что мы не птицы и
Непросто возвращаться нам,

Забыв печали прежние...
А жизнь под горку катится.
Хоть встречи стали реже, но
Их возрастает качество.

Тоске отдали должное.
И не помянем прошлое.
Продлится пусть подольше ночь,
Июльская, хорошая...

От корки и до корки бы
Рассказывать истории,
Костра вдыхая горький дым,
Но сладче нет которого...

* * *

На судьбу ворчать не стану,
Хоть печалям нет конца.

Прокати... прокатным станом
До знакомого крыльца.

Докатиться б до деревни
Мне на транспорте каком –
Шумным ветром по деревьям,
Мимолетным мотыльком...
Там стоит тихонько в раме
Золотой вечерний свет,
Ночь в свое приходит время,
Только тьмы в помине нет.

И цветы смежают веки
Лишь на несколько минут.
И текут по небу реки,
Из которых люди пьют...

РЭП АВГУСТА

Дочке Марусе

Нет ничего лучше,
Когда солнечный лучик
Выскочит –
чит-чит –
из лиственной арки.
Мы на велосипедах в парке.
Краски неярки,
Души немарки.
Плевать на ранги и марки.
Лепет Парки
Или шепот листьев?
Мы не остановились,
Нам ехать в осень.
На часах восемь
Минут седьмого.
Для кого-то game over* –
Телик и пупик,

* Игра окончена (англ.).

А нам пофиг.
Мы с дочкой –
В точку!
На велосипедах,
В стильных кедах.
Прошедшего дня – остав...
Хочешь знать больше, просто
Сверни по тропинке налево.
Клёво!
Теперь ты видел, что королева
Мешает грязь и розы,
Возле кривой березы.
А мы едем дальше,
Фальши –
Ни грамма,
Воспроизводит без фонограммы
Любая корона
Шумы, обертоны,
Себя самоё...
Ё!
В стороне проспект.
Респект
Изобретателю колеса.
Зеленые телеса
Будут брошены под ноги в сентябре.
Точка – тире, точка – тире:
Светотень на асфальте...
Лужа делает сальто.
Плевать на «Яндекс» и «Гугл»,
На прозаизмы.
Огибай угол
Собственной жизни.
Беззаботны, как птицы.
Нам незачем торопиться,
Вступать в борьбу –
Вяжем на спицах
(Велосипедных спицах)
Свою судьбу...

ЛЕТНЯЯ ПЕСНЯ

Акростих

Летит, летит мой легкокрылый стих!
Ему уже давно пора на воздух.
Тяжелый вечер догорел, затих,
На небе появились астры (звезды).
Я виноват: он бился взаперти,
Явившись не вполне, не образцово.
Прошу теперь: «Не сдайся, долети!
Еще ведь не дописана концовка...»
Срезает волны. Гонит беды прочь...
Но если он разрубит эту ночь –
Яснее будет горестная полночь!

* * *

Как темно и печально вокруг.
Тень июля висит на заборе.
Мне с душою, пустою, как море,
Тяжело меж веселых подруг.

Содрогается все существо:
Больно, словно в пространстве исконном
Тополь солнечный вырвали с корнем
И не дали взамен ничего...

ЕСЛИ – ПРО ЖИЗНЬ...

Когда покидаешь клетку,
Все, кажется, – не всерьез.
...Ночное лесное лето
С горчинкою дальних звезд,

Огонь и немного дыма.
Кипит в котелке чаек.

Как тихо, как нелюдимо!
Все брошено, все ничье...

Я думал, что будет чисто –
Паркет, кружева да шелк,
А вышло совсем нечестно...
Я вышел, но не дошел.

Пусть тучи густеют грозно,
Я выйти хочу на свет! –
По времени вроде поздно,
А по ощущеньям – нет.

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ЛЕТА

Может, это стеклянные блюдца
Или просто лежит светотень?..
Не боясь, что со счета сбьется,
Ветер листья считает весь день.

Мы поем приземленные песни,
Машем птицам устало рукой...
Тихо тают они в поднебесье,
Только выбор у птицы какой?

Даль раскрыта, как пестрая книга,
Но прихлопнет ее темнота...
И уже ни столетья, ни мига, –
Только черной дороги черта.

В эту летопись напропалую
Мы бросаемся, выбелив спам:
Не целую тебя, не целую! –
Я читаю тебя по губам...

КОНЕЦ АВГУСТА

На тысячи км всё как всегда.
И скорость перемен равна распаду.
Во тьму тихонько падает звезда,
Как в черный чай – кусочек рафинада.

Пора, пора! Все пули в молоко.
Вот-вот затянет ветер песнь про холод.
И ты спешишь куда-то далеко,
Но всякий раз к избе своей приходишь.

Тревожно сентябрякает вдали.
Готовится к отлету птичье племя.
И некому с тобою разделить
Ни чай, ни жизнь, ни даже путь на время.

МЕТАМОРФОЗЫ

*Ныне хочу рассказать про тела,
превращенные в формы новые.*

П. Овидий

1

Под шапкою не прячу головы,
До снегопадов – словно до Китая...
И полновесен изумруд листвы.
Но тут ведь арифметика простая –

Зима народ разгонит по углам,
Заставит шарфи затянуть потуже
И нашу жизнь поделит пополам:
На «до» и «после» вечной зимней стужи...

Молчит, не колоколится Валдай.
Я полкожа готов отдать за царство,
Жизнь горькая настолько, что вода
Горчит, не говоря уж о лекарствах.

Высотные дома стоят стеной –
И утро к нам приходит часом позже.

Наш город всякий раз ко мне – спиной.
Поэты позастили в мирных позах.
Стихи тихи, как мухи в янтаре.
На рюмку чаю не к кому причалить.
Смерть закрывает бронзой бунтарей,
Чтоб больше ничего не прокричали...

Но что-то есть в подрезанности крыл
(За легкость бытия сошла вполне бы...)
Для горожан дождь сыплет прямо с крыш,
Поскольку здесь почти не видно неба.

2

Мне нравится, что в чайнике вода
Бурлит как символ жизни и уюта,
И в небесах сиреневых звезды
Мигает мне и дальнему кому-то.

Мне нравится, что дождик моросит –
Не голосит, а просит снова лета...
Из всех, когда-то виденных Россий,
Мне более всего подходит эта.

Прошедшим дням веду печальный счет.
Меж нами и зимой просвет всё ужे.
Но августа внутри меня еще –
Я чувствую – не меньше, чем снаружи.

3

О чем поют под окнами цветы
Под слаженный оркестр насекомых,
О чем тревожно мявкают коты,
Которым тесно в кубометрах комнат? –

О том, что предсказуем календарь...
Но я не одинок и не оставлен.
Готов лицом к лицу встречать январь,
Который весь – из сумрака и стали.

Поверить бы, что это на века:
Лист мать-и-мачехи – как чет и нечет,
Присыпанная розовым река
И вечер, мускулистый, как кузнецик...

P.S.

Прорехами высовркивает мгла.
Повсюду жизнь торопится, живая...
По небу реактивная игла
Рассвет к минувшей ночи пришивает.

ЭФЕМЕРИДЫ

На теплом небе звезд не счесть.
Их список и до середины
Мне не прочесть – сочту за честь
Быть созерцателем картины.

Страдаю, верю и зову,
Меняю на рубли свободу.
Стихи мои – всего лишь звук
От камня, брошенного в воду.

Немало стоит мне труда
Ломиться в запертые двери...
Но не могу сказать «звезда»
Так, чтобы кто-нибудь поверил.

Пророк я, видимо, плохой:
Во тьме, бескрайней, зыбкой, южной,
Я прозреваю теплоход,
Но это никому не нужно.

Не нужно тем, кого судьба
Забросила в цветущий лайнер –
И потому они себя
Самых беспечно обнуляют.

К чему искать сюжеты, темы,
Когда весь дол видений полн?
Читаю море, как поэму
С ритмическим рисунком волн.

Живут во мне медведь и рысь.
Я жаден сумрачно, поэты:
Срывать хотел бы звезды эти,
Как яблоки, и жадно грызть!

Бежать от маэты пустой,
От жизни суетной и тленной,
Чтоб напитаться красотой,
Стать частью красоты Вселенной.

Я разгоняю стаи туч
И от могущества пьянею,
Мой голос грозен и могуч...
Писк комара – и тот слышнее!

Когда лежит весь мир в золе,
Подняться нелегко над бездной.
Заговорить стихом небесным,
Идя по выжженной земле.

Как малахольный неврастеник,
Живу с сознанием вины.
Из мрака выползают тени,
А может, это просто сны?

Вином встречаю новый день я,
Свожу свои дела к нулю.

Друзья приходят в сновиденьях
И говорят, что я не сплю.

Господь! Творю молитву снова.
Гляжу с надеждой тихой ввысь.
Я знаю, что возможно Словом,
По слову Твоему, спастись.

Виной не люди, не эпоха,
Но синий лед в моей груди.
Веду себя я очень плохо –
Ты, Господи, меня веди!

Кто я такой? – придумал небыль,
Живу, раскрашивая быт.
...Морская твердь глядится в небо.
Я третий лишний, может быть.

Иду по берегу. Лоскутик
Июля бьется за спиной.
Я не забыл, что смертен: спутник,
Как ворон, вьется надо мной.

Нет, я не ангел и не птица,
Но, сломанный земным трудом,
Хочу на небо возвратиться,
Как блудный сын, в свой отчий дом.

Но клетка – что ни говори –
У каждого из нас внутри!

* * *

Это смутное время нам застит глаза.
Больше нечем дышать. И повсюду гроза –
Это первая ласточка...

И в неоновом свете искрится вода.
А за тучей тихонечко лопнет звезда,
Словно тусклая лампочка.

Как печально алеют чернила реки.
Ветер гонит над крышами материки.
Верить – дело опасное.

На проспекте все глуше, серей и сырей.
...Лишь бы только в бокалах резных фонарей
Не кончалось шампанское!

ЛЕГАТО

Искать белый свет в этот час не с руки –
Всю ночь сыплет дождь. Наконец-то город,
Просторно разлегшийся у реки,
Промочит свое железное горло.

И только круги от дорожных колец,
Только пропитанный горечью воздух.
Становится ясно, что лету конец.
Концы, как положено, спрятаны в воду...

Как славно, когда никого не ждешь,
В застекленную ночь смотреть сиротливо
И слушать, как летний последний дождь
Переходит в первый осенний ливень.

* * *

Деревам хорошо: им легко и не больно.
(Озаренные вечнью хвоей не в счет...)
Опадает листва. Даль становится больше
И поэтому медленней время течет.

Не звенит, не играет поэтическая лира.
Что мне, Господи, делать на этом посту?
Вижу грязь, вижу мерзости этого мира.
Я прошу: дай увидеть его красоту!

* * *

Начало осени. Как жаль себя и всех.
Отчаян красный крик календаря.
Кует железо осеневый цех –
Не уберечь берез от сентября.

Колокола их крон звонят по ком?
Кому сигналит журавлиный горн?
Сбегает синий поезд ручейком
За шиворот Уральских гор...

ОДНАЖДЫ

1

Снова дорожный месить кисель,
Палые листья топтать ногами.
Крутится детская карусель,
Словно пустой барабан нагана.

2

И валятся все дни в одну корзину,
И облака плывут обычным галсом.
Вновь листопад предсказывает осень –
Он никогда еще не ошибался...

3

Но однажды не станет ни музык, ни слов,
И натянется время, как трос.
И не спрятать тогда золотых куполов
В листопадовом дыме берез.

На излете своих мирно прожитых дней,
В стороне от людской кутерьмы
Умереть бы в одну из таких осеней,
Чтоб уже не дождаться зимы.

* * *

Всегда был поэтом. В том нет вины
Ничьей. Да и что было взять с мальчишки?..
Крохой ходил под стол ли, в штаны –
Все равно собирал материал для книжки.

Юно летя с любимой в кровать,
Ссорясь ли с ней, не жалея запала, –
Думал, как лучше зарифмовать
Вечер с ее глазами опаловыми.

Время придет – оплачу личный счет.
...Оттуда стихов не послать в конверте.
Чуточку жаль, что никто не прочтет
Про то, как там хорошо после смерти.

* * *

Холодно. И мало света.
Греюсь про запас.
Осень обглодает ветки –
Примется за нас.

Пусть я никому не нужен,
Неприкаян пусть
И кочан луны на ужин –
Мой обычный пост,

Пусть еще не сдал рассудок –
Сны как пластилин,

И куда ни кинь, повсюду
Журавлинный клин.

У рябин краснеют щеки.
Ветер звезды стер.
Наши жизни, словно щепки,
Брошены в костер.

* * *

Осенний день. Скудеет свет,
Во всем усталость...
Уже ни птиц, ни листьев нет,
Лишь я остался.
И запах умиранья остр,
Но я не трушу.
И грею руки подле астр,
А может, — душу...

ГРУСТНАЯ ПЕСЕНКА

Бежала по небу лошадка,
С ней — маленький жеребенок...
И я, запрокинув шапку,
Смотрел, как полет их звонок!

Бежали к лазурным рекам.
Догнать их не в силах птицы.
Внизу были имяреки,
Созданные толпиться.

О нынешнем думать тошно:
Обеты, дела, обиды...
Давно позабыл о том, что
Мальчишкой в ту осень видел.

Все материальное шатко,
Судьбы волосок так тонок!
...Бежала по небу лошадка,
С ней – маленький жеребенок.

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ПЕСЕНКА

Грустных мыслей не отбелишь,
Не отыщешь светлых троп,
И благодаря тебе лишь
Я еще не мизантроп...

Дождь закончится едва ли,
Но вокруг цветных огней, –
Как цветов на одеяле
Милой дролечки моей.

Стоит в парк поторопиться.
Сотня сосен – это лес.
Нам деревья пишут письма,
А высотки – sms.

Жизнь вокруг порхает птичкой.
Даль наивна и светла.
Мальчуган с одною спичкой
Может город сжечь дотла.

Если мы в разряде «люди»,
Надо двигаться вперед.
Мир нас очень-очень любит! –
И поэтому сожрет...

* * *

Берег осени, горевой,
Зоревеющий в горьком дыме,

Весь заросший сухой травой,
Почерневший и нелюдимый.

В серых тучах клубится высь,
Листопадовых волн движенье.
Что нам делать и как спастись –
Потерпевшим летокрушенье?..

* * *

Трамваи бегут по кругу.
Не ездит на них никто.
Подмигивают друг другу
Столкнувшиеся авто.

Без карты и осторожно,
Крадусь мимо серых дней.
Разрушено все, что можно,
В деревне души моей.

Свобода уже забыта.
Живу, не смыкая вежд.
Съедает корова быта
Ромашки моих надежд.

Осталось таращить очи,
Скрываться в потемках нор,
Луной любоваться, очень
Похожей на ля-минор...

* * *

Мы снова – в деревенском сентябре,
Но ты грустишь и шепчешь обреченно:
«Что доброго искать в такой дыре,
Имеющей вдобавок свойства черной?..»

Звезда, янтарно-желтая, как мед,
Плывет во тьме над самой нашей крышей
И, кажется, тихонечко поет,
Но лишь для тех, кто может это слышать.

СЕСТРИЧКИ

Мне нравится эта картинка
(Родная, живая, своя):
Сосёнка в обнимку с рябинкой
У нашего дома стоят.

Встречают и солнце, и выногу,
И ветры, которые злы...
Так преданы сестры друг другу –
Водой дождевой не разлить.

В обнимку стоят, цепенея
На холде северных дней.
Не сыщешь на свете нежнее
Колючих сосновых ветвей.

* * *

А что наша жизнь – разноцветный обман?
Четыре угла, семья,
И крик теплохода сквозь ранний туман,
Разбитая колея...

И ветер качает березы опять.
И звякают листья в такт.
Бессмысленно что-то на них покупать,
Поскольку всё дали так...

ОСЕННИЕ СТИХИ

1

Мне нравится иртышный ветер,
Сырые тучи над рекой.
Я знаю, что нигде на свете
Душе не сыщется такой
Покой – всегда в колоре сером,
Стальному, с приметами дождя...
Я уезжаю с легким сердцем –
Меня никто не станет ждать
И провожать, мотая сопли,
Словесную крошить руду...
За пеленой тумана солнце
Едва имеется в виду.

Я в лете не нашел участья,
Размыто красок волшебство.
Все потому, что жизнь – не счастье,
Но обещание его...

Пусть пеплом прошлое покрыто,
Клубится тучевая рать,
Начнем с того, что всё – finita*!
С чего-то ж надо начинать...

2

Петух орет, как птеродактиль.
Дочитан деревенский быт.
И довоенный репродуктор
Молчит о том, что может быть.

Теперь прощай, моя деревня!
Торопят цифры на часах.
Тихонько машут вслед деревья,
И птицы гаснут в небесах.

* Конец, крах (итал.).

Но, может быть, – до скорой встречи?..
Я вижу сквозь сырой огонь
Холмов ссущленные плечи,
Реки блестящую ладонь...

Спесив и страшен мир заречный.
Там, как дракон, порок стоглав.
Там могут ближнего зарезать
Под песню: «All You Need Is Love»*.

Часы стучат в своем ознобе.
Мир дышит смрадно и не в такт...
(Настолько плоский, что, должно быть,
Покоится на трех китах...)

Иртыш не Дон, не Волга да и
Не плод научной ворожбы:
Он не впадает – выпадает
Из географии судьбы...

Я вижу с черного парома,
На ржавый бортик опершись,
Что городская жизнь – пародия
На нашу подлинную жизнь.

Ворон орда. Закат алеет.
Харон – остряк, герой труда.
Паром везет на берег левый,
А если честно, – в никуда...

3

Как трудно петь, когда так душно.
И пить, но не сходить с ума,
И подбирать слова к тому, что
Душе неведомо самой.

* «Все, что тебе нужно, – это любовь» (англ.) –
название песни «Битлз».

Она наплакалась сполна, и
Непросто быть весной – в цвету...
Я не буддист, я заполняю
Стихами эту пустоту.

Вот так, без всякого апломба,
Ищу-свищу слова-ключи...
И как-нибудь от ямба бомбу
Еще сумею отличить.

Давно готовы избы к бою,
И к непогодам, и к тоске,
Ведут беседы меж собою
На деревянном языке.

Редеют птичьи эскадрильи.
Им это все не по нутру.
Мечтают тополя о крыльях,
Мотаясь на сыром ветру.

Подобно зеркалу кривому,
Порывы сердца не новы,
Но снова режет по живому
Стальное лезвие листвы.

4

Считаю дни. Считаю мелочь.
Да пью с врагами допоздна.
Какая все-таки я сволочь!..
И ты должна об этом знать.

А хочешь, жизнь мою кривую
Ругай, оценивай, итожь...
– Давай пойдем на мировую!
– На третью мировую? Что ж...

В больных словах не много смысла.
 Все наши замки ливнем смыло...
 Пустым, как тюбик из-под пасты,
 Как неполученный багаж,
 Как фотография на паспорт, –
 Таким случился мой вояж.

Как жизнь Паоло и Франчески
 В картинах, книгах и во фресках,
 Как в сорок первом – «Рио-Рита»,
 Как застекленная заря,
 Так и душа моя открыта
 Скупому свету сентября.

Шагаем поступью античной,
 Самых себя стремясь постичь, но
 В глазах тоска и жажды Креза,
 Как будто нас питает тьма.
 Из грусти – осень, из железа –
 Зима...

Уже не греет пламя плана
 И не спасает ночь в кредит.
 Пока нас учит жить реклама,
 Смерть будет рядышком бродить...

Aх, как тревожно и осторожно!
 Как тесно, горько, не смешно...
 Но стул придуман, чтобы можно
 Им было высадить окно.

Завязан мир в узлы тугие:
 То снег – то дождь, то снег – то дождь.
 А тучи низкие такие,
 Что ты, ссупулившись, идешь.

Не нужно потрясать основы.
И ни к чему точить мечи.
Илья сразил врагов и снова
Лежит беспечно на печи.

Клубится ночь. И ветер вьется.
Трудна дорога, далека.
И как звезда на дно колодца,
Мне в сердце падает тоска.

Бреду, поникши головою.
Луж стекленеет лазурит...
Вновь опадающей листвою
Со мною осень говорит.

7

Отодвигаю явь рукою
И прописи дремот учу.
Я болен горькою тоскою,
Но не хочу идти к врачу.

Уж не вбежать в родные сенцы,
Не преклонить в избе главу...
С деревнею оставил сердце –
И бессердечным я слыву.

Наверное, бывает хуже,
Но где проложена межа? –
Сейчас я шлепаю по луже,
А мог бы пьяный в ней лежать.

В мирок, холодный, горделивый,
Спешу...

Дышу. И слышу шум:
Все призывают справедливость –
Я милосердия прошу:

Повсюду грязь, и тьма, и слезы...
Сгорают звезды на лету.
И прорицаются березы
Сквозь черный воздух, пустоту...

Очерченены печалью ночи
Дома, деревья и грехи.
Холодный ветер мне и прочим
Читает горькие стихи.

То горы впереди, то ямы.
Бьет жизнь ключом и кирпичом.
Но все же буду петь упрямо,
Пока мне будет жить о чем...

8

Хоть в зеркало смотрю украдкой,
Но я – никто и сам не свой,
Лишь новые стихи в тетрадке
Как доказательство – живой...

* * *

Погожу пускать пиллюлю в висок
(Похожу пусть на незнающих брода)...
Похожу один по парку часок,
Подарю себе немного свободы.

Пусть смеется серый дождь надо мной.
Пусть живется мне на свете непросто.
Я хочу поговорить с тишиной
И деревьями высокого роста.

А когда сгустится стылая ночь,
Станет дождь сильней и ветер нахальней,
Я пойду из парка синего прочь,
Эти строчки затаив, как дыханье...

* * *

Я вижу завтра без прикрас:
Дворы и скверы в листопаде.
Я умираю всякий раз,
Когда сентябрь наступает.

Все больше сумрака, из-за
Чего проспекты стали уже.
И голубь словно бы слеза
У голубого глаза лужи.

Не мне законы отменять.
Допеть. Допить. И не сломаться.
Вновь отрывают от меня
Дни августа кусками мяса...

ОСЕНЬ

Так пахнет мятоей и грозой,
Так ягодно горят рубины!
И, осененный стрекозой,
Стоит осенний куст рябины.

Звезда – последнею строкой...
Пора перевернуть страницу.
А дальше – снеговой покой
И вечный бой, который снится...

...А дым костра острее когтя.
Погасла праздничная медь.
В меду воздушном ложкой дегтя
Воронам целый век чернеть.

Теперь уже не будет тайной,
Что можно жизнь плечом задеть,

Что налетают тучи стаей
И рвут на части стылый день.

Опять грозит бедою арка,
Опять чернеет веток вязь.
На свете слишком много мрака –
И не у кого спичек взять.

Машинная возня, стаккато
Дождя...

Пора! Все решено.
Тяжелый камень листопада
Нас тащит за собой на дно.

ЛИСТЬЯ ОКТЯБРЯ

Мотала, звала маesta вокзальная.
Было на что смотреть:
Порывистый ветер, судьба связали их
В танце, похожем на смерть.

Смотрели зеваки на них участливо,
Звенели трамваи «динь-динь».
Кру-жили они долго и счастливо
И умерли в один день.

* * *

Бросал все то, что пόшло, юно,
Стрелялся с треском, наповал.
Отнюдь не раз чело июня
Дверей губами целовал.

Цвела небесность заревая –
В поля распахивал окно,
На миг короткий прозревая,
Что небо и душа – одно.

Едва в себе любовь затеплишь –
Обманет ироничный век...
Но сосны высоки затем лишь,
Чтоб мы смотрели чаще вверх.

Так хочется раздернуть шторы
И в списке дел поставить плюс,
Создать значительное что-то, –
Как результат – опять напьюсь.

Я подобрался близко к краю.
Ночь воет, лучшее губя.
И снова утром собираю,
Как кубик Рубика, себя.

Сентябрь хлестко бьет по роже:
Не вижу букв, не слышу нот –
Так жизнь берет свое, похоже...
И вряд ли что-нибудь вернет.

* * *

Отчего все зло и серо? –
У меня людей боязнь...
Снайпер выстрелами в сердце
Лечит всякую болезнь...

Отчего пути кремнисты,
Компасная стрелка врет?
Хорошо быть пессимистом,
Знать, что будет, наперед...

Через площади и броды,
Через дебри бытия
Ташится венец природы –
Я...

РОЩА ОКТЯБРЯ

Воздух черен, как крепкий чай.
Ветер в клочья рвет воронье.
Беспечально и невзначай
Ты уронишь платье свое.

Грозы молнию расстегнут -
И нагою встретишь зарю.
Это всё - за пару минут...
Раздевайся - я не смотрю...

ОСЕНННЕЕ

К вечеру будет прохладно.
Ладно:
Одно
Дно.
Но -
О,
Как мы утром просили
Дать силы
Или
Лил
Чтобы дождь листопадно,
Сжег этот город синий.

Как мы небрежно расстались!
Сталью
Лист
Из
Уст
Дерева выпал словом.
Словно
Лава,
Во м-
Не утихает усталость,
Ночь закипает оловом.

Стены побиты мелом.
Белым
Углом
Дом
До
Неузнаванья скомкан.
Сколько
Колких
Лих!..
Их
День рассовал, словно мелочь,
Все по карманам комнат...

И вертятся луж пластиинки.
А мне бестолково, нервно
От стенки души до стенки
Трехсложным шагать размером.

* * *

Близки мне клинопись ночная,
Округлые углы домов,
И морось, легкая, мучная,
И гулкий выговор громов.
Близки мне все изгибы улиц,
И тоже хочется заплак...
Когда осенний парк, ссугулясь,
Мотает сопли на кулак.
А ветер крутит, крутит, крутит
Листовками березняка.
Засунул куст башку меж прутьев
Решетки и назад – никак.
Стихи внутри меня всё тише.
И тише становлюсь я сам.
Про осень лучше не напишешь,
Чем дождь по лужам написал.

* * *

Спешит снегирь, как вестовой,
Но весть его не на бумаге.
И ветки с редкою листвой,
Как битые в сраженьях стяги.

Нам сирые дворы малы.
Среди печальной, хворой стыни
Бесшумно голые стволы
Палят по тучам холостыми.

Что нам осталось? – будний бег,
Смятенье улиц и каналов.
Истошный вечер. Грязный снег,
Залитый кровью стоп-сигналов.

РУССКИЙ АЛЬБОМ

Вступление

Мне все равно, что там, за кленом,
Что брезжит в дальнем далеке.
Реву, мотаюсь в застекленном
И ограниченном мире.

Ветшает, угасает соци-
Ум в этой дряблой тишине.
Зашло октябрьское солнце,
Да только снова – не ко мне.

Скорей бежать от книжных полок!
Но до калитки весь мой путь...
Опять луной колодец полон –
Воды никак не зачерпнуть.

Порой бывает ни полслова,
Ни дыма даже, ни огня.

А где-то рядом бродит слава,
Все норовит сожрать меня.

Как рысь, готова прыгнуть с веток,
Глядит из чаши, словно волк.
Я не боялся спорить с веком,
Из этого не вышел talk*.

Историю стирает старость.
По гамбургским лекалам – счет.
Такие времена достались –
И нам достанется еще...

1

Неужто это снова осень
И до весны сто тысяч дней?..
Как самолет,
посадки просит
Зерно стиха в душе моей.

В акцентный стих сыграл бы я бы,
Да только в технике не ас.
И «подсююкиваю ямбом»,
Мне Маяковский не указ.

Коль ходишь, оглушенный даром,
А чувства ритма не дано,
Количество слогов ударных
Считать, считаю, не грешно.

Когда Горыныч ждет у тына,
Не скрыться от змеи в толпе.
В стопу ужалит, плюнешь ты на
Цезуру на второй стопе.

Мой стих то скакет резвой серной,
То семенит на поводке,

* Разговор (англ.).

Но я пишу, покуда сердце
Стучит на русском языке.

2

Куда от искушений деться,
Как выбраться на белый свет? –
Здесь, будто на площадке детской,
Все вытоптано, жизни нет.

Легко тому, кто верит в цифру,
Кому на чувства наплевать.
И, круглобокий, словно цитрус,
Весь день он катится в кровать.

Всё так же злобствуют тираны,
Метель в окне танцует вальс.
Ваш рай – раек для мелкой драмы,
Которая, по Марксу, фарс.

Спешите к славе и богатству,
Стирая прочих в порошок.
А что со мною станет, братцы,
Когда всем будет хорошо?

3

Что пройдет, то будет мило.
А.С. Пушкин

Темнеет рано заоконье,
И зги завязаны узлом.
Так будет год и два, доколе
Все вижу под тупым углом.

А может, – прочь (собрав котомку,
Нарушив сумрачный закон)?..
Мы строим дружно мир, который –
Молох, по сути, и дракон.

Как в соре, роемся в подтекстах,
Как в ссоре, подняли стволы.
Луна опять в кровоподтеках –
Туч кулачищи тяжелы...

Когда в ходу веревка, мыло,
К чему клубить огонь в груди?
...И если это будет мило,
Тогда – что ждет нас впереди?

4

Куда ж нам плыть?

А.С. Пушкин

Наверно, не мужское дело –
Марать кириллицей листы,
Но, право, мне не надоело
И помыслы мои чисты:
Я не ищу похвал и лести –
Хочу развеять мрак и смог...
Но даже надоело б если
Слагать сонеты, гимны, песни,
То отказаться я б не смог.
Прошу, кричу: «Родные, тише!»
Всё так же истина верна:
Нет правды на земле и выше,
Господь лишь там, где тишина.
Вот затихает лай собаки,
Машинный шум, сирены, драки,
Приходят образы и знаки.
Хоть не святой и не пророк,
Как меж деревьев – между строк
Упрямо проридаюсь к свету...
Когда бы не способность эта,
Я жил бы так же, как любой,
И верил в деньги. А любовь
Считал превратностью либидо.
Пускай мы все уже не те
И слово чести неликвидно,

Но неужели вам не видно,
Что прозябаем в темноте?
Рассвет забрезжит – сразу «Чу!»,
Скорее прячемся за шторой,
Тьма продолжается, как штолня.
Так дай лучину ли, свечу,
Фонарик, факел, спичку что ли!..
Когда зима берет за горло...
(Отличный слоган для рекламы)
Мы не печалимся, но гордо
(Хотя нам тяжело и горько)
Ждем солнца, счастья и тепла.
Мужи венчаются на царство,
Вживаются холопы в роль.
Чтоб как-то пересилить боль,
Дела оставив, – как лекарство
Мы принимаем алкоголь.
Как пицца – нам материки.
С собой играем в поддавки,
Чтоб «Яндекс» был за все в ответе,
Упрямо бродим в Интернете,
Но ищем не благую весть.

Пускай все вижу в черном свете,
Но так, как в самом деле есть...

5

Разменяйте мне мой золотой!

О.Э. Мандельштам

Верстаю дни. Кичиться нечем.
Чту кодексы, блюду канон.
Я месяца мечом помечен,
Листвой березы осенен.

Все жду, когда найдет прозренье.
А надо ли, завет храня,
Опять спасать стихотворенье?
Оно ведь не спасет меня...

Куда – с душою голубиной?
Какой немыслимый кульбит
Исполнить?

Впрочем, быть любимым
Совсем не нужно, чтоб любить.

Твой город скроется внезапно –
Ни мостовой, ни потолка,
Промозглый, выпьется (вок)залпом
До тепловозного гудка,
Укатится в туман лохматый...

Полночный час: домой пора.
И люстра лирики Ахматовой
Светить нам будет до утра.

Полны веселья и азарта,
Встаем упрямо в полный рост –
Как будто выкупаем завтра
За россыпь драгоценных звезд.

6

Синичка, лицо свое
Не прячь от этого веселья! –
Мы жизнью собственных ворье.
За буйное житье-бытье
Жду, как возмездия, похмелья.

Немало требует труда
Держать удар (увы, не всякий
Спасется в этом хламе льда...)
Не может плохо быть всегда –
Зима когда-нибудь иссякнет.

Так отчего мне всё страшней?
Синичка – Чкалов белозимья.
И чем боярышник стальней,
Тем чаще от судьбы своей

Бегу за «крымским» в магазин я.
Синичка – точка теплых дней.

7

Лишенный мудрости, отваги,
Несу свой повседневный гнет.
Душа как домик из бумаги –
Любой сомнет, ударит, пнет.

Торговец-хват, в себе уверен,
Зовет настойчиво меня,
Чтоб отдал снег за теплый берег,
Сменял полцарства на коня.

Гляжу на ближних сиротливо,
Латаю свой картонный дом.
Мне трудно быть теперь счастливым –
Я знаю, что грядет потом...

8

Горит костер луны холодной
И сыплет искры острых звезд,
Дым облаков в степи бесплодной
Клубится на сто тысяч верст.

Чадит фонарь, тосклиwyй, утлыj.
Тыmu разогнать ему невмочь.
Похоже, не наступит утро,
Когда вокруг такая ночь.

Я не мечтатель, не ребенок –
Мне впасть в уныние легко.
Хоть сердца колокол и звонок,
Его слыхать недалеко.

Пою вптымах о светлом рае...
Струн на гитаре точно шесть,

Но я их всё перебираю,
Никак не в силах перечесть.

А в песне, древней и дремучей, –
Про горькую судьбу мою...
Ей нет конца, но будет мучить,
Пока ее не допою.

9

Не сделать никого счастливым,
Поскольку я несчастлив сам.
Но не умею горделиво
Взвывать к одним лишь небесам...

Пусть перекрестья прицелов
Поставили на многих крест, –
Я не умею жать посевов,
Писать стихи в один присест.

Неужто все, что мне осталось, –
Хранить очаг, беречь альков,
За подвиг выдавать усталость
И ждать дизлайков, как плевков?

Манила манит и Джакарта.
Я рвусь за рвы семи морей.
Но жизнь поставлена на карту –
На карту Родины моей...

10

Как будто бы из-под воды, –
На горний мир гляжу иначе,
Ведь я не сам себя назначил
Телохранителем звезды...

Наш мир упрям и полосат.
Свобода не дается даром:

Сгорят с двенадцатым ударом
Картонный дом, цветущий сад...

Вновь по спине гуляет плеть!
Так не бывает, между прочим,
Чтоб насвинячить, наворочать,
А после – в небо улететь.

Но буду славить красоту,
Играть с огнем, сбиваться с толку! –
Чтоб занимать собой не столько
Пространство, сколько пустоту...

Эпилог

Настанет день, придет расплата,
Уйду по стежке, напрямик...
Там, где я жил, смеялся, плакал,
Останется безмолвный крик.

* * *

Какая гремучая осень! –
За плохонький зонтик держись...
Меняются прежние оси,
Иная готовится жизнь.
Тоску повседневную месим,
Встречаем себя там и тут.
И только деревья – на месте,
Они никуда не уйдут.
Несложно с моста прыгнуть в воду,
Запить ли, дремать под стеклом...

Опять проклинаем свободу,
Которая кажется злом.

* * *

Ветром наполнены кроны деревьев.
Снова иду по родной стороне.
С дрожью огней за рекою деревня,
Словно бы с жалобой тихой – ко мне.

Что ты, родная! Я сам никудышный,
Пью исступленно, запоем вину.
Знаешь, законы природы не дышло,
Годы былые назад не вернуть...

Я позабыл прошлым радостям имя
И научился зиме уступать.
...Горькая осень. И ладно бы мимо –
Сквозь наши судьбы идет листопад.

* * *

Шел я по улице незнакомой...

Н. Гумилев

Шампанского бокал – и мир светлее
Становится, хоть сырь и темно.
Бреду один вечернею аллеей...
Куда? Зачем? – не все ли мне равно?

От грустных дум – и к чаду домочадцев,
От горьких снов – к поэзии любой...
Как славно было б жить и не кончаться,
Покуда в сердце теплится любовь.

Опасно (оттого сутулю плечи)
Стоять под грузом собственных надежд:
Пусть не убьют, упав, но покалечат...
Я возвращаю звательный падеж,

Ведь завтра есть вчерашнее сегодня.
Я отражаюсь в зеркале кривом.
Так много меди в осени – как в сводном
Оркестре, беспощадном, духовом...

Прохожие, не ведая покоя,
Спешат куда-то, выются там и тут.
Хочу спросить: «Столетие какое?», –
Но знаю, что в психушку заметут.

Так и живем: чем дальше, тем быстрее.
Глухая ночь, дорога никуда...
Что город? – фонари его не греют,
А баннеры не ведают стыда.

Не изменять клише, листая моду,
Не помнить о пределе наших тел,
Набить себе карман, кому-то – морду...
Так и живем, в контексте добрых дел.

Разбросана бетонная порода.
Над ней летит, искрит вовсю трамвай.
В вагоне много всякого народа,
А на подножке кто же? – Николай!

Вы скажете: «Такого не бывает!»
...Дуга сверкает, словно твой «Виват!»
И тем, кто едет на небо в трамвае,
На мненье обывателя плевать.

Вотще ли пелена слетает с окон?
Еще ли не напоены дождем?
Покуда в поднебесье реет сокол,
Его Маруся дома ждет-пождет.

Куда спешим, сумняшеся ничтоже?..
Зело проспекты эти хороши

Для пьяного шатания, а может, —
Посмертного блуждания души.

* * *

Гляжу беспечно вслед трамваю,
Бегу от бед в заветный сад.
Все лето — миг! Не успеваю
О нем ни строчки написать!

Оплывлена дождем аллея,
Но отступила злая мгла:
И снова небо журавлеет,
И даль становится светла.

Я бормочу, что все непросто,
Шагаю, не жалея ног,
Я вижу в этом перекрестке
Рукопожатие дорог...

Деревья, словно с перепою,
Качаются и машут вслед,
Шумят незримою листвой,
Которой и в помине нет.

Увидеть листья может каждый,
Кто вверх глядит хоть иногда,
Кто мучается летней жаждой
И ненавидит холода.

Расту, живу, читая знаки
Сквозь морок, грай и перелай.
Стихи пишу, хотя не знаю,
Когда дедлайн...

ВОСЕМЬ К ОДНОМУ

1

Рвут на куски и не ждут суда.
Всяк – и мажор, и хват...
Я прогулял тот урок, когда
Учили нас выживать.

Нрав человечий, видно, таков:
Сердце грызет вражда.
Было бы проще среди волков –
Знаешь, чего ждать...

2

Бестолково живу, наугад.
И судьбу собираю по крошкам.
Это жизни моей плагиат:
Черновик. Пустяки. Понарошку.

Об колено ломается всё
Несерьезно и ради потехи.
Словно белка, верчу колесо –
И достанется мне на орехи...

3

Мой город с грэсовой трубой
С огнем витрин под самым нёбом –
Какая жажды быть собой,
Дорогами тянуться к небу.

Я слышу твой безмолвный крик,
Слова летят клочками пакли.
Иссохшими губами крыш
Хватаешь дождевые капли...

4

Большого откровенья в этом нет:
Всегда на юг поездка – что-то вроде

Попытки обналичить белый свет
И даже, может быть, — изменины Родине.

Когда всё приближается к нулю,
Я не зову, не плачу и не смею...
Не то чтоб очень осень не люблю,
Но точно знаю, что грядет за нею.

5

Август, август! Как яблоко, спелый.
Губит в пламени мир и себя.
Не успели: всех песен не спели —
Снова горны тревогу трубят!

Он идет на несчастных войною,
Заалевшей листвою звена.
И как будто взрывною волною —
Звездным небом накрыло меня...

6

А осень точно золотая.
Вот, кажется, — что мне с того?..
Но дыры давние латаю
И впитываю волшебство.

И тишина вокруг такая,
Что слышно в заревой тиши,
Как совершается простая
Работа собственной души.

7

Машина? Скайнет? Идол толстокожий?
Кого все ждут...
Придет и осчастливит. Но, похоже,
Он тут как тут.

Мир исчезает ситцевый, бумажный,
Мир вер и вин.

Закручивают гайки – это важно,
Когда ты винт...

8

Тревожная осень. Тоскливо и странно.
Со дна поднимается ночи взвесь.
Так трудно не верить словам Иоанна,
Когда все теперь происходит, здесь...

Остались культурука и литературка.
Везде только «Мурка»... Ох, быть беде!
Луна осыпается, как штукатурка,
И Солнце висит на одном гвозде.

БУРЯ

Рушится дождь, словно гады и жабы
Казней египетских, чар Сикораксы.
Кони летят через годы, ухабы,
Кони черны, как сапожная вакса.

Так привыкают к поэзии риска,
Так погибают в пучине азарта.
Кровь наших строф превращается в рислинг,
Ведьмы крадут распрекрасное завтра.

Рушится дождь, искореженный, древний.
Страсти шекспировы пиррова пира.
Мечется ветер, и злые деревья
Рубятся на деревянных рапирах...

* * *

Кажется, что ничего больше нет,
Всё отписали лету...
Дружно, упрямо шагаем на свет –
И не выходим к свету.

Жалость – ведь это несложно, пустяк!
Только она куда нам? –
Люди не палят костры просто так,
Им подавай Джордано...

Звон колокольный расслышим порой...
В мире свои законы,
Я не святой: мне так сложно порой
Выдержать взгляд с иконы.

Скверы, озябшей листвою звеня,
Под ноги валят кочки.
Лето осталось в душе у меня –
И никогда не кончится.

В памяти образ хочу сберечь
(Дело тут не в привычке):
Сосен сибирских прямая речь,
В птичьи взята кавычки...

В ПАРКЕ

1

Пройдя через черную арку
И ветра привычную дрожь,
Я вышел к печальному парку,
Где вечер, и страшно, и дождь;

Где думать непросто о звездах,
Где ветки торчат, как клинки...
Кто в сумерках мне отзовется
На голос ли, взмах ли руки?

Что делать, когда небо серо
И надо уйти, уходя,
Когда обливается сердце
Холодною кровью дождя?

Воет ветер, подобно волку.
 Пусть иллюзии не новы,
 Пью жестокий напиток – водку,
 Чтобы осень остановить.

Без истерики, без апломба,
 Не позируя никому,
 В горьком парке последней бомбой
 Фонаря подрываю тьму.

Вроде неуловим пока я.
 Далеко до январских ос.
 Вновь составы тоски пускаю
 Под откос...

Стылых дней замыкаю клеммы,
 Дождь идет, непрогляден, част...
 Сбившись в стаи, не могут клены
 Полететь – и кричат, кричат!

Безнадежная длится драма.
 Лужи острые, как ножи.
 Только дразнит вдали реклама –
 Там написано, как мне жить...

* * *

...Печальное прошлое смять!
 Так долго друг другу врали.
 Но «осень»
 не то же,
 что «смерть»:
 Нам снова вживаться в роли,
 Забыть про невзгоды свои,
 Мирок разукрасить серый...

За ребрами желтой скамьи
Осеннее бьется сердце.

* * *

Я дань отдаю природе,
Когда день осенний тускл,
В оконной когда колоде
Наш кактус торчит, как туз.

Еще там кусочек сквера,
А также другая даль...
Залечит алоэ вера
Любую мою печаль.

Хоть город стирает лица
И дождик крапит окно,
Пусть дольше игра продлится,
Проигранная давно...

* * *

Они бренчат на стареньких гитарах.
Они кричат истошно о любви,
О золотом нектаре, юных парах,
О теплых днях, дыханье визави.

Они хрипят, выкрикивая строки.
Уже вдали маячит дым костров,
Но снова подвизаются пророки
Осенних парков, городских дворов...

ОСЕННЯЯ ПЕСЕНКА

Мне не спится. Вижу лица
Двух деревьев, гастроном...
Может, птицы, может, листья
Пролетают за окном.

Всюду свет, сухой и серый,
Всюду ветер на Руси.
Если позабыл, где сердце,
Ты у снайпера спроси...

Припев:

Неужто всё на свете зря,
Не дальше мраморной плиты?
Воздушный шарик фонаря,
Ах, все никак не улетит!..

Теплоходы отсвистали
И растаяли в веках.
Время по горизонтали
Есть не что иное, как
Листопадовая песня
Из распахнутых ворот...

К нам с трудом доходят письма.
А счета — наоборот...

Припев.

* * *

Не Ялта здесь и не столица.
Бредешь куда-то сам не свой.
Осеннее ржавьё столисто
Звенит над бедной головой.

Хоть помыслы твои невинны,
Повсюду гонят дурака.
Туман... И берега не видно –
Течет небрежная река.

Горят дома, кусты, заборы,
Костры, минуты, этажи.
Остры осенние забавы:
Как весело, как страшно жить...

* * *

Ангел в осенней скользит тишине.
Всё в облаках сентябрьское небо.
Знаю: тревожатся там обо мне.
Я бы тревожился (ну, обо мне бы...).

Здесь батарей батареи кругом
Нам салютуют рычаньем грозным.
Птицы на юг – кувырком и бегом.
Надо спасаться, покуда не поздно.

Черные ночи зимы впереди.
Вянет последнего солнышка лютник.
Пасмурный день, как ребенок, к груди
Прижимает серебряный самолетик...

ДЕРЕВЕНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Холуй трясется. Раб хохочет.
И. Бродский

Поставить нечего на кон.
Мои друзья смежают очи,
Пройдя и рым, и Рубикон.

Похоже, все, что нам осталось, —
Просвистанный ветрами кров.
Повсюду нищета и старость,
Тревожный, горький дым костров.

Вот рощица, за ней другая.
Поля, осины да осот...
Прошу, прикройся, дорогая! —
Не вынесу твоих красот.

К ОСЕНИ

Мутное окошко.
Серенький снежок.
Скачет черной кошкой
Мусорный мешок.

Вывезет кривая,
Взвизгнут тормоза —
В страхе закрывают
Фонари глаза.

Вот идешь ты, сирый,
Свой покинув пост,
Всюду птица Сирин,
Жаль, что не Алконост.

Сцилла ли — Харибда,
Горе ли — беда,
Стылая обида,
Водка ли — вода?..

Небогатый выбор,
Что ни говори...
Из игры я выбыл,
И теперь — в жюри.

Допевать не надо
Песенку свою.
Засыпай, отрада!
Баюшки-баю...

ОСЕННИЕ СТРОФЫ

O.C.

1

Подобною строфой непросто
Дышать про неказистый век:
Сюжеты нольметроворости,
Немало выставлено вех.
Замедлен бег, и гаснут силы.
От колыбели до могилы
Качнется маятник, и ах! –
Твоя душа уже в бегах.
Стога тетрадок, строфы грядок
Безволье выпрявят на миг.
Пускай не жизнь свою, но мир
Ты смог бы привести в порядок.
А результат? Не обессудь,
Отфотошопят как-нибудь...

2

Покуда чайник закипает,
Подумать можно о душе.
Но по щеке слеза скучая,
Увы, не скатится уже.
И можно песни петь о лете,
Мол, все бездарно и нелепо...
Пока не сделалось темно,
Деревья созерцать в окно:
Пронзенным ветrenoю дрожью,
Нет, не сносить им головы!
Вновь золотым вином листвы
Наполнят чаши ям дорожных...

Жаль, ничего всю жизнь свою
Я крепче кофию не пью.

3

Прозрачный день из сна и стали.
Листвы парящая слюда.
Грехи б вот так с души слетали –
Беспечно, тихо, навсегда...
Зажгутся гневные светила,
Проявится чужая сила:
Там дыры, всполохи, война –
А тут цветная тишина.
Березки – спящие красавицы,
Поди их все перецелуй...
Уже не слышен песий лай.
И вечер теплый свет бросает
На мир, свернувшийся клубком...
Он космосу как в горле ком.

4

Загул сменяется аскозой:
Так сложно – в мире женских тел...
Я думал стать богаче Креза,
Но лишь грехами богател.
А нынче плеск прозрачных вёсел
И ночь, завязанную в узел,
Вздох потревоженной волны
Не разрубить серпом луны.
Всю жизнь готовлюсь быть счастливым –
И в этом счастье нахожу...
Подобно злому миражу,
Тоска маячит сиротливо –
Переливаясь и кружась,
Пусть украшает мой пейзаж.

5

Пора подумать о причале –
Опасен (слишком) наш занос.

Не потому ли день встречаем,
Что кто-то молится за нас?..
А мы редеем в горьком дыме.
Какая странная гордыня –
Лелеять, миловать, жалеть,
Ходить босыми по золе...
Везде беда и всё – отрава.
Секусь о воздух столько лет.
Ни за кого душой болеть,
Наверно, не имею права.
Прости, что, будучи не мил,
Тебя простили...

6

В печальных северных широтах,
Где ценность наша – два пима,
Где бурей выбиты ворота,
Сто двадцать месяцев зима,
Пишу про небо ночью южной,
Власы и голос девы юной...
Восток суров (к чему пенять?) –
И вреден запад для меня.
Пишу, как маковые дали
Сползают с гор наискосок,
Как забивается песок
В мои намокшие сандалии –
Такой выходит мазохизм
(Прости ненужный прозаизм).

7

Бывают разные нюансы:
Не сволочи, не подлецы,
Но мы сажаем ананасы,
А вырастают огурцы.
Я по пути иду по скользкому:
Пишу о будущем, поскольку
Плохая память у меня...
Претит мышиная возня,

Люблю я крыши! – но при этом
Ужасно высоты боюсь.
Что не мешает мне в бою,
Хотя мешает быть поэтом...
Кричим, влезая на карниз:
«Амбивалентны верх и низ!»

8

Кручинный вечер. С этажа ведь
Не разглядеть житье-бытье.
Дождю реветь, ограде ржаветь –
Должно быть, каждому свое.
Где поэтическое «вау»? –
Однообразных дней шлагбаум
Мешает двигаться вперед.
А может, все наоборот:
И золотые мачты сосен
Набили ветром паруса,
Еще каких-то полчаса,
И мы отчаливаем, осень,
В холодный треск январских дней,
Откуда счастье видней?..

9

Ни светофора, ни тропинки...
Когда уже идти невмочь,
Сдержать пытаюсь энтропию
И ритмизую эту ночь.
Канава, да канва канала,
Да тень панельного пенала.
Ты перешла уже черту –
И нечем скрасить наготу.
Нет, наши ветры не похожи,
И мы не дуем в унисон.
Вгоняешь серый свет под кожу,
Чтоб не был беспокойным сон.
Но вижу сквозь туман среды
Сердцебиение звезды.

Пою в традициях пинтов
 Всех, кто свободен и влюблен.
 Пусть внешне я не брэдо-питтов,
 Душой красив, как Аполлон.
 Пою и в радости, и в горе.
 И тем, что пишут на заборе,
 Обогащаю лексикон:
 «Козлы», «forever», «чемпион»...
 Приветлив этот мир не слишком:
 Истерзан день, а ночь страшна,
 Не видно моря из окна...
 А все же был бы рад услышать:
 «Хоть многа букаф, труден счет,
 Но, афтар, ты пеши исчо!..»

* * *

Меняю улицы и лица,
 Сердчишко давит на клаксон.
 Я пью, а надо бы молиться,
 Чтоб это было только сном.

Мне страшно оставаться с вами
 В краю тоски и долгих слез,
 Где ветер, аки волк, зубами
 Рвет мясо городских берез.

И вновь повсюду жду подвоха,
 Наивен, странен и смешон...
 Я пью – и мне все время плохо,
 Когда должно быть хорошо...

ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

Просто так сидеть нельзя –
Истомится тело.
Делать нечего, друзья, –
Надо что-то делать.

В памяти опять пробел
(Эх, вино-отрава...).
Скучен лабиринт проблем
И житейских правил.

Посмеяться можешь ты ж
Над тоскою злую,
Резать утреннюю тишину
Острою сквою.

И не булькать из горла,
А налить в посуду...
Сколько там любви, тепла
И ларьков повсюду!

А когда вопрос решен –
Вьются птицы хором.
Как привольно, хорошо
В травах под забором!..

Минотавр, дело в том,
Что борьба – без толку...
Выйти я могу с трудом
Из запоя только.

Не быкуй же, как свинья! –
Глуп и плотояден...
С детства ненавижу я
Жадин и говядин.

Убегаю от расплат,
От семейных трещин.
Сине море, словно плащ,
За спиной трепещет.

Дайте, улицы, огня,
Тополиной стужи!
Лабиринт внутри меня,
Значит, я – снаружи...

* * *

Вновь в осень серую иду,
Кусками под ноги – лунаний...
Поблекли женщины в саду –
В саду моих воспоминаний.

Как будто всё в последний раз:
Уже не радует награда,
Неярок свет лучистых глаз,
Бледнеют тени и помада...

Разруха и покой везде.
Хрустально состоянье пата!
Здесь так пустынно, что звезде,
Похоже, не для кого падать...

* * *

Морок напрочен? Или круг порочен?
Или обесточен шелест наших рук?
Как-то всё не очень: ваш прогноз не точен.
Потому что осень – душепад вокруг?

Развести костер бы где-то на опушке
И вдыхать таежный заревой покой.
Пить стихи, как будто пряный чай из кружки,
Жадно обжигаясь крепкою строкой.

* * *

Художник пишет голых баб серьезно
И морщит лоб, облитый светом бра.
А мне милее голые березы,
С которыми светлее вечера.

Стоят они сквозь улицы и скверы.
Но занесен топор. И он остерь.
Во имя только им известной веры
Идут без страха, молча на костер.

Как странники, доверчивые гости,
Стучатся в окна...

Только с давних пор
Мы забиваем в них со страстью гвозди,
И это называется «забор»...

Бегут в леса, в привольное осенье.
Не нужен здесь их серебристый свет.
Среди берез находим мы спасенье,
А им от нас, увы,
спасенья
нет...

* * *

Этюд, за которым бессонная ночь и тоска.
Стихи – что-то среднее между природой и сердцем.
Октябрь заряжен – и щелкнул курок у виска!
И небо осеннее видится низким и серым.

Качается стылая ветка. Теряется след.
Оттенки печальны, случайны и даже напрасны:
Свинцовые воды, холодный серебряный свет –
Художник не должен использовать черную краску...

ХУДОЖНИКУ Н

Художник, ведаешь ты,
Что, в сущности, есть красота.
Но ценишь не столько цветы, –
Сколько цвета.

Порой закрываешь глаза,
Хотя – на секунду лишь.
Очередь... Первый за
Перспективой стоишь.

Даже пьяный когда под столом –
Выбираешь ракурс так,
Под иным чтоб увидеть углом
Мир, не попадающий в такт.

Сам себе правда и воля,
Сваровски, еще от кутюр...
Рисуешь речушку и поле
Вместо купюр.

Плевать на тесную клеть,
Что забыли тебя друзья...
Торопишься запечатлеть
То, что сказать нельзя.

О своем не печешься даре,
Глядишь ладони из-под...
Не в чаду, не в бетонном угаре –
В тихом ветре деревни Господь.

Пусть легкие листья кру́жатся
В тихий вечерний час.
Но зачем ты рисуешь ужасы,
Когда ты рисуешь про нас?

ОСЕННЯЯ СЮИТА

В осеннем мире марева, тревог, с мотаньем ветра, с ахами да охами, спешит прохожий, серый и кривой, как та береза, что растет под окнами.

Пугает нас лохматость облаков. Они летят, как вражеская конница. Так славно быть несчастным, так легко прощаться с тем, что дорого и помнится!

Я вижу: профиль города зубчат, торчат дворы дремучими колодцами. А птицы, улетая, всё кричат...

Мы остаемся – что же остается нам?..

Взаймы тепла не просим у зари. И воздух давит горло, как живая сталь. Снаружи нас (но более – внутри) привычный мир на части разрывается.

Уж ничего не сделать сгоряча; живем спокойно, выверенно, правильно.

...Сгорает скверик, словно бы свеча, и остывает воск листвы расплавленной.

* * *

Скоро потеха огня,
Жаркого, минус 40...
Ты не смотри на меня
Сквозь листопадный морок.

Гривы осинны зажглись,
Страйк светофоров выбит...
Правильно жить – значит лишь
Правильный делать выбор.

Знаю, судьба не пустяк,
Дыр ее не заштопать:
Жизнь, что дана просто так,
Нужно отдать за что-то...

* * *

Пускай тревожны облака
И серы мыши,
Не говори «пока», пока
Покаты крыши,

Покуда солнца реет стяг,
Покуда слякоть,
И может нас любой пустяк
Заставить плакать.

Пока не стали наши сны,
Как жизнь, простыми.
Пока не все мы прощены
И не простили.

Постой! Не говори «прощай»
Стихам, подружке,
Пока еще дымится чай
В зеленой кружке...

В просторах серой синевы,
Сквозь шепот древний,
Вновь оторвавшись от листвы,
Скользят деревья.

Еще в четыре не темно,
Но вот к обеду
Зашторить хочется окно,
Укрыться пледом.

Еще светлы, наивны мы,
С душой навынос, —
Но холод будущей зимы
Уже внутри нас.

* * *

...И не просит душа ни комедии, ни мелодрам:
Сентябри по стеклу сквозь печальный вечерний холод
Барабанят янтарной кириллицею телеграмм:
Дескать, хватит брыкаться, друже, – зима на подходе.

Не могу различить переходы ступеньками в дождь,
У жирафа-луны сосчитать все на шее пятна –
От того ли, что осень – когда ничего не поймешь,
А зима, напротив, – когда все уже понятно.

* * *

Неужели тупик? Се, грядущего не узнаю.
И куда мне идти? – «я шагаю с работы устало...»
Чую зиму под сердцем, нещадную, злую, свою.
Солнце в омут зрачка, словно камень тяжелый, упало.

Эту жизнь мы читаем от корки сухой до доски.
Каждый день, каждый час, каждый миг – непростая утрата.
...Снег спускается с неба ступеньками нашей тоски.
Неужели тупик? Неужели теперь нет возврата?

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ С ГРАЧАМИ

Сильвия Платт, перевод с английского

По мельничному желобу из камня
Спешит вода в зияющий проем
И рушится в тот черный водоем,
Где лебедь белый – странен, неприкаян –
Скользит, взрезая мрачный окоем.

И солнце, словно красный глаз Циклопа,
Насмешливо глядит на чахлый край.
Все ближе ночь, все дальше светлый рай.

Моя тоска – такое же болото!
И мысли выются, как грачина грай.

Спасения не отыскать снаружи –
Во льду гравюрои вычерчен тростник...
А я к стеклу морозному приник.
Кто камень рассечет унылой стужи,
Чтоб стало все зеленым хоть на миг?

НАЧАЛО

Было вразброс, будто во сне:
Как-то не то и не так.
Но – выпал снег, вот выпал снег
И озарил наш бардак.

Воздух ночной пей из ковша.
Сломано ветра копье.
Тихо поет, дышит душа...
Слышит ли кто-то ее?

Всюду разор, всюду вокзал,
Старость на серой стене...
Я и не знал, я и не знал,
Что этот снег обо мне!

* * *

Снова пыл и бензин на нуле.
И в пуху наши няшные рыльца.
Снег тяжел, пригибает к земле, –
Но не спрятаться и не укрыться.

Мы спешим и молчим никуда.
Ночь распахнута горю и ветру.

Из столба проросли провода,
Словно ветки, — и тянутся к свету.

Но судьба нам уже не слышна.
Да и надо ли слышать — не знаю.
Снегопад — может быть, тишина,
Вывернутая наизнанку.

* * *

Изгиб души, тоски излучина.
Вершится вязкая судьба.
Полночный снег идет заученно,
Стремясь исчислить сам себя.

Щетинится декабрь иглами.
Густеет высший пилотаж.
Фонарь то спрячется, то выглянет
Из-за плеча многоэтаж-
Кичится и хохочет грошево.
Но глухнет в черной вате смех.
Так будет что-нибудь хорошее,
Когда всему мерилом снег?

...Сигналят фарами тревожными,
Зовут куда-то, ночь клубя, —
Уехать на попутках можно ли
Из города и от себя?

Твой мир холодного порхания
Снежинок, иневых страниц
Стихами грею, как дыханием,
Как промелькками райских птиц.

Укрыться в кособоком домике,
Чтоб замело обратный путь...
Тепла уже — на самом донышке,

Да и меня совсем чуть-чуть.
Вконец моя душа измучена,
Размыты цели, рубежи...

Полночный снег, тоски излучина –
Мне хватит, чтоб остаться жить...

* * *

Я притворяюсь, что не сплю:
Терплю, влюблёнюсь и играю,
И словно бы хожу по краю...
Свожу уныние к нулю.

Но знаешь, «Google», ни хрена
Всё не о'кей в подлунном мире.
Я как мишень в безумном тире –
И тут уж точно не до сна.

Я притворяюсь, но боюсь,
Что сменит белый свет окраску.
Но, может быть, совсем напрасно
Вся жизнь идет со знаком «блуз»?..

Мне, если честно, все равно,
Куда там кони тройки мчатся,
Что дома чад, и домочадцы
Чудят, разбив в январь окно.

Нередко вижу я во сне
(Как это видит лишь дозорный) –
Ведет нас ангел светозарный
К воротам рая по стерне.

Я выкрикнуть пытаюсь: «Лю...!»,
Но тут же восстает природа.
...Все тяжелее год от года
Мне притворяться, что не сплю.

* * *

Бывает так, что нужно просто
Присесть и посмотреть в окно,
Когда крошится с неба просо,
Покуда не совсем темно.

Вдруг осенит, что блеск и слава
Влекут и манят не вполне.
Я справа от того, что слева, –
И я на светлой стороне.

Живу неприбрано, «птичьайно»,
Давно не выставляю вех...
Не даст понять январь печальный,
Что я живой и человек.

Мир вижу под углом балкона,
Не жду подарков от судьбы –
Не свалит стен Иерихона
Гул отопительной трубы.

А стоит добрести до лета,
Беру куда-нибудь билет:
Я всё вокруг мотаюсь света –
Так не пора ли мне на свет?..

Запеть, запить, заплыть, заплакать,
Забить, забыть заботы, быт,
Поставить на душе заплату
И продолжать тихонько быть,

Укрыться от тревог за шторой,
Хранить поэтский *status quo**...
Так что зима? –

жизнь, от которой
Мне не осталось ничего...

* Исходное состояние (лат.).

* * *

Нагруженные елками, трескою,
Шампанским, суетою городскою,
Плетемся, вспоминая иногда,
Что не видать судьбе конца и края,
В своем углу обходимся без Рая –
Пол, потолок, горячая вода...

Глядим под ноги, силимся алмазы
Найти, но льдинок замечаем стразы,
Окурки, да бумажки, да плевки.
Давно в узлы завязаны аллеи.
Сутулимся (идти все тяжелее) –
И как тут не загнуться от тоски?..
Тропиночка у каждого своя, и
Так радостно для нас звезда сияет,
Чтоб небо отличали от земли!

ЗИМНИЕ СТИХИ

1

Январское похмелье будет то еще!
Известны беды все наперечет.
...Зима как смерть: готовишься, готовишься –
И все равно негаданно придет.

2

Есть вечер на Красной Пресне,
А в небе ночном – звезда,
И в каждой французской песне
Есть слово «тужур» всегда.

Есть лайнер над облаками –
В небесной плывет воде,
Дежурными огоньками
Читает стихи звезде.

Есть радостный путь в Тавриду,
Где пальмы, горох, пейот...
Там ловит рыбак ставриду,
А рыба ему поет.

Есть юная россыпь танца,
Осколки огней в горсти...
Уйти от любви пытался,
Да кто же мне даст уйти?!

...Так будем томиться жаждой,
Сходить от нее с ума,
Пока не придет однажды
И в эти края зима.

3

Если дворик стал тесным,
Все заполнила тьма
(Набухает, как тесто) –
Значит, это зима...

Даже в видимом спектре
Ночь, как лед, холодна.
Вымирают проспекты –
Словно это война.

Светофоры пунцовы.
Я бреду на авось.
Был бы снег чуть свинцовей, –
Пробивал бы насквозь...

Золоченые двери
И сиреневый дым...
Жаль, что дети не верят –
Был и я молодым!

И в снегу солнце вязнет,
И рассвет длится век,

Но – по лестнице вяза
Поднимается вверх!..

4

Смешно в пустынях Палестины
Писать о нашем декабре –
Настолько люто, что машины
Друг к дружке жмутся во дворе.

Скрежещет жесть на плоских крышах,
Фонарь чадит едва-едва.
И кажется, могу расслышать
Зимы колючие слова.

Похоже, что закрыл глаза я.
Похоже, полночь – навсегда...
А лай собачий замерзает
И падает кусками льда.

5

Не греет фонарей дежурный свет.
И лица улиц сумрачны и строги.
Печальная зима пришла – и нет
Назад дороги...

Пора на антресоли сунуть зонт
И выйти в снег, помедлив на крылечке.
...Порезался под утро горизонт
Осколком речки.

6

...До весны доживет не каждый.
Узел не разрубить тугой.
Увидав снегопад однажды,
Не ищу красоты другой.

Словно будущее помято.
И не ясно – живешь зачем.

Сердце стынет от непонятной
Пустоты – как в «чю», «чин»...

7

День в твоем черно-белом сне
Краше...
Разве снег и безмолвье не
Страшно?

Жизнь свою проживаем мы
Устно.
На рекламных щитах зимы –
Пусто...

8

Словно бы в забытьи,
Словно в чужом столетье –
Можно привыкнуть и
К летнему жароцветью,

К вышнему журавлю
Или гуденью мая –
Зиму я не люблю,
Так как не понимаю...

Горбится снежный наст.
Ночь – холодней и строже...
Будто железо, нас
Эта зима корежит.

И ни к чему вникать
В то, что пишу сейчас я.
...Прошлое все никак
Не превратится в счастье.

9

Всегда любил я одно лишь лето
(Нетрудно вспомнить, закрыв глаза...)

Бываю разные самолеты –
Мне очень нравится стрекоза...

Ночь отливает стеклом и сталью.
И ветер чиркает, как наждак.
...Конечно, вырасту. И состарюсь.
Но лето буду и летом ждать!

Январь латает тугие сети,
Декабрь точит на нас ножи...
Мы просыпаемся на рассвете.
Мы собираемся вечно жить,
Но видит зеркало – мы не юны,
И цель не ближе, чем Альтаир...

А надо было вдохнуть июнь и
На миг дыхание затаять...

10

Но поодиночке трудно,
Тоскливо в дому пустом.
И как нам найти друг друга:
Три дабл ю – а потом?..
Опять поднимаем лица,
Но небо всё в облаках.

Стихи – возможность молиться
Для тех, кто не знает – как...

ПЕРЕД РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ВСЕНОЩНОЙ

Предночный час глухой и долгий.
И облака как поезда.
А небо темное. И только
Горит во тьме одна звезда.

И те, кто это время ждали,
В молитве не были глухи,
Увидят, как из дальней дали
Идут волхвы и пастухи

К Младенцу.

И спасенье будет,
И смерть не так страшна уже...
А небо темное, как будто
Весь свет сейчас в моей душе.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СНЕГОПАД

Зачем я был разбужен вынуждой
И шумом снега за окном,
Когда стучится сердце к югу,
Когда испытано оно?...

Рисунки крыш, деревьев лица
Теряют линию свою...
Для тех, кому сейчас не спится,
Я колыбельную пою.

Похоже, неподъемна плата,
И видно, надо нам опять
О Родине своей поплакать,
За бедную вот так не спать.

Печальны частокола числа,
Трещит, гудит фонарный лес,
Но снег идет простой и чистый,
Поскольку только что с небес.

* * *

Снежинки реют, словно мошки.
Белым-белая вокруг земля.
И каждая снежинка может
Стать точкою опоры для
Стиха как рычага души, ты
Вдохни декабрь, не хандри –
Как белые цветы душисты,
Как ярко-желты фонари!

Была бы вся зима такая,
С парящим снегом, тишиной,
Пуховая и меховая,
С печалью светлой и сквозной.
Приходят звуки ниоткуда,
Путь выпрямляется кривой.
Чего-то ждешь...

Должно быть, чуда.
И дожидаешься его!

* * *

Светило солнце рок-н-роллово.
А ныне – город в темноте.
И снова слово, словно олово,
Я отливаю на листе.

Цветет ночник. Утихла музыка.
И тени въелись в потолок.
Я разговариваю с музою –
Она кружит, как мотылек.

Ей что? Парит себе, нездешняя,
А я оплачиваю счет...
Такое время расчудесное,
Что косточки души трещат!

Был молодой – как будто пьяный,
Не верил в ночь, не верил в снег.
Весна у каждого своя, но
Беда, увы, одна на всех...

* * *

Месяц, зеркало кривое,
Перепутал все пути,
На дворе собака воет...
Но, родная, не грусти!
Что зима? – снежок на крыше,
Дым кудрявый над трубой,
Белый шум, который слышим
Только пес да мы с тобой...

* * *

Зима калечит, лето лечит –
Такой вот простенъкий завет...
Смотреть бы, сидя на крылечке,
На белый свет, зеленый цвет.

Зашло декабрьское сердце,
Зажглась горючая звезда.
Она мигает в ритме скерцо,
Летит неведомо куда,
Летит неведомо откуда,
По краю завтрашнего дня...
Мотаюсь в ожиданье чуда,
А где-то чудо ждет меня.
Мне б выпутаться из историй
И в глушь, где лето налито –
Кормить с руки зверей, которых
Не видит более никто.

* * *

который день гудит пурга
за тоненькою стенкой
уже ни друга ни врага
ни тона ни оттенка
здесь не разводятся мосты
часы идут по кругу
но мы с тобою так чисты
нам не видать друг друга
весь мир в январевом дыму
снег мажет стекла мелом
нам так понятно почему
свет называют белым

* * *

Который год живу метельным полем.
Ношу шапочку, шубу и пимы.
Я не заметил сам, как против воли
Записан был в соавторы зимы.

Когда гуляет всюду черный ветер,
Когда лежат лишь тени на холсте,
Найду ли я кого-то, кто посветит
В заснеженной безумной темноте?

И кажется, что сам я не особен-
Но значим (без рассвета впереди...),
Как будто никого нет, кто способен
Сказать январской стуже: «Уходи!»

Тоскливо без июлевых ужимок.
Цветы погасли, все до одного.
Разложен мир на атомы снежинок –
И не собрать, не склеить ничего...

* * *

Все глупше мысли. Пульс не част.
Зима. Ни слова о любви...
Как будто яблоки, торчат
На голых ветках воробы.

Собака скалится всерьез –
Нам разойтись бы по-людски...
И в белых выкриках берез
Уже ни горя, ни тоски.

Мы все блуждаем в том саду.
Нет выхода...
Куда иду?

* * *

Снег засыпал по крыши село.
Не расслышится слово приветное.
Как же, тополь, тебя занесло! –
В нашу стынь, нашу глушь беспроственную...

Что весеннего ждет впереди?
Край угрюмый с палитрою бедною,
Погоди, на меня не гляди
Алым заревом, лошадью белою...

От потопа ли будет беда?
От оглобли по лбу ли, от водочки?..
А потопали, тополь, туда,
Где по морю царапают звездочки!

Где любой бесполезен прибор
И стихи принимаются только лишь,
Где веселый подлунный прибой
Угощает лимонными дольками,

Где гуляет большая вода,
Ходят лодочки (сотни и тысячи)...

Степь да степь: ни реки, ни пруда –
И причал все никак не отыщется.

* * *

Карманы у деревьев
Январиков полны...
Мне подари, деревня,
Немного тишины.

Все то, что сердцу мило,
Пускай вернет судьба.
Поодаль чтоб дымила
Знакомая изба.

А большего не надо.
Пусть будут сны верны
Да в с добе снегопада –
Изюмина луны.

* * *

Обе реки наши (Обь да Иртыш)
С притоками – словно бы вены по телу –
Скованы льдом в пору мрака и стуж.
И сон как синоним привычному делу.

Чудится мне сине море, причал,
Волна, подступающая к изголовью,
Но чайкам морским не перекричать
Январского твоего безмолвия.

* * *

Город – раскрытый том
С перспективой обратной.
Квадратные лица, и дом,
И даже огонь квадратный.

История пишется от
Оборванного мгновенья.
Поднимаюсь на эшафот
Собственного исчезновения.

Не разомкнуть окровавленных уст,
Стихов не сказать уже.
«Оставляется вам дом ваш пуст»:
Страшно, когда вот так – о душе...

Зажатые в сером кольце,
Бетонные скалы высятся.
В слове «снег» на конце –
Виселица...

* * *

Спасибо за январь абстрактной лжи,
Горбатый свет случайных фонарей,
За то, что, боль и морок пережив,
Мы стали и спокойней, и мудрей,
Что развиднелось марево пурги
И новый день печалей не принес...
Друзей не стало, впрочем, есть враги –
Они все время думают про нас.
Спасибо за привычный белый цвет,
За то, что неподъемной вышла кладь.

Бескрайний снег... Зимою красок нет –
И можно только кровью рисовать.

* * *

Поземки вертятся ужи,
Хрип снега, ветра завыванье...
Я пилигрим среди чужих
Судеб, и чувств, и узнаваний.

Не часто узнают меня.
Подтексты взламывают ломом.
Всю жизнь я должен подменять
Себя метафорою – словом.

Закрой глаза, пойди ко дну,
Мир станет более доходчив.
И если слушать тишину,
Услышать можно то, что хочешь.

* * *

Черное утро и белая тьма
С тусклой луною в стеклянном сосуде...
Я и забыл, что такое зима.
С хрустом ломаются кости сосулек.

Ветер морозный – пощечина... И
Перемешались дыхания наши.
И невозможно сказать о любви
Даже влюбленным и даже обнявшись.

Падает с крыши кусками вода.
Все иллюзорно и все это «как бы»...
Что удивляться?

Опять – как всегда:
Женщину ждешь, а приходит декабрь.

* * *

Привычное желание согреться
(Желание наивное весьма)...
Еще одна печаль в копилку сердца –
Еще одна бескрайняя зима.

Черны цвета ночные, словно уголь,
Непутеводна шерстяная нить...
Забиться бы янтарным шаром в угол,
Дверь запереть и окна отменить.

А если уж забиться, то забыться
И не глядеть в ночную темноту.
Мороз настолько лют, что даже птицы
Негромко матерятся на лету.

Не кланяюсь ни чувствам, ни закону.
Всё выжги – сажа снежная бела.
И ни к чему звонить по телефону,
Когда пора звонить в колокола...

* * *

Мой друг, какая долгая зима!
Усталый снегопад торчит в окне.
Ты говоришь, что справишись сама,
Но думаешь все время о вине
(В значении вины), когда вода
Из крана перекручена, как жесть,
И время замирает навсегда:
Тебе вчера и завтра – тридцать шесть

И шесть... Не закрепляется в уме
Из мрака

с мясом

вырванный ответ:

Свет нам дает понятие о тьме,
Во тьме нет указания на свет.

На кухне, как надгробие, плита.
Свой день кладешь в исчерканность листа.
Ты полагаешь, смысла нет взлетать,
Поскольку над тобою чернота.

Так будь же трижды он благословен –
Горячий ток по магистралям вен!
И мысль, озаряющая мрак,
Благословенна, так ее растак!

Так пусть резвятся (плохи ль, хороши)
Львы, павианы, кролики души,
Кричат тревожно рыбы на заре
И молния сверкает в январе.

И, даже засыпая, жди вестей
Из мира, где – ни боли, ни страстей.
Пусть в изголовье лондонский оркестр
Играет гимн всему, что есть окрест.

Читая недосказанность во всем,
Ты можешь ждать и думать о своем,
О вечности, стоящей в полный рост,
Узнать по многоточьям белых звезд...

* * *

Вдруг озаряет, что это – всерьез.
Ветер срывает витриновый глянец.
Время – к шести. И крепчает мороз –
Он, как собаки, не жалует пьяниц.

Не согреваясь, сгораем дотла.
Мгла разрежается, стонет и стынет.

Все переломано: души, тела,
Только дорога прямая и пустынна.

Жизнь как задача (так мало дано...)
Чем тяжелее, тем ближе до рая...
Трудно уходит из города ночь,
На костыли фонарь опираясь.

* * *

Можно бежать, собирая призы,
В ритме игривом скерцо.
Можно таблетку звезды – под язык,
Чтоб не болело сердце.

Можно слоняться в печали-тоске
Или пойти к подруге,
Можно писать на сущеной треске
Долгие письма выюге.

Можно, пройдя вдоль кирпичной стены,
Встать под фонарь – погреться:
Свойством подобным же наделены
Виды Испаний, Греций...

Можно работать с восьми до пяти –
Честно служить Отчизне...
Можно в ночную метельность уйти –
Словно совсем из жизни...

* * *

Лет двадцать пять прошло,
Но всё осталось прежним:
Битое вдребезги стекло,
Рухнувшие надежды,

Мрачные сны зимы,
Тяжбы, кредиты, ссуды...
Печени губим мы,
Чтоб расширять сосуды.

Всё в этот час, как в старь:
Морок, скелет забора,
Жадно хрустит январь
Яблоком светофора.

Снова со всех сторон
Тихо крадется город.
Снова цинично он
Ночь приставляет к горлу!..

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ЖАЛОБА

Белые поля бесплодны...
Как же можно столько лет
Жить в таком краю холодном,
Стыть, не прорастая в лед?

Опоен метельным ядом,
Не усну я до зари.
Наши окна мутным взглядом
Провожают фонари.

Только тихое стаккато
(Хоть пустяк, да не пустяк!):
Тонко ложечка в стакане
«Динь-динь-динь» — колесам в такт.

...Ни о чем не беспокоись,
Я б отправился в полет,
Но никак наш скорый поезд
Высоту не наберет.

* * *

не знаем те ли с нами мы ли те
когда в трех соснах можно заблудиться
как в этой дикой снежной маете
искать себя любовь читать по лицам
нейронной сетью я ловец словес
но помыслы мои как май невинны
я царь я раб я белый человек
меня за этой снежитью не видно
сугробам ли метель намнет бока
уйдут ли в белодалье горожане
что есть зима о ней сказал бы как
о форме победившей содержанье

* * *

Угрюмый сумрак к берегу причалил,
Но фонари не вышли на поклон.
Тяжелый снег неспешно и печально
По нашим душам топчется, как слон.

О, как во тьме, слепой и безнадежной,
Призывно пахнут волосы твои!
Нам так мешает разная одежда
Поговорить о жизни и любви...

А ночь вокруг вздымается клубами.
Стоим у самой бездны на краю.
И я впотьмах горячими губами
Тебя как человека узнаю...

* * *

Зима разбудила себя самое
Тоскливыми выкриками тепловозов.
Она забирает все то, что мое,
Доводит меня белизной до невроза.

Она закрывает густой пеленой
Все то, что в июле мерещилось близким.
Алмазные пуговки – все до одной! –
Застегнуты на накрахмаленной блузке.

Поскольку и вправду сурова она,
Печали ее – неподъемное бремя...
И чтобы однажды настала весна,
Нам надо прожить (пережить) это время.

На свет фонарей из малиновой тьмы
Снежинки летят не спеша и отвесно.
Но эту воздушную легкость зимы
Мы выдержим, вынесем ли – неизвестно...

Опять убегаем из города прочь,
Туда, где огни – это просто мгновенья.
В избушке одни...

И всю алую ночь
Для нас полыхают в печурке поленья.

* * *

Ты спросила: «С чего вдруг печаль?
Светел быт, как вода из-под крана.
Ешь варенье, пей липовый чай –
Зарубцуется всякая рана.

Мы на кухоньке с видом в окне.
Летом в отпуск поедем в Алупку.
Дачу ладим в лесной стороне...»

Обнимаю, целую голубку.
И не ведаю, что рассказать
Про январь и нездешнюю вынугу.
Видит сердце, не видят глаза,
Как смыкаются тени по кругу.

У печали моей два крыла:
Белый снег и кромешная мгла.

* * *

Будто связанный на спицах,
Снег качается во мгле.
Как слепые, кружат птицы,
Нет упругости в крыле.

Катимся под горку плавно...
Не пора ли, сбросив быт,
Говорить о самом главном –
О березках, может быть?

Вытерев пустые слезы,
Выпить пенного аи...
Ой березоньки, березы,
Разберезоньки мои!

Снег летит. Мелькают спицы.
Ночь уже пошла на слом.
Или жизнь нам только снится? –
До чего печальный сон!..

Что нам делать – плакать, охать,
Принимать тревоги яд?..

А деревья в наши окна
С осуждением глядят,

И у них сереют лица.
Мир – в разрухе и золе.
Как же славно ближним спится
В ночь такую на Земле...

ГОРОДСКАЯ ЗИМА

Замороченные уютцем
И осколками красоты,
Не выдерживают, сдаются
Даже комнатные цветы...
Дать бы воображенью фору,
Хоть вокруг и не Голливуд.

А в скворечниках светофоров
Разноцветные феи живут!..

* * *

Как хорошо, какое счастье
Гулять по скверу одному,
Ни от кого не ждать участья,
Не быть обузой никому,

Не пить с чужими за столами
И к женщинам не лезть в друзья,
За листо-хвойными стволами
Иные прозревать края...

Шагаю, светлый и лиричный,
Свободный от своих страстей,
Как Данте, но без Беатриче,
Без Пенелопы – Одиссей.

Укрыты ёловые плечи
Мехами снежной белизны,
И мир стоит, и время лечит,
Как будто все мы прощены.

КОГДА ОЧЕНЬ ХОЛОДНО...

1

Мороз, незримый, как судьба.
Мороз. И ребусы на стеклах.
А месяц заострен настолько,
Что может ранить сам себя.

Пар всюду пепельный, как мышь.
Мой город отдан на закланье.
Такой мороз, что нет желанья
И сил продолжить эту мысль...

2

Славно под этой крышей –
Злая тоска не гложет...
Ах, на катке мы выше,
Праздничнее, моложе!

Чиркать по льду металлом,
Как от вина, балдея.
Мне ведь всегда хватало
В плейере «Естэдэя».

Снова вдали от бытца
Ловко скользить по краю
И на лету влюбиться
В фею с глазами мая.

А за стену город.
Там всё темно и сложно.
Видно, сбежать от горя
Лишь на коньках возможно.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Хожу как пьяный (вычеркнуто «как»), по улицам фланирую без дела с карманной фигой, с видом знатока, плевать хотел на... Впрочем, расхотелось.

Вот парочка — и в профиль, и анфас... Мы с этим парнем, кажется, похожи: он с писаной красавицей сейчас — как с писаною торбой.

Я же тоже был молод, чуял силу в кулаках, бросал в огонь апрельы акварели и так же говорил о пустяках в стихах — ведь не молчать же в самом деле...

Скитаюсь нынче, словно печенег, забыв о доме, снах и постоянстве. Я в падающем снеге вижу снег, а прежде видел дырочки в пространстве.

Но если ангел снизойдет, ловец простых сердец (он думает о каждом), и спросит: «Кто?», отвечу: «Человек!».

Вот только б не спросил он: «Чем докажешь?».

* * *

Две слезы в посеревших очах.
Груз обид и забот на плечах.
Так ослу бы ответил ишак:
«Шире шаг, милый друг, шире шаг!»

Но не буду печалиться, но
Не уйду в женском платье в окно.
Мне не надо исхоженных троп.
Человек сам себе — филантроп...

За окном все как было — точь-в-точь.
И не тают январские льды.
Лишь лохматые тучи всю ночь
Греют лапы у желтой звезды.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Умер мороз. Розги мокрого снега.
Нега-

тив: и в
березах озябших, в их
Черных чертогах можно спрятать негра –
Непо(лит)корректно...
«Карету!» Но
быют под дых.

Дых-
анье уходит в небо.
Больше
Ше-
лест лет,
прошлого пошлого;
тише, в связи
С переменою точки зрения, боль, но
Она – белый след на белой грязи.

Амбивалентность – ленность ума, низ
По ступеням

постепенно
переходит в вой.

Жизнь моя, ты приснилась? – СНИЛС
Подтверждает все же, что вот – живой.

А может быть, это всего лишь границы скита? –
И та
ирреальность теперь не кажется странной...
Я словно Иона, который во чреве кита
Лишен был и времени, и пространства.

Но вдруг все увидишь, как есть, перейдешь порог,
Покатишься черной строкою по снежному полю...
Поэт свободен настолько, насколько свободен пророк,
Выполняющий высшую волю.

* * *

1

Как сказал незабвеннейший Низами,
Незаметно зима нас взяла взаймы.
Мир – театр, театр военных дейст-
Вий, наверное, рад череде злодейств.

Человек человеку есть дикобраз:
Если нужно добить, хватит сил, камней...
А часы бьют всего-то двенадцать раз,
Но от этого часто еще больней.

2

«В час, когда над тобой облаковье лишь,
Помаши руками – и ты взлетишь,
Хорошо у тебя на душе, плохо ли...» –
Так писал китайский поэт Брюс Ли.

Впрочем, я не летаю – иду пешком.
Ветки сосен покрыты седым пушком.
Всё вокруг по местам расставляет парк.
А слова превращаются в легкий пар.

Только мыслями я далеко отсель,
Вижу: лето мне стелет свою постель.
Еле слышно на ушко шепнет тишина:
«Привольные
волны
льна –
на!»

Подари мне, Россия, свое тепло.
Пой, гармоника, стылой зиме назло...
Я гляжу, улыбаясь, на белый свет:
Что угодно бывает – а смерти нет!

* * *

Ходим, одеты, обуты...
Давно не глядим вперед.
Воздух холодный – как будто
Глотаем кусками лед.

Устроена темень прочно –
Как древней тоски виток.
Ни одного нет, кто точно
Знает, когда рассветет...

Все так, как вчера – как прежде...
Во тьму посылая мат,
Мы с тайною ждем надеждой
Заветного: «Шах и март!»

CODA

* * *

А мои стихи не поются,
Не ложатся они на музыку.
То звенят, словно бьются блюдца,
То гудят, чем пугают музу.

Написать бы о жизни личной,
Написать бы про наши радости,
Чтобы спел их певун столичный,
Чтоб услышали их по радио.

И торчал посреди уютца,
И ловил бы лучи тепла сейчас...

Но мои стихи не поются –
Плачутся...

* * *

Я там, где лето, облака,
Где тоненько скрипит телега,
Высокий берег и река...
Я там, где я двадцатилетний.

И все ништяк! Я там как штык.
Плыбу без весел и ветрила.
...А хочешь отыскать – хэштег:
#стихиГаврилов...

* * *

Клен расправил свои паруса
И плывет сквозь резные ограды,
Сквозь побитый январваром сад
К золотому огню винограда,

Чтобы кисть, словно другу, пожать.
Чтоб направить заблудшие души.
Там в заморье пылает пожар, –
Не утишишь его, не потушишь,
Словно страсти и словно грехи...

Я зову крепкий северный ветер,
Пусть, пока не поют петухи,
Клен мятется по белому свету.

А на листьях у клена – стихи...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕРЕВНЮ

1

Ненавижу города,
Жду подвоха.
Прихожу сюда, когда
Очень плохо,
Не снимая головы
(Пусть нелепо), –
На крючок реки ловить
Рыбку лета...
На окне герань. Затих
Ветер веси.
Ситец нравится твоих
Занавесок...
Собирал бы васильки
На поляне,
Пил водицу бы с руки,
Стал как пьяный...
Я угрем и нелюдим.
Знаю – поздно:
Друг на друга мы глядим
С небом звездным.
Время выпито, как яд,
Биты версты.

На часах часы стоят –
Пики востры.

Будет! Сброшена броня...
Злые будни,
Не тревожьте!

Но меня
Снова будят...

2

Я бреду по миру, словно Голем,
Но судьбу не стану отменять...
От кого здесь пахнет алкоголем?
Ох, простите, – это от меня.

Я бреду, не горд и не напыщен.
Мне близка любая сторона.
Только кто о Родине напишет
В наши непростые времена?

Я спешу от низеньких избенок,
От реки, знакомой с детства, от...
А деревня смотрит, как ребенок,
Ничего не требует, не ждет.

Но когда вернусь, пустой, пустяшный,
В бедах и тревогах, как в огне,
Лютиками ли, строкою пашни
Пусть она напишет обо мне...

* * *

Всё на месте, правильно и в ряд.
Всё спешат куда-то электрички...
А деревни вдоль дорог стоят.
Я люблю их за асимметричность.

В небе реет месяц молодой.
Ветер в проводах гудит зловеще.
Кажется абсурдом, ерундой
Жизнь моя, разъятая на вещи:

Стол, кровать... Я знаю свой шесток.
В час ночной стою, молюсь у края...
И летит на западо-восток
(Прочь из этих мест) душа живая.

* * *

Какое время было, право!..
Увидишь ныне лишь во снах:
Шумели томные дубравы,
Качались лодки на волнах.

Как необъятны были дали,
Как солнечно сияла высь...
Они двадцатый век так ждали! –
И, как мы знаем, дождались...

Живя под звездными мирами,
Обманывались роем грез,
Дрались, любили, умирали –
И всё как будто не всерьез.

То время возвратим едва ли.
Я ничего не узнаю.
Они в царя с детьми стреляли,
Попали в Родину свою.

* * *

Мне на плечи кидается век-волкодав...

О. Мандельштам

Предвещает разлуку,
Лепит вкось эпизод,
Лижет сильному руку,
Слабым глотки грызет.

Раздаёт на орехи
И туманит виски.
Вот лягает прорехи –
Снова рвет на куски.

То не может без драки,
То мостится в друзья.
И ему, как собаке,
Не прикажешь:

– Нельзя!

* * *

Когда вокруг вечерне-серо,
Когда не встретить добрых лиц,
Тоска, тревога бьются в сердце –
И не прогнать ужасных птиц!

Все радостное под запретом,
И звезды как глаза волчат,
Но если не писать об этом,
Совсем придется замолчать.

Опять иду бороться с веком,
Поскольку жизнь враждебна вся...
Я был хорошим человеком,
Покуда вдруг не родился.

* * *

Вся наша жизнь – натянутый канат,
Разборки, перестрелки, канонада...
Когда ты просишь солнечный гранат –
Срывается чека, летит граната.

Где звонкий смех, где радость бытия? –
Нас разрывает злобный век на части...
И в электронном магазине я
В строке покупок набираю «счастье»...

* * *

Хочу забыться, быть другим,
Жить без затей – на вдох и выдох,
Увидеть этот мир таким,
Каким его никто не видит!

Успеть повсюду – там и тут,
Лезть наобум, не зная брода,
Пока домой не позовут,
Дышать весельем и свободой.

Так надоело править быт,
Считать копейки до зарплаты,
Врать, притворяться, не любить
И пришивать к душе заплаты.

Я ненавижу шепот лет,
Кефир, проплешины на кресле,
Свой пыльный угол, тусклый свет...

Мне взрослым быть неинтересно.

* * *

Солнце, лето, деревня, солнце
С отголосками тишины...
Меж высоких, как мачты, сосен
Смоквы с финиками видны,

И родимого дома крыша,
И цветы, и всё-всё... Лови!
Жаль, не полно в стихах раскрыта
Тема этой моей любви.

Что-то сложное между нами, —
Дайте выбраться «подлецу»,
Не кидайтесь в меня камнями:
Мне противно — вам не к лицу.

Сторонюсь испытаний, боли,
Но идущий со мной Господь
Говорит: «Ничего не бойся!
Дух сильнее, прочней, чем плоть».

Жил неправедно, был несносным,
Но по новой себя крою.
...Озаренные светом сосны
Обязательно есть в раю!

* * *

Тихозорье мое, синеречье,
Не погибшее — спавшее лишь,
На знакомом до боли наречье
Ты со мною опять говоришь.
Мне понятен твой ветер восточный,
Я листаю цветные луга

В час, когда
мостик
рифмой неточной,
Словно строки, стянул берега.
Хорошо, что порхают деревья,
Горизонтова длится черта.
Я отрывок июньской деревни
Все никак не хочу дочитать...

ИЗ ЦИКЛА «ШКОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ»

1

«Твои глаза блестят, как бирюза». –
...Какой же, в самом деле, дурачок –
С чем я могу сравнить ее глаза?!
В тоске грызу от ручки колпачок.

«Твои ланиты...» Нет, «твои уста...»
Зачеркиваю! Вот напрасный труд.
Где пушкинская легкость, простота?
Когда слова свободно потекут
И стих мой станет весел и упруг?
Когда же мысли я возьму в узду?

...Сплошная математика вокруг.
Пишу стихи. И не у кого сдуть.

2

Мне хочется взрезать шторы,
Разрушить привычный быт...
Мне нравится (месяц скоро)
Влюбленным в Наташу быть.

Насвистывать, пустяками
Раскрашивать день лучат,
Возвышенными стихами
На физике отвечать.

Признанья писать на парте,
По скверу бродить в бреду
И ставить на снегопаде
Аккорд на любом ладу.

* * *

Давно гляжу с презреньем на меня я,
Как будто душу затянул осот.
Дракон твоей гордыни охраняет
Невиданные россыпи красот.

Я мог бы плавать, прыгать на «тарзанке»,
Сражаться, сбитым рухнуть на кровать.
Но ты так высока в воздушном замке,
Который я зарекся штурмовать.

И, с лампочки опять себя снимая,
Я понимаю, как ужасен мрак.
Зачем же по тебе схожу с ума я? –
Зачем тебе еще один дурак?..

Все оттого (скажу по чести, братцы),
Что не помеха стены и враги.
...И никому к тебе нельзя добраться,
Но мне нельзя чуть меньше, чем другим.

РЭП

Звонок будильника веревкой вьется,
Брошенной мне на дно колодца.
Выйти бы вон: я разбитый весь.
Эй, телефон, на зарядку становись!
В глотку – чай, как расплавленная ртуть.
Слово «люблю» застревает во рту.
В утро, сырое, серое – прочь.
Не говорить и не думать про...

Сцена. Игра. И кульминация –
Хлопает дверь: это овации.
Любимой со мною светло, по ходу,
Лишь днем и в солнечную погоду...

СЛОВА ДЛЯ ПЕСНИ ПОД БАЛКОНОМ

Даль, февраль, чернила, слякоть.
Всё не так. И я не тот.
Думал о себе поплакать –
Рассказали анекдот.

«Что же будет?» – бьется каждый
И не ведает никто.
Жизнь, конечно же, покажет,
Но сказать стесняюсь – что...

Было мало, мало, мало! –
Рвал, бодал и лез наверх...
Мне рога пообломали –
И теперь я человек.

Славно быть мишенью в тире,
Притворяться мастерски.
Но в таком огромном мире
Негде скрыться от тоски,
Не напиться крымским солнцем...
Или, – прошлое губя, –
Мне порвать тельняшку, сердцем
Достучаться до тебя?..

Позови, родная, снова
(Умоляю, поспеши!),
В сад вечерний, в сад вишневый,
В синий сад своей души...

Я уж настрадался столько.
Предоставь мне только шанс,
Позови!..

Ужель жестоким
Вновь окажется романс?

* * *

Воробушки, воробушки,
Воробушки мои,
Избавьте от хворобушки,
От горечи любви.

Ведет бровями черными,
Куражится она,
Меня дурманит чарами,
Как чаркою вина.

Живу темно и начерно...
За снеговертью дней,
Скажите, что назначено? –
Ведь с высоты видней.

Для ужаса для пущего
Всю ночь метель была,
И рукопись грядущего
Опять белым-бела...

Напалмом сердце выжжено,
И вот иду к нулю.
Скажите «Ненавижу!» Нет,
Скажите ей «Люблю».

Погасли маки-лютики,
А вы всё хороши.
Летите, самолетики
Моей больной души!

Летите за окрестности,
На пламень голубой...
Просил я счастья пресного,
А дали мне любовь.

* * *

Я с тобою тверез и серьезен.
Я с тобой не мужчина, а клад.
Слышишь, звонкие струны березы,
На небесный настроены лад?

Распушились апрельские вербы,
Холода и печали – к нулю!
Жаль, что ты понимаешь неверно
Однозначное слово «люблю»...

РОМАНС ДЛЯ СВЕТЛАНЫ

Я хотел бы играть в деревенском оркестре(ль) светло извлекая из струн балалайки...
Чтоб во время вечерних концертов окрест
Провода не гудели, не лаяли лайки.

Посещать репетиции по четвергам
И субботам. И спорить о том, что есть coda*.
Сквозь туман самосада и творческий гам
Продираться упрямо к финальным аккордам.

Ты сидела бы в зале, заветна, близка...
Я бы пел, позабыв про покой и усталость.
И тебе по душе бы пришлась бы строка:
«В наши смутные дни месяц ясным остался».

* Дополнительный заключительный раздел музыкального произведения, сообщающий ему завершенность.

В лето выйдя из клуба, на звездную рать
Загляделись, вдыхали б сирень или хвою.
Я бы смог к этой выси мотив подобрать, –
Три струны мне, конечно, хватило б с лихвою...

А потом от печалей, тоски, нелюбви
Убежали в луга, лунно-росые, белые...
Вот что делает часто искусство с людьми!
А по правде, оно-то людьми нас и делает...

КАРМЕН

Остановись же! Стук так жесток
Косточек кастаньет.
Хлещет из горла кровью платок.
Горек свет!

Словно бы пламя. Или волна.
Словно последний край...
– Я или жизнь, – говорит она. –
Выбирай!

* * *

Женщины нас прочнее,
Луннее серебра
Или, сказать точнее,
Сделаны из ребра.

Нас же несут качели
В облачные клубы.
Столько вокруг печали,
Водки, свинца, любви!

Гибели в очи глядя,
Вздыбаясь на вираже,
Падаем в их объятья,
Чтоб не взлететь уже.

ГАМЛЕТОВСКОЕ 1

— Пить будешь?
— Буду.
Как же мне не пить?
Неси посуду —
Разрываем нить...

Рычат утробно
Скважины дверей.
И смотрят злобно
Глазки фонарей.

Скрипят моторы.
Гарь ползет с полей.
Растут заборы
Вместо тополей.

Война повсюду.
И не та в нас прыть.
— Но будешь?
— Буду.
Как же мне не быть?..

ГАМЛЕТОВСКОЕ 2

Наши дни всё придуманнее и серее.
Завтра встанут дожди бесконечной стеной.
Всё же души осеннее солнце скорее
Согревает, чем летний, в истерике зной.

Не хочу, добрый Гамлет, я вашей короны.
Жизнь моя ненадолго, но драка всерьез.
Вражья поросль: гопники, беды, вороны —
«Умереть или сдохнуть?» — вот это вопрос...

* * *

Тесно жить светло, не по злобе,
Понимать людей и радость им нести.
Как прекрасно близких возлюбить
И от них не требовать взаимности.

Тесно жить светло и не по лжи.
Наши этажи теснее невода.
Есть за что головушку сложить,
Только – некуда...

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА С СОБАКОЙ

Я слышу – мне просто смешно –
(Ухом к себе приник):
Как льется по венам вино,
Прежде – за воротник...

Я тополя знал одного –
Свален был на корню.
Ведь более, кроме того,
Нечем гордиться пню.

Уже ни покрышки, ни дна,
И не моя вина:
На шее пропащего дня
Камнем висит луна.

Все валится прочь под откос,
В морок, валежник, в снег...
И только мой голдевый пес
Любит меня и всех.

Он любит декабрь и спорт,
Петли и виражи...
Бросаю балбесу «апорт»,
Словно бы смысл жить...

* * *

Погода желает быть северно-скверной.
Кружит над землею мистический вран.
Торчит под дождем третья сутки, наверно,
Сутулый и наглый безбашенный кран.

Вещами опаяны мы бестолково.
Не сбудется день, не сойдет благодать...
Придумали люди немало такого,
Что нас же самих заставляет страдать.

Поэтому так неприятно и мглисто.
Никто не ответит: зови – не зови.
Но, видишь ли, не суждено эгоистам
Погибнуть от неразделенной любви.

Любить здесь – печаль, непростая работа.
Но только других не обрящется мест.
Ты снова идешь и встречаешь кого-то...
Судьбы перекресток. А может быть, крест.

* * *

Мой поезд ушел. Я пешочком иду,
Ташусь, понимаешь, сквозь дождичек липкий.
И всё, что другие имеют в виду,
Отдал бы легко за привет и улыбку.

За то, чтобы тенькнула в доме струна,
Чтоб тикал июль и не вяли ромашки.
И горы златые, и реки вина –
Все отдал (как пелось в известном романсе).

Но век наш по части страстей не жесток.
Подошвами злые асфальты утюжу.

Я мудрый сверчок, и я знаю шесток...
Да что там! – я даже не вляпаюсь в лужу.

Я в смысле разлук безусловный талант.
Стихами молчу (пересохло в гортани).
Мой поезд ушел. Есть еще вариант –
«Титаник»...

* * *

Небрит и выхолощен бытом,
Я словно вышел из огня.
Забытый, битый... Двух небитых
Ты обменяешь на меня.

Судьба по собственным лекалам
Кроит кварталы. Тьма нема.
Твой город горек, как лекарство, –
Его не стану принимать.

Мне дороги твои веснушки,
И губ твоих оставить жаль, –
Как будто есть куда вернуться
И есть откуда убежать.

* * *

Серые реки асфальта
Освободились от снега...
Сколько осталось в нас фальши,
Сколько истомы и неги!

Нам бы с тобою бы вместе
Где-то укрыться в деревне...
Когтем царапает месяц
Контуры черных деревьев,

Ночь пожирает громады
Зданий, ограды и липы,
Брезгуя лишь рафинадом
Ламп и неоновых литер.

Так неужели я тоже
Выгорю в сумраки эти ж,
Тихий случайный прохожий? –
И не узнаешь, не встретишь...

НА ТВОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Пригожая, хорошая.
Три тысячи спасибочек,
Что ты в моей судьбе.
И даже в пятнах Роршаха
Я вижу только бабочек,
Тоскуя по тебе...

Уж близко время стылое,
Постылые и слезное.
Колюч я, как репей,
Но спешно бреюсь, милая!
Ведь поцелуй полезнее
Нам тысяч терапий.

От берега до берега
Плетут витии фенечки
И восхищают Русь...
Несу в ладонях бережно
Заветные морфемочки
И расплескать боюсь.

Пусть не пройдешься ластиком
По прошлому... К оплате счет,
Все пули – в молоко,
Но вспомнилось у классика:

«И верится, и плачется,
И так легко, легко...»

Вновь город дует в трубищи
И машет в окна вязами,
Зовет нас на пленэр.
Разлюбишь ли? Разрубиши ли? –
Веревочками связаны
На гордиев манер...

Напрасно звезды падали,
Звенели песни MTV,
Расстроилась, кажись:
Но обижаться надо ли? –
Не посвятил поэм тебе,
А посвящаю жизнь...

Как песня недопетая,
На сердце есть отметина –
И это образ твой.
Пока зову в толпе тебя,
Пока ишу во тьме тебя,
До той поры – живой.

Везде, где ты,
Света,
Цветут цветы –
Лето...

* * *

Веселые леса в Черлаке –
Негромкой радости юдоль...
Зачем нам мелочные драки? –
Всё лечит летняя раздоль.

Жизнь надоела дикобразья.
Остра тоска – под стать ножу...

Ищу грибы, но всякий раз я
Отдохновенье нахожу.

Едим березовую кашу,
Нам крутят пестрое кино.
Когда б не мы с любовью нашей,
Основы рухнули б давно...

Но в мире есть еще пока
Те, кто глядят на облака.

* * *

Пускай же знают – есть еще мужчины,
Имеющие девушек в виду!..
Брутальный, как пожарная машина,
По городу пружинисто иду.

То солнце щелкнет по носу витрине,
То с крыши десантируется лед...
Я ограничен в мартовской картине,
И к новым туфлям грязь не пристает.

Пусть ветер треплет невозможный галстук.
Пусть ветер треплет стильный галстук мой!
Ядвигаюсь наисклоннейшим галсом,
Чтоб так разнообразить путь домой.

Вновь без оглядки выбираю фразу
Из воздуха, огней и пустяков:
Души твоей хрусталевую вазу
Наполню свежей ландышью стихов!

И ты поймешь, что жить напропалую
Так просто, если чувствуешь родство.
И ты поймешь...

 Но я тебя целую –
И понимать не надо ничего.

НЕДОЛЮБОВЬ

Я старался всегда уходить, уходя.
Я менял адреса и без счета станции.
Настоящей любви не найти, хотя
Не значит, что не стоит пытаться, и

Мы с тобой неуклюжи в недолюбви.
Долгим эхом вторит природа скучая.
Бросаешь мне солнечный мяч: «Лови!»
Но я не поймал – и закат наступает.

Этот край неоглядный промерз дотла.
За печалью не видно дороги в небо.
При таком недостатке любви, тепла
Как же много зими, как же много снега!

Говори, если слово не в глаз, а в бровь,
Если только оно не дает покоя.
Я молчу: тот, кто хочет сказать про любовь,
Должен все-таки знать, что это такое.

К ЛЮБИМОЙ

Чужой устав читать устав,
Я стал иголкой в пыльном стоге.
Заграждены мои уста.
Стекло тепла стекло на стогны.
Еще встречаются порой
Те, кто встречаются за тем лишь,
Чтоб выйти из ночи сырой
И вновь уйти в сырую темень.
Я сам подобен им. И тот
Живой, кто ищет новой встречи.
О, как твоим глазам идет
Муаровый воздушный вечер!

Пока затаишие и пока
Дела оставили в покое,
Не нужно стен и потолка...
Какое небо облакое!
Я скоро сделаюсь другим,
Я стану дальше, буду старше –
Какое небо... Под таким
Любить и умирать не страшно.
Испита чаша дня до дна.
Грядут иные тени, звуки.
На сцену выбежит луна
В тоске заламывая руки,
Завоет привокзальный хор,
Запляшут фонари-паяцы,
Но сарче diem!* – до тех пор,
Пока не надо притворяться...

Уже часам положен счет,
Полны вагоны сна и лести,
Но не отмечены еще
Шаги на нотном стане лестниц.
Я ведаю, что ждет вдали,
За габаритными огнями,
Нас, как детишек, провели
И провели черту меж нами.
В миру, отравленном войной,
Как мы могли друг друга бросить?

И только раннею весной
Случается такая осень!..

* * *

Чтоб наша жизнь казалась справедливой,
Чтоб все мы были счастливы вполне,
Сведите Казанову с Мессалиной,
Оставьте их на год наедине.

* Лови момент (лат.).

Нам потому порой живется худо,
Что так амбивалентны верх и низ:
Сведите Билла Гейтса с Робин Гудом –
И будет на планете коммунизм.

Но мир ветшает. Всяк тому свидетель.
И не спасут ни власть, ни колдовство.
Меня с моюю милою сведите –
И больше мне не нужно ничего.

Я от нее не требую прощенья.
Меняю дни, меняю города.
И между нами, словно отношения,
Натянуты до звона провода!

* * *

В сити, раскроенном на двоих,
Жизнь не бывает долго...
Свет не горит в окнах моих,
Значит, меня нет дома.

Видно, я где-то шатаюсь в бреду –
В поисках сказки, счастья...
Может, у моря погоды жду? –
Хорошей погоды в ненастье.

Живу никудышно, под сердцем тая
Бежевый свет ромашек.
Голою веткою осень твоя
В окно ни за что не промажет.

...Муть поднимается с самого дна,
Искры реклам – по коже!
Снова с развязленной пастью луна
Кинулась на прохожих,

Желтым клыком зацепила меня.
Брошен обратно в улей.
Это так страшно — жизнь разменять
На перепутья улиц.

Прежде я был по влюбленью mastak,
Рифмы палил, как спички...
На женщин гляжу и поныне, но так —
Случайно ли, по привычке...

Унынию я не желал уступать,
Для него становлюсь пищей.
Узоры выписывает листопад —
А ты мне давно не пишешь

И на горизонте моем не видна...
Пуста и темна дорога.
Из женщин (всех) мне нужна одна —
Разве хочу так много?

Дома толкают локтями в бок.
Здесь нечего делать Данте с Гомером.
Мир словно спичечный коробок —
Привыкаю жить по размерам...

* * *

Разбиты все «но».
Мы с миром родня.
Я к цезарю вхож
И судьбы крою.
Окончилась ночь.
Ты любишь меня.
Поранился нож
О руку мою.

СТРАДАНИЯ-СИТИ

Трачу дни напропалую.
Жизнь не сахар и не торт.
Но пришлешь письмо – целую
Запыленный монитор.

Гнал свою любовь, однако
Хвастать нечем, я устал.
Так безногая собака
Убегает от хвоста...

У меня немало правил.
Столько лет живу бегом...
Мне бы этот город нравился,
Только ты живешь в другом.

* * *

Остаться с тобою хочется.
Шагаю, не зная брода,
В печальное одиночество –
Черное, словно свобода...

Ночь колет огнями мерзлыми.
Путями иду кривыми.
...Все знают, что делать с мертвыми,
Не знают, что делать с живыми.

ГАМ ЛЕТ

Стало тихо. Наверно, погасла звезда.
Мы как будто стальными не связаны нитями.
Как же нам возвратиться в то время, когда
Были губы устами, а щеки – ланитами?

Ты Аленушка? Слишком тягучая вода.
Ты Офелия? Смотришь на прошлое искоса –
В те далекие дни брал конем города.
А теперь настроенье мое ниже (сплин)туса.

Надышаться тревожным теплом тороплюсь.
Много палевых туч, мало небушка синего.
Просто минус на минус порой дает блюз, –
Оттого ли душе по-осеннему инево?

Ветер гонит и гонит по небу клубы,
Зеркала разбивает о камни, дробя волну.
Я боюсь перестать всех на свете любить.
Я боюсь, как мальчишка, влюбиться в тебя одну...

ЦИРК

...А я полюбил циркачку.
Но зрителям что до нас?
Кто купит билетов пачку,
Тем будет и власть дана.

Но я полюбил циркачку.
И с клоунами дерусь.
Уйти бы в безумной скачке! –
Но тройка – все та же Русь...

И мы бы спасли друг друга
В степи, где простор и снеж...
Но кони летят по кругу –
Не вырваться за манеж.
Хотя мы не будем вместе,
Любви нашей не предам.

На цыпочках ловкий месяц
Шагает по проводам...

* * *

Что в фантазиях пользы?
Эфемерна краса их...
И рожденного ползать
Эверест не спасает.

В поле чистое выйди
Со своею любавой –
И отсюда не видно,
Что Земля голубая.

* * *

Твой быт пусть пребудет с тобою,
А мне на него не купиться.
Тебе, Дульцинене Тобольской,
Не шлю разудалые письма.

Вдыхаю разреженный воздух,
Ловлю отголоски свеченья.
...Когда поднимаются к звездам,
Этаж не имеет значенья.

* * *

Нет, мудрей, увы, не стал с годами.
И никак не подведу итог.
Десять лет прошло! Я все гадаю:
Ты ли – та? Я тот или не тот?

В сумасшедший мир себя толкая,
Знаю, что готовится война.
Света, ты хорошая такая –
Несмотря на то, что мне жена.

Может быть, уже не в той поре я,
Чтобы пережить всё это вновь? –
Облака плывут, растут деревья
Про мою несчастную любовь...

ПЕСЕНКА

Насмешки глупых куриц,
Бессониц воронье,
Дожди пустынных улиц
И холод – все мое.

Напраслина такая:
Шагаю сам не свой,
Забыт и непрекаян,
Но чувствую – живой.

Уже не жду участья,
Переживая боль...
Какое это счастье –
Несчастная любовь!

* * *

1

Их душам тесно взаперти.
Ты восхищаешься любою.
Прекрасны все, как ни крути...
Но крутят все-таки тобою.

2

Они завязаны в узлы
Забот, работы, увяданья.
Для них все мужики – козлы...
Что тут проблеять в оправданье?

* * *

Так много тьмы, что можно различить
Неясный свет – и я уже ведомый.
В кармане тихо звякают ключи
Напоминанье... кажется, о доме.

Как хорошо, что виден этот свет,
Дающий ощущенье перспективы.
А все казалось: будущего нет,
Как проволока, скручены мотивы.

Одно твое окно зовет во тьме,
Оно в любом раскладе, в каждом миге.
Еще не знаю – только мнится мне,
Что есть куда вернуться горемыке...

Я помню нас, расставшихся не в лад
И невпопад – боявшихся обжечься, –
Июльский вечер, долгий, словно взгляд
Влюбленной женщины...

* * *

Свалиться бы (что б ночь ни говорила!)
В шальную выстынь, застекленный дождь,
Ведь я умел кататься по перилам,
А опыт, как известно, не пропьешь.

И не разбиться о цветные лица
Витрины в эвкалиптовом огне,
С разбегу и безоблачно влюбиться
В девичий профиль в розовом окне.

Бездомным быть, как дикая собака,
Вернуться: в дом? к себе ли самому?..

Свечой стихотворенья Пастернака
Поджечь с углов декабрьскую тьму.

И ты придешь, как счастье, как победа.
Мы помолчим, как добрые друзья...
И хорошо, что есть кому поведать
Про то, о чем в словах сказать нельзя.

* * *

Давай мы не договорим
Жасминный чай, лиловый вечер,
А позже повторим при встрече,
Когда взойдет четвертый Рим.

Мы свидимся при свете лиц
Не под вокзальными часами,
А, может быть, под голосами
(Подчеркнуто) нездешних птиц.

Привидится покой душе,
Трухой рассыплются законы,
Шагнем за край, за рубиконы –
И там договорим уже...

* * *

Листья сделались жутко тяжелыми,
Впечатлений набрав за лето, –
Осыпаются зарево-желто,
На асфальты ложатся лепо...

И ломаются, словно крушины,
Перекрестков литых абзацы.
Перемигиваются машины
Огоньками сигнализаций.

Оттого, что молчишь ты, – ночнее,
И придуманней, и нарочней...
Мне тебя понимать все труднее –
Дал бы кто-нибудь твой подстрочник.

Недосказанность, чистолисточие...
Я не ведаю: то ли и так ли?..
И по окнам стучат многоточия,
Словно капли...

* * *

Порою мнится: срок окончен
И наши ночи сочтены...
В печально-серое оконце
Стучится день с той стороны.

Постель? – мы выше этой жажды.
Пустяк, игра, как ни крути...
Но время выгнется однажды,
И здесь сойдутся все пути.

И если сердце рвет на части,
Мир доверху набит тоской, –
От времени, вины, несчастий
Укройся под моей рукой...

* * *

Ты сделаешь вид, что стучишься ко мне.
Я сделаю вид, что открою.
Мы сделаем вид, что сидим в тишине
Январской ночной порою.

Как будто одним осветились огнем.
Как будто – сто лет в каждом часе.
Мы сделаем вид, что в обнимку уснем,
Как будто бы это – счастье...

* * *

Довольно работать на прошлое
И мучиться тем, что не прожито.
Родная, смешная, хорошая, —
Со мной всё суповее, строже ты...
Печалиям не вижу предела я,
Прошедшее липнет привязчиво.

Целую тебя...
— Что ты делаешь?
— Сейчас я творю настоящее...

* * *

любимая спи день был труден и долг
теперь в стороне от пустой суеты
такая нам выпала равная доля
друг друга держать на краю темноты

я буду баюкать тебя болтовнею
пока размыкается замкнутый круг
пока мы полны глубиною ночною
пока обоядно тепло наших рук

дыханье пусть будет легко и свободно
кудель золотых сновидений пряди
случиться могло с нами все что угодно
но выбрались
спи у меня на груди

нам жить не мешают ни страх ни вериги
мы здесь ненадолго и мир как вокзал
ты верь мне поскольку
прочел это в книге
которую правда я сам написал

* * *

Задумается – чай остынет.
И взмах ее ладони легок.
Ей далеко до Палестины –
Ей нравится быть недалекой.

Она домашняя, простая,
Но ты в глазах, в изгибе стана
Порою что-то прочитаешь
На древнем языке пустыни.

Мелькнут во взгляде искры стали,
И вздрогнешь: что еще за диво? –
Юдифь, которая не стала
Юдифью...

ВИРСАВИЯ

Так бывает лучисто
На закате разбросанных дней
Оттого, что случилась
Вирсавия в жизни моей.

Любовался нередко,
После ставил себе же в вину...
Впрочем, сдюжил, не предал,
Не послал никого на войну.

Не мечтал об обмане,
Заграждал злоречивым уста.
Я в осеннем тумане
Не запутался, не заплутал.

И пускай не сбылось,
Вижу образ ее по ночам:
Реки светлых волос
Все куда-то бегут по плечам.

ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТЫ

Ромео

...И чем сильней люблю, тем больше убеждаюсь,
Что о любви не знаю ничего.

Джульетта

К чему тут разум? Он ли не помеха
В делах любви? И если счастлив ты,
Тем лучше. Так же счастлив сумасшедший.
Безумец и влюбленный – это братья,
Что кровных уз с рассудком не имеют.

Ромео

Твои слова мое пронзают сердце.
Но если клятву заберешь назад, –
Клинок из сердца вынешь, и тогда
Я кровью истеку.

Джульетта

Любовь моя –
не острый нож. И менее всего,
Тебя хочу я ранить. Ах, Ромео,
Когда б не знали мы, чем это все
Закончится, могла бы я мечтать
О доме и о детях. Рядом ты.
Как будто мы лежим на берегу,
Ионыский свет питает наши души...

Ромео

И я целую волосы твои,
Глаза, и губы, и в который раз
В любви тебе на ушко признаюсь...

Джульетта

О, нет! Об этом говорить не смею.
Не за себя боюсь, а за тебя.

Ромео

Уж лучше мне тогда пойти в монахи.
С другой не буду счастлив никогда...

Джульетта

Но будешь жив! Сам знаешь, наши судьбы
Предрешены. И надо нам расстаться.

Ромео

Права. Я не хочу тебя губить.
(Уходя)

Миг счастья... Нет, не стоит долгой жизни...
И только так рассеется проклятье.

Джульетта

...А я украдкой буду из окна
Смотреть, как ты – уже глава семейства –
С женой, детьми идешь к воскресной службе.
И, может быть, платочек оброню...

Ромео

А в нем записка...

Джульетта

Нет, не продолжай!

От этих слов кружится голова.
Все, уходи. Решенье наше твердо.
Сейчас мы расстаемся навсегда.

(Ромео поворачивается, чтобы уйти, но тут же влюбленные бросаются навстречу друг другу, обнимаются.)

Джульетта

Пиши, перо. Вершись, моя судьба.

Ромео

Чем ближе ночь,
тем вечер нам дороже...

СНЫ ЖЕНАТОГО ЧЕЛОВЕКА

1

Она сказала, что одна
И что пуста ее квартира,
Тогда с бутылкою вина
Пришел, как покоритель мира.

Сидели долго за столом,
Беседовали о высоком –
О будущем и о былом –
И наливались терпким соком.

Но вот допили «Sauvignon»,
И все закончилось на этом.
Я был, наверное, свиньей,
Хотя считал себя поэтом.

Сказал, что мне уже пора,
Благодарил ее за ужин.
И намекнул, что жизнь – игра,
Мне больше ничего не нужно.

А вышел – от тоски оглох,
Без цели брел по серым лужам...
Мир изначально был так плох,
Что я его не сделал хуже.

2

...А лучше всего так лежать на боку
И слушать душистое «мерси-боку».
Вдыхая жасмин и лаванду волос,
Не думать, откуда все это взялось.

Собаки – у Сены,
А я – у нее.
Перина усеяна
Тонким бельем.

Гравюры на стенах
Да башня в окне...
Подобная сцена,
Пожалуй, по мне.

Мурлычущий пупсик,
Прищуренный взгляд –
Она пьет «шампусик»
И ест шоколад.

Она раскрывает объятия так,
Как будто листаю журнал за пятак.
...С утра, не солгав, повествую жене:
– Сегодня свинарник увидел во сне.

* * *

Я проснулся в объятиях чужой жены
Поздней ночью, неведомо где: в Мытицах,
Бангладеш?..

Возле серой кривой стены.
За окном гибли звезды – их были тыщи!
Я пытался себя в темноте найти,
Но, увы, не нашел – бесполезны карты...
И не вспомнить никак, где свернул с пути,
Как я здесь оказался... Добрёл же как-то!
Сколько мне претерпеть кафкианских мук?
Скоро утро взорвется в прямом эфире,
Вдруг окажется – я в самом деле муж
Этой женщины в черном безумном мире.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Ах, как же ночь была нежна,
Как пахло пряниками мятыми!
Сияли звезды и луна,
И дали были необъятными.

В любви я признавался вам,
От ветра укрывал фуфаечкой,
Своим рифмованным словам
Подыгрывал на балалаечке.

...Увы, распутался клубок,
Сбежала с трактористом грация.
Пусть вышла грустною любовь,
Зато – какие декорации!

ПОДРАЖАНИЕ СЕРЕБРЯНому ВЕКУ

А если врозвь – то будем при своих...
Но мы разбили зеркало кривое.
Уютный мир, деленный на двоих,
Так просто увеличиваем вдвое.

Вновь расширяем быта горизонт,
И заоконье входит в повседневность.
Июлевый и тюлевый сезон,
Игра цветов, негрустье и неревность.

Как много лирики! – цветы, хрусталь, камин...
Вокруг все настоящее, живое:
Тепло свечи, оттенки красных вин...
И нас так много в этом мире – двое.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Повсюду солнце: там и тут,
Горит причудливым огнем
И наполняет всю природу.
Подпасок сделал ход конем,
Коровушки к реке идут,
Пьют жадно огненную воду.

...Безумно ранний звонкий час!
Какой – еще не знаю сам.
Июнье юное – в запале
Сквозь щели хлещет по глазам,
Беспомощных и тихих, нас,
Проснувшихся на сеновале.

Обретшим праздность без труда,
Слышины нам переливы птах;
Соседские собаки брешут...
А запах сена просто – ах!
Мы будем молоды всегда,
Нам все равно: орел ли, решка...

Как кречет, кочет сгоряча
Кричит, что дням неведом счет:
«Хотя июнь и слишком рано,
Не поздно ничего еще...»
Мы можем новый день начать,
Врачуя целованьем раны

Душ одиноких. И теперь,
Вдыхая запах зорных трав
(Всё исцеляющей отравы),
Понять: как ни ровный, ни мерь, –
Раз ни один из нас не прав,
Выходит так, что оба правы,

Чем дольше вместе, тем правей...
Чадит, курится сельский быт,
День будет сказочным и длинным.
Но что мне делать, как мне быть,
Когда на родинке твоей
Как будто свет сошелся клином?

Мы в самом деле неспроста:
Я гляжу волосы твои,
Травинкой провожу по шее...

И вот что понял о любви:
Я полагаю, красота
Не дар, но бремя, искушенье...

Но что тебе, родная, до
Того, что сбудется потом,
Игры дождя да будней серых?
А хочешь ли узнать о том,
Что ласточка свила гнездо
Под самой кровлей, как под сердцем
Моим?

...Пиит рисует рай
Как мир цветов и синевы –
Пускай звенит смелее лира!
Не ведал я тогда, увы,
Что покосившийся сарай
В глухой деревне – центр мира.

Что ныне? – падай да кружись,
Покуда не достигнешь дна.
Пшик мифов, пуфов и диванов...
Скажи, кому она нужна –
Моя загоогленная жизнь,
Пустяк, кино из одуванчиков?

* * *

Я кричал о любви! Словно бык, ревел,
Бросая гранаты метафор в зал.
Только, к примеру, Морис Равель
Гораздо сильнее о ней сказал.

Эта горькая, злая печаль по мне.
Эта музыка словно бы твой ответ.
Я искал тебя

в самой кромешной тьме,
Потому что боялся выйти на свет.

Я простился со всем,
что берег,
навсегда.

Я проснулся один посреди февраля.
И теперь надо мною дрожит звезда,
Словно
тревожное,
нервное «ля»...

* * *

В прошлом останьтесь, беды,
Станьте следами ссадин...
Дымом черемух белых
Пусть занесет наш садик.

Стрелки часов мелькают,
Вяжут судьбу, как свитер.
Всё бы мне ждать, пока я
Пью на рассвете ветер.

Звать облаковьи лодки
И не стареть как будто...
Хлопнуть стаканом водки
По непроглядным будням.

Жить словно понарошку,
Яростно рифмовать бы, –
Душу рвать, как гармошку
На деревенской свадьбе.

НА ПАМЯТЬ

1
Много дум да булок лишних,
То краснуха, то мороз –

Я не лыжник, а булыжник,
На диване мхом оброс.

Лишь бегут коньковым ходом
Иглы елочек в окне.
Ни идиллий, ни оды –
Оттого тоскливо мне.

Ох, не спится, не лежится,
Рвусь неведомо куда.
Гавкают надсадно птицы,
Воют глухо поезда...

Что за горькое веселье,
Что за сладкая вина?
Как возок с горящим сеном,
Катит по небу луна.

Мне бы оказаться в прошлом.
Мне бы – в лето, в синий сад,
Где слова стихов хороших,
Словно яблоки, висят,

Где не надо ждать и плакать,
Где душисто зреет тиши.
Там грызешь стиховью мякоть,
Звонко рифмами хрустишь.

Славно, исчеркав потери,
Не ища уже примет,
Не надеяться, не верить –
Твердо знать, что ты поэт.

А еще, конечно, славно,
Беды позабыв свои,
Говорить о самом главном
И немножко о любви...

Пахло клевером так сладко!
 Разнотравие вокруг.
 С богатырскою повадкой
 Выходил на спелый луг.

Был я крепкий, был я сильный,
 Над собою славно рос.
 Из литовки было сено,
 Словно дым из папирос,

В плен брала меня работа.
 Я валил траву гуртом.
 Заливало очи потом...
 А потом, потом, потом:

Соловьи в саду поют нам.
 Не ломая тишины,
 Снова свет горит уютный
 Там, в окошечке луны.

Чист до звона после бани,
 И душа моя чиста.
 Воспаленными губами
 Я ловлю твои уста.

...Мы за тот июль в ответе,
 Но теперь уже не те.
 Как же хорошо на свете!
 Как тоскливо в темноте...

Не был слаб, но был печален.
 Что вменяется в вину? –
 Что не мог найти причала,
 Звал чуть слышно тишину...

Ждал звезду над той сосной,
Не бежал полночных жал,
Опоенный тишиною,
В небо звездное лежал...

От меня далече это,
Но чем дальше, тем родней.
Всё кровят, кровят рассветы
Над деревнею моей...

ТАКИМ, КАК Я...

*Пальму посадил
И впервые огорчен,
Что взошел тростник.*

М. Басё

Таким, как я, просящим утешенья,
Кому нет дел до будних пустяков;
Всем тем, кто занят мироощущеньем
И чтеньем ненаписанных стихов;

Кто на тоску накладывает вето,
Кто доверяет только чудесам
И, не дождавшись от судьбы ответов,
Их на бегу придумывает сам;

Кто слышит Гайдна в стрекоте сороки,
Кому чужою кажется зима,
Я адресую искренние строки
Наивного, сумбурного письма.

...
Оставленный с зимой накоротке
И не лишенный кочек, ям и пятен,
Я говорю на странном языке,
Который самому мне непонятен.

Как долго будут нас терзать грехи?
Как долго будет ночь темна, как штолльня?
Пора бы мерить мощные стихи
В тротиловом эквиваленте, что ли...

Мне холодно. И я хочу туда,
Где летний день (образчик постоянства),
Где ясный свет и тихая вода:
Деревня есть без времени пространство,

Попытка навести к душе мосты,
Найти себя,
Сиречь прочесть, как повесть.
Цветы, деревья, травы – это ты,
Но вывернутый наизнанку, то есть

Искомый, неподдельный, молодой,
Без пиджака (что рыцарь, снявший латы),
То колючий дрова, то за водой
Спешащий, не живущий от зарплаты

До отпуска...
В душе сплошной аврал.
Шагаешь в ночь – как будто по карнизу...
Но если направленье потерял,
Поможет карта... Master или Visa.

Аленушка, склонившись у пруда,
Нас прозревает, смотрит с интересом,
Как мы спешим неведомо куда,
Сквозь перекаты каменного леса.

Все бросить, перестать уже брехать,
Забыть про метры, метрики и мерки,
Молиться, плакать о своих грехах –
Чтоб нам жилось полегче после смерти...

...

Пусть не скоро, не вдруг,
Но поймешь обязательно:
Город – замкнутый круг,
А деревня – спасательный.

* * *

Я во времени вязну, словно бы в иле.
Стихи гудят из прошлого эхом.
Что сказать о любви мне? – которого не любили,
А если любили, я не знал об этом...

Только пусть любившие на меня не сердятся,
Но слетаются на слова, как на крошки – птицы.
Создавая текст по лекалам сердца,
Устал выправлять его по ширине страницы...

И напрасно вчерашний день не верну я.
Чтобы поняли, вновь говорю туманно.
Перекладываю со здоровой головы на больную.
Улица омыается Атлантическим океаном.

* * *

Живу, словно остров, а вне –
Дела, суета и слова.
Наверно, поэтому мне
Так нравятся острова.

Дорога напрасна, скучна –
Нигде не зовут и не ждут...
Купил бы бутылку вина,
Да праздновать нечего тут.

Пусть я не подвластен ветрам
И замкнут в окружности пусть –
К каким бы ни рвался мирам,
В свой сумрачный дом возвращусь...

Стихи запеклись на губах.
Что толку таращиться вверх,
Где на придорожных столбах
Распят электрический век.

ДЕКАБРИСТЫ

Не мысля гордый свет забавить...

А.С. Пушкин

Сушили кубки эля,
Царя ругали вслух,
Рубились на дуэлях,
Проматывались в пух

И кровью цвета неба
Писали на полях –
Вся жизнь как сон и небыль,
Да вспышки медных блях...

И не гадали сами,
Что после ждет их *tam*, –
Влюблялись и бросали,
Стрелялись из-за дам...

С пристрастием завидным
Ломали судьбы, дни,
Селянкам миловидным
Цитируя Парни...

Полцарства дать за лошадь,
Цвет растоптать в пыли!

...А в декабре на площадь
Промозглую пришли,
Весь мир призвав к ответу,
Создав иной – в уме.

Бросали вызов свету,
А надо было – тьме...

* * *

Крутится ночное колесо,
Движутся машины вереницей.
Вот бы взять и бросить это всё! –
Остается только материться...

Ты все время занята войной.
Раненых выносят с поля боя...
Родина, зачем ты так со мной? –
Нам ведь жить и жить еще с тобою.

Скоро скроют всё снега белы.
Раз! – и ничего не будет больше.
Не число я, чтоб меня делить, –
Я не твой, не свой, не их, а Божий.

Я читаю завтра в голосах
И не выбираю «или – или».
Снег ли, зной – я здесь, я на часах!
Но часы давно остановились...

За тебя готов стоять стеной.
И не отступаю ни на йоту.
Но энкавэдэшно за спиной
Щуришься в прицелы пулеметов...
Родина, зачем ты так со мной?..

* * *

*Какими Голиафами я зачат –
такой большой
и такой ненужный?*

Б. Маяковский

Быть услышанным чтоб,
написать про

Вселенную, дать ей
твоё имя...
Рвать зубами
колючую про-
Волоку тело свое
к любимой.

В миллиарды превращая
своих нулят,
забывать значения
таблиц и азбук.
...Эти лодку
быта смолят,
А мой пароход
ищет айсберг.

Кожу содрать,
словно пальто,
рассветом за окнами
кроваво брезжить,
выстрадать право
сказать то,
чего никто
не говорил
прежде!

* * *

Мы лечили похмелье огнем и пьянством,
истязали себя, свято верили в числа,
так старались, так искривляли пространство, —
что в итоге у нас хулахуп получился.

Не смеемся на свадьбе, не плачем на тризне.
Наши латы год от года — железнее...
Часто слышу: всё нужно попробовать в жизни —
только мне всегда хватало поэзии.

Впрочем, глупо орать наподобие выпи,
останавливать миг молниевидно строчкой.
Лучше вовсе молчать, если не с чем выйти...
Улыбайтесь! Сейчас вылетит точка.

ЛИТАВТОСТОП

Вобрав зовы завтра оптом,
Пальто позабыв в передней,
Ты катишься автостопом
От первой строки к последней.

Бушуют бураны, штормы,
Мелькают века, развалки.
Тебя подобрали, чтобы
Без умолку говорил ты.

Все бросишь теперь едва ли.
Читаешь созвездий сонмы,
Чтоб рифмами отливали
Тревоги ночных бессонных.

А мимо рычат моторы,
Деревья торчат дровами.
Поэт – человек, которому
Хотелось бы стать словами.

ПАМЯТИ МЭТРА

Уходят... остаются «сантимэты»,
Поклонники, наследники, друзья.
А по земле черно гуляют ветры,
Которые унять уже нельзя.

И лепится судьба, подобно воску.
И в подвиг обращаются грехи...

Один ему давал взаймы на водку,
Другой, вообще, учил писать стихи.

Подтянутся любовницы, седины
Закрасив, мемуары настрочив.
Я список их прочел до середины...
Он слишком скучен и красноречив.

И станут набирать домашний номер.
И станут заливать, как соловьи:
Вот был бы жив он, непременно помер
Без их заботы, дружбы и любви.

И соберутся, резвы и крылаты,
Сквозь сутолоку прошлых зим и лет
Склюют его до крошки, до цитаты...
И памятник оставят, как скелет.

Н.Г.

Оглушал стихами фей,
Делал странные кульбиты...
Он желал бы, как Орфей,
Быть вакханками убитым.

Был и радостен, и дик.
Всё носил под сердцем счастье.
На призывы Эвридики
Оборачивался часто.

Жадно жил, на кураже,
Обливался из ушата...
Все законы есть уже,
Остается нарушать их.

Из числа богатырей,
Скоморох, творитель моды,

На гармошке батарей
Он играть ноктюрны мог бы.

Вел с гостями разговор
Несуразный, но сердечный.
Часто лез через забор
В мир второй, иной, нездешний.

Как под горочку скользя,
Жил легко и несерьезно, –
Пусть на ноль делить нельзя,
Умножать, конечно, можно.

Можно петь, ходить гурьбой,
Заработать кучку денег –
Если ты стихи судьбой
Опрометчиво не сделал.

...Подниму глаза – и вот
Вижу радужную небыль:
Голова его плывет
Облаком лохматым в небе.

ПИСЬМА ОМСКОМУ ДРУГУ

М.Б.

1

Подняв обыденность, как знамя,
Чисты от темечка до пят.
Не ведают, что делать с нами,
И только зубками скрипят.

Им праведный порыв – порука,
А жизнь как легкое в(к)ино.
Они так чувствуют друг друга,
Как мы не чувствуем давно.

Но неужели я опасен,
Коль не сдаю своих стихов
Любителям сопливых басен
И грамматических грехов?

Чего нам ждать: грозы, беды ли,
Когда разъяли волшебство?
Они, наверно, победили
Как большинство.

Не развернется время вспять, и
Аншлаг в безумном шапито!
Они бы нас давно распяли,
Да не придумали – за что...

2

Вчера сказал поэту,
Что слова «нету» нету.
Он посмеялся всласть –
Ему на все накласть.

Могу я только с вами
Поговорить словами
О русском языку,
За что мерси боку!

Остановись, мгновенье!
Ищу отдохновенья
В классических трудах:
И в думах, и в годах...

Какой нехитрый фокус –
Бродить среди пустынь
И пестовать, как фикус,
Увядшую латынь.

Они, от свободы пьянея,
Сгорают в счастливом огне.
А я – весь в цепях Гименея,
Пудовая тяжесть на мне.

Живут просто так, беспринципно,
Плюют с башни на образцы.
А я где-то шествую чинно,
Поэму веду под уздцы.

Наверно, кажусь мастодонтом.
Мне доступ заказан в их чат.
Крушат ветхий мир беспардонно
И голосом зычным кричат.

Завидую сильно-пресильно.
Учили нас – что было сил –
Погибнуть за мать, за Россию...
А жить нас никто не учил.

ОДА ГРАФОМАНУ

Вяжет свой текст, как бабушка – свитер,
Родимый, чирикает вволю!
Для этого, видно, придумали «Twitter», –
Жаль, что не все освоили...

На спор настроит о факте любом.
Не пьет валерьянку, спирт,
Не бьется о стену грядущего лбом
И ночью прекрасно спит.

Такие от критики не сокрушаются
(«Пусть не разевают пасть!»),
Чем больше напишет, тем больше шансов
Во что-нибудь да попасть...

Не гложет детину печаль-тоска,
Не думает он о роздыхе.
Не нужно ни темы, ни рифм искать –
Они как микробы в воздухе.

Он мог бы смотреть, как блестят во сне
Воздушного замка башенки...
Но чист на экранной странице снег –
И это приводит в бешенство.

Чуть-чуть бы – и он осчастливили свет,
Стал первым в словесном спринтерстве,
Но доступа нет третий час в Интернет
И краска закончилась в принтере...

ЛЕКЦИИ ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Вместо вступления

Дочери Варваре

Жизни такой бы еще лет на сто,
Чтобы считать штрих-код поколений.
Офсетной печати солдат, но зато
Маршал возвышенных устремлений.

Многое может. Он знает пути.
И никогда не бывает трусом.
Бабушку может перевести
Через дорогу, Бодлера – на русский.

Жизнь не о грезах и розах – о том,
Как бы не сгинуть в темной каморке.
Лотман как лоцман, увесистый том
Словно спасательный круг в этом мор(ок)е.

Странное братство, – и тот будет наш,
Кто добровольно наденет вериги.
Мнится порой: он и сам персонаж
Еще не написанной гением книги.

Способен филологом быть не любой, –
Но тот, кто не ждет правды на блюде.
...Высшая степень свободы – любовь
К никогда не существовавшим людям.

Лекция 1. Анна Ахматова (1889–1966)

Кому жизнь – уголь, кому – бриллиант.
Может, дар, может, просто гены...
Случается несомненный талант,
Но Ахматова – бесспорный гений.

Ни к чему танцевать с гордым веком вальс,
И не стоит плечом потрясать основы.
Но: эй, поэты, а кто из вас
Скажет «Могу!» и сдержит слово?

Она открывала иную дверь.
Она звала за собою нас.
Вот Модильяни спросить бы теперь –
Он видел таинственный блеск ее глаз.

Смотрели в прокуренное окно,
Играли с минутами и часами...
Все мы блудницы и бражники, но
Не знали об этом сами.

Снова с другого берега машет,
Словно в нас живы и верность, и честь...
Как можно петь заздравные марши,
Когда «Реквием» написан есть?

Даже если курок взведен у виска,
Доверяю стихам, а не слабой натуре:
Оттого ли, что акмеизм – тоска
По Анне,
а не
по мировой культуре?

Лекция 2. Николай Глазков (1919–1979)

Это Коля Глазков. Это Коля.

Б. Слуцкий

Он бился о стенку лет
Не потому, что пьяница,
И слово его останется,
Поскольку Глазков – поэт.

Себе отпускал грехи –
Другие ходили под игами...
Он в шахматы всех выигрывал
И стихи...

Думали, что – ку-ку,
Думали, понарошку,
Словно бы стул за ножку,
Он поднимал строку.

Стихазии в голове
Дороже любой награды.
Жил Коля в Поэтиграде,
Внешне живя в Москве.

Может быть, сух, рассеян,
Кто-то в ином kraю
Спросит: «Хay а ю-
Родивый всей России?»

Снова твержу азы.
На самом деле все просто:
Ни за что не умрешь ты,
Вкусив от небесной лозы...

Лекция 3. Марина Цветаева (1892–1941)

Светает. Читаю Цветаеву.
Мой пост неизменно прост.
...Как воздухом, высота ее
Наполнена дымом звезд.

Устал, но, как прежде, ёшки на
Макушке. Уходит мгла.
...Лишь ролью второго Пушкина
Довольствоваться могла,

Играла Кармен и юбками
Мела, не смиряла прыть.
Прикидывалась голубкою,
Любила, как волк, навзрыд.

Метафор твоих азалии,
Цветут, им не ведом счет.
О, сколько стихов сказали бы
Губы твои еще!

Плевала на будни серые,
Чертила свои межи.
...Елабужский гвоздь из сердца мне
Не вынуть. Мешает жить.

Как тянется час разлуки,
Как мир к эвфонии глух!
Виною не слух, а звуки,
Что наш оскорбляют слух.

Рецензиями банальными
Плетем золотую клеть...
Становится материальной мысль –
И значит, должна умереть?

Продолжение следует...

ФИЛОСОФСКОЕ РОНДО

Модель души... В литературе,
В эзотерической халтуре
Искать рисунки не спеши,

А в «Википедии» – стиши...
Но приложись к своей микстуре –
Игра жестока. В этом туре
Любые средства хороши.
Ясней, чем правило «жи-ши»,
Модель души.
К звериной возвратясь натуре,
Здесь доверяют пулे-дуре
И жизнь меняют на гроши.
...Взгляни на небо и спиши:
«Вселенная – в миниатюре
Модель души».

ПОЭТУ

Сбежать бы в самый дикий бор,
Прийти в себя в чужом далече...
Ты помнишь слово «мутабор»,
Но от того, увы, не легче.

Не ведаешь, по чьей вине
Твой угол выжжен и просвистан.
Из серых сумерек вполне
Жена связать могла бы свитер, –

Да где она?..
Звезды родней
Нет никого (при прочих равных).
...Лишь многозначней и плотней
Стихов межстрочное пространство.

* * *

Как будто приоткрыли двери
В мир невечернего огня:
Священный ужас перед твердью
Небесною обаял меня.

Как будто встал я на пороге
Еще не наступивших дней –
Был поднят ночью по тревоге
Души моей...

* * *

Стихотворство мое – что-то вроде
Прорастанья дождя из земли.
Я устроил себе огородик,
Чтоб камнями кидаться могли.

Знаю сам, много сорного в этом,
Но отречься не смог до сих пор.
И острят ядовито поэты –
Из благих побуждений, бесспор-

Но однажды сквозь брешь многоточий
Я увижу: все было не зря.
Мне покажется – вспыхнул цветочек...
И окажется – это заря.

* * *

*Я хочу быть солдатом, чтобы
каждую минуту сражаться за твои мечты.*
Надпись на заборе

Это пойшло. Как же это пойшло –
Да пошла вся эта дребедень!..
Но везет «забористая» почта
Наши письмена в грядущий день.

Как привет, а может, как прощанье,
Потому что вот она – черта...

Сколько раз давал я обещанье
На заборах буквы не читать.

Лучше бы глядел на небо сине,
Слушал бы вороний перелай...
Взялся, так пиши светло и сильно,
Чтобы каждый мог поставить лайк.

Только это всё пустые звуки,
Стыдно красок изводить моря:
Что о нас с тобою скажут внуки?..
Где редактор (стало быть – маляр)?

Я хочу, чтоб бушевали споры,
Чтоб стихи вели сорвиголов
И трещали стены и заборы,
Озаряясь молниями слов!

* * *

Какие бездны во мне роятся,
Какая сталь и какая страсть! –
Так за Елену впяглись троянцы
(Их не учили, что плохо красть...)

Так корабли поедает буря,
Так ветер крошит в труху дома...
Так много мрака, так много дури –
И я боюсь, что сойду с ума.

Так много мира во мне и снега,
Так много мира – а в нем война! –
Что близким, кажется, не до смеха,
Давно уже посылают на

Прогулку или на отдых в Гагры,
Но продолжаю играть с огнем:

И спертым воздух хватают жабры,
Мне тесно в поле, темно, как днем...

Порою в это я сам не верю,
Но слышу лай и призывный вой.
...Стихи как двери. За ними звери.
Прошу, не надо – не открывай!

* * *

Приветствую тебя, полковник.
Октябрь ставит нас на вид,
Но слова у меня такого нет,
Чтоб этот дождь остановить.

Причуды матушки-природы.
А мне смешно: все это вздор!
Сложу частушку, песню, оду –
И помешу их на забор!

Я выхожу в сырье сенцы,
И дальше – отовсюду вон...
Я думал, это голос сердца,
А это колокольный звон.

Тоска сгущается повсюду,
И это мне не по нутру.
Я резать никого не буду,
Но тянется рука к перу.

В поэзии какая тайна? –
Вот смс-ки – «само то»...
И середину не читает
В больших стихах теперь никто.

А значит, выдалась возможность
Сказать о главном напрямик.

Конечно, жить на свете сложно,
К тому же если ты старик.

Кусает дождик, словно мошки.
Свет уменьшается на третью,
Не понимаю, как тут можно
Жить и притом не помереть?..

Найти себе под солнцем место –
Нелегкий и тревожный труд.
Не важно, из какого теста
Ты сделан, – все равно сожрут.

Ты ждешь, наверное, доныне
Краеугольное письмо...
Чтоб сытым был петух гордыни,
Самим придется жрать дермо.

И так всегда. Здесь «или – или»:
То мир к ногам, то черепки...
А после – камень на могиле
И золотые светлячки.

В чудесной общей катастрофе
Всё к одному, и всё итог.
Дни кончились, как в банке кофе, –
Последний, стало быть, глоток.

Шаги твои всё тише, тише.
Закат тревожен, горько-ал.
Полковнику никто не пишет...
А я вот нынче написал.

* * *

Сломаю о колено лиру,
Закрою шторою звезду.

Я все, что было, отдал миру
И благодарности не жду.

По силам ли такая плата,
Когда ты спет и обречен?
— Февраль. Достать чернил и плакать.
— Так, значит, есть еще — о чем...

* * *

Луна тревожна и бела.
Она подобна глупой птице,
Которая гнездо свила
На небе и теперь боится,

Что сгонят с места по утру
И разнесут гнездо по кольцам...
Все это ей не по нутру,
Она кричит и беспокоится.

Поэт с ней мается, не спит.
Он ловит завтрашнее эхо.
А за стеной клекот спиц,
Как будто паркам не до смеха.

Поэт все пишет.
Жаль, опричь
Тоски, он ничего не знает,
Стремится истину постичь —
А все выходит прописная...

* * *

Ах, поэты (те, что в чести)!
Как прекрасны, звонкоголосы,

Ослепительны и чисты,
Дымом вышиты папиросным...

Судьбы мечутся вкось и вкривь,
Тяжела в облацах водица.
Голуба в ваших жилах кровь,
На чернила вполне годится...

Я давно не бывал в лито
И с эстрадных площадок смылся,
Но стихи, может быть, есть то,
Почему я имею смысл...

* * *

Бывает, век тебя загонит в угол,
Заломит в три погибели беда,
Покажется: судьба черна, как уголь, —
Возводишь очи к небу, и тогда...

Бывает всё: грехи, огрехи, пятна.
Бывает мрак. А все-таки пиши.
Луна и солнце, если так понятней...
Стихи — лишь отраженный свет души.

* * *

Красив закат. Все дело в этом.
Не очень сложно быть поэтом,
Когда ты с дамою вдвоем
И шум волны — в дверной проем,
Цветут акации и клены...
Ты снова юный и влюбленный,
Обозреваешь окоем.

Вот облака бегут, как стадо.
Стаканом теплого «Бастардо»
Ты подытоживаешь день.
Приятно на простор глядеть.
Ворота дома на запоре,
Смешное слово на заборе –
И чувства снова набекрень.

«Давай, хорошая, кататься!
Я слышал, нынче будут танцы.
Стоят, платочки теребя,
Девчонки...

Я из-за тебя
Стреляться буду из нагана.
Не хочешь? Так давай к цыганам!
...Но не теперь, а погодя».

Лишь тот бессмертия достоин,
Кто бьется с фатумом, как воин,
Кто навсегда, а не на время
Готов свое оставить племя,
Кто не ворочает слова
И не мигает, как сова,
Кто режет мрак и бьет тревогу,
Кто сможет выйти на дорогу –
За белый свет голосовать...

* * *

Глазки щурите невинно,
Сунув головы под крыши;
Только жрете, словно свиньи,
Только прячетесь, как крысы.

Здесь такая скотобаза
(Ныне кифареды редки).
Да какой вам катабасис,

Ежели напитки крепки...
— Трусы! Надоели — во как!

Мир глухой, немой и дикий:
Есть кому сходить за водкой,
Некому — за Эвридикой...

* * *

Памяти В. Шаламова

Утро холодное, словно «прощай»,
Полное слез и страха...
Снова кидаешь в прозрачный чай
Черный, как время, сахар.

Это случалось, но будет ли впредь? —
Слишком хрупка основа —
Есть ли готовые умереть
Ради живого слова?..

* * *

Свет исключает тьму.
Тьма исключает свет.
Как же я не пойму,
Что середины нет...

* * *

Давай морей — не надо хлеба.
Забудь баранку и клаксон!
...Отчерчивая угол неба,
Дом, словно парус, вознесен.

Никто с причала не помашет,
Не позовет издалека, —
Лишь ветер гнет деревья-мачты
И рвет на части облака.

В сети не рыба — только снимки...
Не положить маржу в карман.
И если мы друг другу снимся,
Выходит тот еще кошмар.

Кривясь, грызем известку с мелом,
Пьем уксус, будто бы вино.
Идет корабль гордо, смело,
Под музыку идет, на дно.

* * *

Бьется нагло, на продажу —
Из дворца, из холодца,
Из горшка с геранью даже —
Умца-умца, дрица-ца!

И поэт шагает в ногу,
Не глядит поверх голов:
В мире музыки так много,
Что уже не слышно слов...

* * *

Устал я! Довольно рядиться в слова
И критикам очи мозолить.
Шестая палата, а также «Дом-2»
Советуют жить в до-мажоре.

И можно быть в тренде: смешное кино,
Да рэпчик, да кола, да суши...
Вино — это шанс опуститься на дно,
Когда ты остался на сушке.

Нет, водка не дура, коньяк – молодец,
И здесь недалече до счастья...
Лишь дети – причина не спиться вконец,
Причина домой возвращаться.

Любви не ищу и не жду перемен.
Не жажду казаться героем.
Я словно живу в славном городе N,
Который еще не построен.

КАЛЕНДАРЬ

Очистишь стекло от пыли –
Увидеть вполне реально,
Что в шестидесятых были
Все молоды, гениальны.

А после штаны клешили
И диско внесли, как знамя.
Был каждый готов расширить
Предел своего сознанья...

Другие взошли на троны –
Счастливые пороссята:
Визгливо и электронно
Звучали восьмидесятые.

Явились на небе знаки...
Россия хлебнула вдосталь.
Пишу я для тех, кто с нами,
Кто выстоял в девяностых.

Итак, мы еще живые.
И пережили врагов, но
Оглянешься – нулевые,
Голые, как Голгофа.

* * *

Вижу лицо изможденное.
Вижу лицо побежденного
Бессонницею, заботою...
Не дотянуть до субботы.

Он, безусловно, жалок.
Он, безусловно, я.
Время, где твое жало?
Разбита моя броня.

Лишь одного мне хочется –
Неодиночества!
Чтоб не кривлялось зеркало,
Лампы по-рысы не зыркали,
Прячась в углах уютца,
Во тьме, как диван, продавленной...

Русские не сдаются,
Хоть война не была объявлена...

* * *

Привычный выбор: пряник или плеть...
Шагаю в осень и ловлю волну...
Всё проще получается взросльть,
Похоже, скоро стариться начну.
Лет двадцать как не греет эскимо.
Пашу: забит заботами чердак.

...Мне дерево отправило письмо –
И только дочь сумела прочитать.

#ПИТЕР

1

Гудят электропоезда,
Летят неведомо куда –
В зияющую черноту,
Стучат колеса на лету.
В карман свою засунув тень,
Стареет метрополитен.
Он равнодушный, а не злой, –
Живым не страшно под землей.
Так странно сквозь стекло двери
Смотреть на город изнутри.
А там, над нами – солнца свет,
Дворцы, маршрутки да балет,
Самсон, порвавший львиный зев...
Как хорошо, что я не лев!
Там люди, а еще – гранит,
Который их от бед хранит...

2

Про то, что своды – лазурит
И что вокруг всё – тайна,
По громкой связи говорит
Нам голос Левитана.
Но все, что говорит, – старо,
Я слушаю вполуха.
Доехать просто на метро
До Палестины духа.
Там можно делать, что нельзя,
Тревожно и лирически –
На Невском знаю я, друзья,
Один букинистический...
А где-то Царское Село,
Листва дерев клубится,
И ночь ругается не зло
(Культурная столица...).

Тут важно не свернуть с пути,
Ступая осторожно...
Мостов так много, что дойти
До самой сути можно.

3

Нет, не верил в чудеса я,
Но теперь уже не тот.
И душа моя босая
Вдоль по Питеру идет.
Встречные глядят врагами,
Завывает ветер зло.
Свет фонарный под ногами –
Словнобитое стекло.

4

Покуда мы у времени в плену,
Покуда жизнь еще клубится в теле,
Я с Невского на Мойку поверну,
Пускай в стихах, а не на самом деле...
Ты, Петербург, зело мне дорог, люб.
Пускай смеются надо мной каналы,
Когда повсюду лайки да «Ютьюб»,
Подписываюсь на твои каналы.

5

Усталость и печали вычтем,
Сотрем огрехи и грехи:
Мне так понятней и привычней –
Читаю Питер, как стихи.
Возможно, это фарисейство,
Но вижу в каменных строках:
Над зданием Адмиралтейства
Плынет кораблик в облаках.
Страницы площадей несложно
Листать; пускай я неуклюж,
Но обхожу, когда возможно,
Смешные опечатки луж.

Вы скажете: «Что за нелепость?»
Но чувствую – повсюду свой,
И Петропавловская крепость
Мне грезится уже строфой –
Презрев оплот самодержавья,
Спиной опершись о гранит,
Беспечно я воображаю,
Что Пушкин рядышком стоит.
Нет дела до меня, конечно, –
От полноводных невских нив
Он удаляется неспешно,
Отчасти город сочинив...

6

Rfr ujhmrj? vjq lheu? rfr ckflrj
Vyt d ,tke. yjxm yt cgfnm!*

(Забыл поменять раскладку,
И лень набирать опять.)
Сорвать бы мне с окон шторы,
Глядеть бы во все глаза! –
Здесь нужно родиться, чтобы
Хоть что-то о нем сказать.
Забыть, все, что прежде было,
Спалить свой уютный сад
И темною, как чернила,
Водою Невы писать.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Доселе не прочитанный вполне,
Как классика на самой пыльной полке,
Стоишь ты горделиво в стороне –
Графическими смыслами наполнен.
Отчалить ли, отчаяться – не цель...
Вновь на воду ложится тень косая,
Но крейсер твой, посаженный на цепь,
Давно уже не лает, не кусает.

* Как горько, мой друг, как сладко // Мне в белую ночь не спать!

Ты держишь три столетия в уме,
Рубцешь потрясенья и напасти,
Былому завершенный монумент –
С разодранной еще Самсоном пастью.
Построенный на страхе и костях,
Тихонько осыпаешься от века.
И бронзовые лошади хрустят
Соломой электрического света.

* * *

Сломана привычная орбита.
Свеч игра не стоит. Все равно
Говорят: «Game over! Карта бита».
Как же так? – играли в домино...

Целый день январь гудел и выюжил.
И теперь не повернуть назад.
Наши судьбы, связанные в узел
Транспортный, никак не развязать.

Ядовитой горечью окутан,
Закрома глухой тоской полны, –
Этот город как глоток цикуты,
Словно ощущение вины...

Застывает мир гранитной массой,
Снова тянет холодом с Невы...
Серый вечер, как сырое мясо,
Рвут на части каменные львы.

* * *

Город, забытый июлем город,
Лежит раздавленным мандарином.
Ветер хватает прохожих за горло,
Размазывает по стеклам витринным.

За нас говорят заборы и урны,
За нас говорят вокзалы и рынки.
...С банками, вставшими на котурны,
С горькими снами, что злы и прытки,
Город – щемящая оратория,
С контррапунктом скандалов и пьяной драки.

Дворы-колодцы – твоя история,
Которую описывают бомжи и собаки.

ТЕМНАЯ

В небе звездочек маются крики
И качается лунный овал.
Есть возможность подняться на крышу,
Так зачем снова лезем в подвал?

Всюду грязь, и слова, и рисунки,
Дым табачный, девицы, вино.
Здесь прощаются круглые сутки –
И не больно. И всем все равно.

Размываются лица и знаки.
Здесь различий особенных нет.
И друг друга никто не узнает,
Если только мы выйдем на свет.

* * *

Нет истины в вине, но также – в пиве,
И в женщине, и в дружбе, и в себе...
Всё одиночее, всё сиротливей
Становится в твоей кривой судьбе.

Шагаешь по асфальтовой холстине,
И выстрелы дверей везде слышны.
Ты думаешь: «Пока что холостые...»,
Ты чувствуешь – недолго до войны.

Глядишь куда-то вдаль, сквозь лед и холод...
Как мы с тобой от счастья далеки!
И скалится забытый всеми город,
Посаженный на цепь своей тоски.

* * *

трамвайных перебежек ворох
и вишни губ
я погружаюсь в этот морок
все глубже глуб-
жеманный книксен взмах руками
и плеск вина
на шее сновидений камнем
висит луна

* * *

В подъезде пахнет кашкою и кошкой,
Картошкою и пыльными окошками,
А за стеклом мотается метель.
И ты идешь туда, где всё площадно,
Где ветер жалит зло и беспощадно,
Срываю души грешные с петель.

Ты борешься со снегом, как с врагами,
Перебирая слабыми ногами
По «зебре», как по клавишам судьбы.
У города, увы, свои законы:
Надеешься, что встретится знакомый –
Да только попадаются столбы!

Среди печалей, пьяниц и железа
Твое сопротивление бесполезно,
Но замирает время иногда,
Когда из мрака – пиррова ли? – пира,
Высверкваясь пробкою от пива,
В сугроб дежурный падает звезда.

Напиться бы... И здесь опередили.
Они в тебя глядят по-крокодильи,
Не нужно им ни Франций, ни Россий,
Ни Фета, ни Алябьева, ни света...

И у кого (не ведаешь ответа)
За это всё прощенья попросить?

* * *

я хотел бы увидеть во сне поля
заплутать в белостволье твоих берез
по проселочной где грузовик пыля
тащит облако

звукко натянут трос
где ломается синтаксис под ногой
словно ветка сухая и прежний мир
оттого ли что я стал совсем другой
над грехами своими не командир
мне так нравится место где нет прямых
нет углов и паучьих сетей метро
оттого ли что там кулаки иных
не мешают поверить опять в добро
мне бы надо признать не о том живу
все печали свои поделить на два
там комбайном написаны по жниву
про судьбу очень правильные слова

...переменяя без толку глядеть в окно
доверяться просодии также снам
солнце там вообще не заходит но
солнце здесь никогда не заходит (к нам)
жив остался похоже что повезло
все оттенки различья согрет зима
если серо печально вокруг и зло
может лучше когда все покроет тьма

* * *

Гори, гори, звезда, когда темно!
Я не боюсь, хоть мне не все равно.

Болотца окон в туне городской
Подернулись зеленою тоской.

И посмотреть, гуляя под зонтом,
На дерево приятней, чем на дом.

Рожденный, может быть, не на авось,
Панельной перспективе – в горле кость,

Бреду без цели... Или целью став.
Мишень с пробитым сердцем (сто из ста).

А пр(Авель)но по сердцу?.. по уму?
Я (непри)Кайн брату своему.

На шее шарфом – стянутая мгла.
Забиться б в угол, да Земля кругла.

НОЧНОЙ СОНЕТ

Рогасты троллейбусы, парки хрипасты –
И мечется в душных квартирках народ.
Нас city хватает беззубою пастью:
Помнет, поломает, авось не сожрет.

Мы вышли такими, как есть, – городскими,
От светлого праздника шлепаем прочь.
...Ты голову в крике тоски запрокинешь,
А в глотку свинцом заливается ночь.

И, шествуя важно, в спокойствии чинном,
Мы харкаем матом, покуда свежи...

Молиться нас бабушки не научили,
А сами не можем молитву сложить.

Играем без форы, ведомы огнями...
Звезда светофора восходит над нами.

ВЕЧНЫЙ ГОРОД

Купить сигареты, не ждать дождя,
Стараться весь день не сойти с дистанции...
Ларек – у дома,
но ты, дойдя
До него, как будто успел состариться.

Крысы больной городской тоски
Сгрызают лучшие побуждения,
Будто книжные корешки...
Ныне день каждый – день нерождения,
Который никчемен и пустоват.

...Монументы качаются, словно пьяные.
Взлетают голуби, им плевать
(И не только) на каменные изваяния.

Колокол десять пробил вдали.
Время вяжет петли и банти-
Киты, что держат твой мир, легли
На бочок, и тебе пора уже баиньки.

Но ты трепыхаешься и в стихах
Путаешься, мысли еще не умерли:
Рифмой о рифму чиркаешь, как
Кремнём, чтоб рассеять серые сумерки.

Город гудит, изукрашен и леп.
В нем граждане бродят, хмельные, безумные,
Ему стоять тысячи лет,
И поблизости что-то не видно Везувия...

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ПЕСНЯ

Зима сжимается вокруг,
Созвездья тяжелы, как гири.
Что выбираешь, добрый друг,
Сэппуку или хаакири,
Цикуту или Соловки –
Покуда не размётан в горе,
Пока не плачут соловьи
По-бабьи, вслед твоей фигуре?..

Рефрен:

Словно у края скользим,
Не подавая вида...
Горе тебе, Хоразин!
Горе тебе, Вифсаида!

А ты заметить не успел
Сквозь решето оград точеных,
Что белый свет не так уж бел, –
Скорее, серый или черный...
Крошится снег – несокрушим,
Томим до середины мая.
Колеса ноющих машин
Он как плацебо принимает.

Рефрен.

Лишь купола не тронет ржа,
Лишь в Храме высветлены лица.
В Преображенский в сторожа
Пойду, чтоб по ночам молиться.
И, может быть, сквозь эхо лих,
Оставив беганье по кругу,
В молитвах-шёпотах своих
Услышим все-таки друг друга.

Рефрен.

* * *

Знаком со временем шапочно,
Но ступишь на уличный лед –
И снегопад безошибочно,
Как собака, берет твой след.

Пусто на улице, угольно...
Вроде кончился вечный бой.
Но скажешь про Землю: «Круглая!» –
И тут же придут за тобой.

В плечи вжимаешь голову.
Ты словно бы миру сужён...
В машине до дрожи холодно,
Как будто в постели – с чужой.

И в страхе сорвешься с места,
Время из берегов выйдет –
Себя успеешь заметить
В зеркало заднего вида!

* * *

Чегемский кот с железными когтями
Не борется за славу и за быт,
Он ловит тех, кто был на миг хотя бы
Покинут, нелюбим или забыт.

Срывает наши маски прямо с кожей
И неизменно держит хвост трубой...
Чуть слышно двери скрипнули в прихожей –
Не сомневайся, это за тобой.

Наш город замороженный не ожил...
Чегемский кот и этому виной.
Стоят высотки серою стеной –
И утро к нам приходит часом позже.

Но солнца луч скользнул от потолка –
Замшелый мрак распорот сталью тонкой!
Я в миску наливаю молока
Облезлому дрожащему котенку...

* * *

По венам у нас протекает текила.
И ветры свирепствуют в головах.
Сами не знаем, кто мы такие,
Но – больше, чем можем сказать в словах.

Мы больше, чем можем понять и увидеть...
Боль превращаем, как воду, в вино.
Если б успел, то сказал Овидий, –
В нас, будто в почве, таится зерно.

Да только так редок в пустыне колос,
А ереси голову серебрят.
Бьется поэт, чтобы дать нам голос,
Бьется за нас – не за себя.

Кричит опаленными мглой устами,
Чтобы люди были снова людьми,
Чтоб растопили сердца из стали –
И равными стали своей любви.

* * *

Бессонница. Жажда. Вергилий. Гомер.
Да призраки дня вчерашнего.
Тревожные крики. Круженье химер –
И многие очень страшные...

В серебряном кубке отравлена кровь.
Страстищи кипят гремучие.

Надежды растоптаны, рушится кров,
И строки приходят лучшие.

Опять погружаюсь на самое дно,
Все муки пройдя посты.
...И мне непонятно только одно —
Как люди живут без этого?

ПОЕДИНОК

1

Тянешь сумрачный воздух,
Он подвижен и веци.
Даже грозные звезды —
Ненадежная вещь.

И пускай всюду люто,
Есть у мира края.
Есть хорошие люди —
Не такие, как я.

Можно — водки корытце
Да бадью коньяка,
Чтоб напиться, забыться —
Только память крепка...

Понимаешь внезапно:
Бренны слава, почет.
Если пишешь для завтра,
Кто сегодня прочтет?

2

Даже зеркало кривится
(Хоть витийствуй, хоть пляши),
Отражая наши лица
И движения души.

Ни удачи, ни отваги.
Тяжелеет голова.
Увядают на бумаге
Даже сильные слова.

Не спасают нас ни кручи,
Ни бряцание кастрюль –
Через горы лезут тучи,
Топчут солнечный июль.

Дерева спешат навстречу
Неизведанной стезей,
Кулаки сжимают крепче,
Чтобы встретиться с грозой.

Так и мне бы – тьму разрушить,
Словом сжечь ее дотла,
Чтобы смыслы, словно души,
Обрели свои тела.

* * *

Крути, Земля! Нам нынче по пути,
Как будто убегаем от кого-то.
Крути, Земля... Ведь мы, как ни крути,
Хотим лишь ощущения полета.

Не выиграть, хоть Гамлете играй...
В деревню бы! – из этих злых потемок.
Ее простой черемуховый рай
Все снится, словно я еще ребенок:

Овчинный запах, лепестки огня,
Тем ближе мы, чем за окном темнее.
Имеющее ценность для меня
Цены, на самом деле, не имеет.

Себе дороже с веком быть на «ты»
И вирши сочинять ему в угоду.
Как преданный ценитель красоты
Пою упрямо женщин и природу.

Пускай стихи не в лад и невпопад
И настоящей жизни только эхо, —
Живет река, и радует мой взгляд,
И ничего не требует за это.

* * *

По краям косогоры да чащи.
Черной трассе не видно конца.
Я большущий охотник до счастья —
Я все время ловлю на живца.

Впереди небосвод темно-синий...
Мне уже не вернуться назад.
Только рыбы прерывистых линий
По асфальтовой глади скользят.

* * *

Они, может статься, хорошие люди,
С мечами и кольями, в латы одеты...
Какое мне дело до тех, кто не любит
Меня,
словно хлебом, питаясь вендеттой.

Река зелена, и трава голубая.
Лесок вдалеке мне мерещится просто.
Но дело не в этом, а в том, что любая
Дорога ведет от порога к погосту.

Скрипят деревянными крыльями ставни.
Уставший, раздерганный, выпивший даже,
Я снова играю не в полном составе...
О'кей, Google: «Слушай... Как мне жить дальше?»

КОММУНАЛКА

Не важно – учены, бодры или седы,
Судьба одарила не вкусом конфет.
...Готовые сжечь на конфорке соседа
За то, что в клозете не выключен свет.

Страдая мигренью, словесным поносом,
Как мантру, читали «теперь-не-взыщи!»
И не было места, куда бы вы носом
Не лезли. Как в души, плевали в борщи...

По Дарвину, слабый спасется едва ли,
Нельзя доверять ни другим, ни судьбе.
Боролись за место и жизнь проживали,
Сживая со свету подобных себе.

Вина бескорыстна, пуста и нелепа,
Но будущность грезилась, в дымке дрожа, –
И каждый вносил посильную лепту
В качестве

коммунального
платежа.

* * *

Пожалейте человека,
Пожалейте палача.
Машет топором от века –
Вдумчиво, не сгоряча.

Не найти труднее дела,
Следствия не хороши:
Утомление для тела
И тревога для души...

Дома отдохнуть хотя бы! –
На топор глядит сквозь быт:
«То ль кому башку оттяпать,
То ль дровишек нарубить?»

NIHIL*

В час, когда черемух вьюга
Мельтешит в твоем окне,
Легким бризом веет с юга,
Вспоминай меня, подруга,
Плачь тихонько обо мне.

Здесь иное: мало света –
Все крупицы сочтены.
Целит ночь из пистолета.
Что нам делать? – нет ответа...
Пьяниствуем и ждем весны.

Все бы раскурочить разом!..
Ночь тиха и холодна,
Напиталась едким газом.
Дом глядит подбитым глазом
Затемненного окна.

Я не мастер. Я не рыцарь.
И судьба – на волоске,
Со вчера небрито рыльце...
Но всегда могу укрыться
От себя в том кабаке.

* Ничто, ничего (лат.).

И девица (только хрюкну)
Улыбнется, даст вина.
Вся в кружавчиках и рюшках –
Притягательна, как рюмка,
И, как рюмка же, стройна.

Сладкий дым, озnob и морок.
Выйти вон, идти «на вы»?
Столько в прошлом ссор и сора.
Был тщеславен, словно сорок
Тысяч братьев, но – увы...

Прежде жизнь казалась другом –
Обманула. Вышла чушь.
Что – сидеть реветь белугой?
Лезу в драку: по заслугам
Наконец-то получу!

ДУЭЛЬ

Рыщет ветер, в клочья рвет облака,
Электрические маски срывает.
Стылой улицы стальная рука
Гонит в ночь самоубийц и трамваи.

Здесь приют для всех несчастных – кабак.
Здесь кусты лохматы, как бакенбарды.
Город горечи, бродячих собак,
Серый город алкашей и ломбардов.

Я вернулся, чтоб припомнить ему
Все обиды, расквитаться притом, но
Он плевался гарью, реял в дыму.
Он давил меня стеклом и бетоном.

Твой характер по-драконьи паршив.
Я готов – пусть разыграется драма!

...Разошлись мы, ничего не решив,
Потому что здесь живет
моя мама.

* * *

гости пришли принесли вино
разложили закуску на серой газете
всё как в старом советском кино
окно разбито и течь в клозете

время наступит иное и
не будут пить вина и сикера
но покуда мы подставляем свои
стаканы как головы под секибу

химеры кружат как злобные псы
рвут изнутри
никого не жалко
лишь глухо за стенкой идут часы
когда вокруг все лежат вповалку

деревянное каждому выйдет пальто
стандартного то есть по ГОСТу покроя
но про жизнь после смерти не спросит никто
все спорят когда магазин откроют

* * *

Как радостны, розовощеки все!..
Поют дрозды, березы и белуги.
На крышах, на машинах, на росе
Играет солнце... твист и буги-вуги.

Беспечно влив себе пол-литра в рот,
Глядишь на всех с прищуром, и покренно,

А если говоришь, что не умрешь,
То врешь, поскольку все мы точно бренны.

Мы вертимся, кривляемся – ужи
На сковородках собственных же песен...
(Опять я пересказываю жизнь,
Но спойлер никому не интересен.)

Кто в карты бьется, кто танцует вальс,
Кто нагишом бросается из окон.
Один печальный человек средь вас –
И это я. Мне очень одиноко.

Не смысля в перепутьях ни аза,
Судьбу не перекраиваю ловко.
...Всей жизни мне не хватит доказать, –
И это не конец, а лишь концовка.

* * *

Эй, город! Может, просто – шапку оземь,
Уйти в загул, покуда ночь темна?
Твоя зима, сменяющая осень, –
Как водка после легкого вина.

И в голове шумит, и, как с похмелья,
Скребутся кошки утром на душе.
...Мы сами с пугачами. Эй, Емеля,
Мели, мы не воротимся уже!

У нас кастеты, сабли и пищали.
Плевать на тех, кто в званьях и чинах.
Долой закон! Вы что-то пропищали?..
На стенку – стенка. Стенька, начинай!

Как докричаться? – призрачны надежды...
Всё воем – дотянули до зари б...

Но голос мой, в кириллицу одевшись,
Напоминает шепот или хрип.

«Ред буллы» в продовольственной корзине.
В крови гремит цикуты сладкий яд.
Обходим храмы, грабим магазины...
Не свечи, а покрышки пусть горят!

Нам дела нет до прежних иерархий,
Определяем сами бытиё.
Поскольку мама все-таки анархия,
Рождаются уроды у нее.

ОДА ПЬЯНСТВУ

Коль затуплены мечи,
Жить темно и горько,
Если ноги промочил,
Промочи и горло.

Что ты скалишься, сосед?
Мы с тобой не волки.
Если мир печален, сер,
Значит, мало водки.

Нам подходит путь любой.
Подними забрало.
Да какой там «Пьянству – бой!»
В стельку генералы.

Раз свое отвоевал,
Хочется покоя:
Ни к чему девятый вал,
Всякое такое...

Станем – словно бы нас нет,
Будет все иначе:

Подождем, пока рассвет
Нас не обозначит.

Выйдем из своих квартир
В неприметном, штатском –
Сделать так, чтоб этот мир
Больше не шатался.

Скинем тяжкий ваш ярём
Силой исполинской!
Будем живы, не умрем,
Если похмелимся...

ВЕЛИКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЬЯНКА

Из-за леса, из-за гор
Прибежал Анаксагор
И поведал с умным видом:
– Солнце – шар (не пирамида)!
Не овал и не квадрат...

А потом пришел Сократ.
(Был ему народ не рад).
Два часа твердили кряду:
– Афтар, лучше выпей йаду!

Также был еще Гомер,
Нам поведал про химер.
Перебил его Улисс –
В общем, чуть не подрались...

А печальный Лао-Цзы
Все твердил свои азы:
Дескать, смерть и алкоголь
Умножают боль на ноль.

Погрозил из ближней рощи
Нам Кофуций: «А-я-яй!

Без потребностей жить проще...
Есть потребность – наливай!»

Без особенной сноровки
Не наполнишь стаканы.
Чахнут-сохнут на веревке
Пифагоровы штаны.
Хоть живем не исполинно,
Только все-таки живем...
Белый свет сошелся клином,
Пролетает над живьем...

И речам, и мыслям в тон
Достает флакон Платон:
– Истину несли на блюде
Людям...
Но среди пальбы и воя,
Пересудов и молвы,
Как задеть их за живое,
Если все они мертвы?..
Это лучшая проводка,
Без нее не греют дни.
Будем говорить про водку –
Надоел нам Жомини.

Тут на сцену вышел я:
– Братья! Мы одна семья.
Первое: живите дружно,
Если уж перо – оружье...

Больно подбирать слова –
Это два.

А в-четвертых, очень сложно
Жить в такие времена:
Нет, стихи писать возможно,
Но продать их – ни хрена!

Отчего мельчают темы,
Но все больше дыб и плах?
Отчего печально тени
Поразвешаны в углах?

...Долго ли мне быть в прострации,
Ждать прозренья своего
И столбом торчать в пространстве,
Но не значить ничего?

Рыскаю, ищу истоки.
На пути миллионы ям...
Накачу четыре стопки
И – в четырехстопный ямб!
Чтоб минуты шли бодрей,
Был изобретен хорей...

Я в толпу бросаюсь сдуру
(Пламенеющ, а не вял),
Делаю литературу,
Но подводит материал.

Пусть раздрай и нескладуха,
Славлю белосветье вслух –
Полная свобода духа,
Аж захватывает дух!

...Жизнь идет совсем простая
От великих дел вдали,
Но любви моей хватает
На шестую часть земли.

* * *

Слово ли приветное,
Грезы, пустяки –

Всё, что есть заветного,
Подавай в стихи!

Всё, что мной подслушано,
Всю людскую речь...
Не придумать лучшего,
Это бы сберечь.

Всё, что есть природного,
Дай же, не таи!
...Музыка народная,
А слова мои.

* * *

Шторы колышутся желтые,
Ночью открыто окно.
Звезды на юге тяжелые –
Многие падают, но
Хватит и света небесного,
Хватит и сил, и тоски,
Чтоб этот камень асбестовый
Сердца –
разбить на куски!

Сердце измучено, бедное –
Слишком тревожно житье.
Если ты снова над бездною,
Страшно глядеться в нее.

Бездна темна и прожорлива.
Не доверяю окну.
Звезды на юге тяжелые,
Каждая тянет ко дну...

* * *

Ищу и жду, зову... Кого же?
А тучи, словно поезда,
Гремят, скрежещут и тревожат...
Идут неведомо куда.
И воздух, смешанный со сталью,
Разлит повсюду... Так дыши!

Идут тяжелые составы.
И дребезжит стекло души...

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ

Песни паломника

Пролог

Читатель, хватит нам в прятки играть.
Самое время поговорить по душам.
Между нами лежит незримая грань,
Которая мешает в унисон дышать.

...Иерусалим – не райский сад.
Нужно с нуля во всё вникать.
Город, о котором можно писать
Либо хорошо, либо никак.

И вряд ли возможен вариант иной –
Слишком уж явно сгущается мгла.
Но строки поднимутся крепкой стеной,
Если Тот Камень – во главе угла...

1

Я прохожу за кордоном кордон.
Аэропорт Тель-Авива. Усталость.
Смотрит прищурчиво Бен Гурион:
Думает, что захочу здесь остаться...

Но не серчают хозяева пусть –
Я не позарюсь на дома и хлебы.
По-православному перекрещусь
На иудейское небо...

2

Глотая пыль, шагаю налегке.
Так мало зелени. Цвета неброски.
Все говорят на странном языке –
И только море говорит по-русски.

3

А дальше некуда! И – довольно...
Все глушше сердце. Все тише боль.
Проходят войны, проходят волны,
Но остается на коже соль.

Как звезды, гаснут резные горы.
Стирает время любой кремень.
Проходит радость, проходит горе –
На Мертвом море без перемен.

4. Вифлеем

Думают сыны и дщери
О душе... Но и о теле.
И ночуют не в пещере –
В пятизвездочном отеле.

Целый день жара такая,
Что народу не до смеха.
Да и сам не без греха я –
Не на ослике приехал.

Стать бы мне духовно выше,
В прошлое вернуться мне бы.
...Я жалею, что не вышел
Посмотреть звезду на небе.

5. Старый город

Там, где геенна была, – пикники.
...Свечи, кресты, полумесяцы, звезды.
Небом, увы, торговать не с руки –
Было б возможно, продали и воздух...

Кажется, снились уже по ночам
Стены, ворота, больные кварталы.
Для миллионов начало начал...
Может, поэтому так натоптали?

Хватит ли сил жизнь пройти до конца?
Словно бы лезвием совесть задета.
Господи, Ты одесную Отца!..
Плачу о собственной жизни, о детях.

Город рассказан письмом кружевным.
В навыках прежних ни смысла, ни прока.
...Я не пророк. Я остался живым
В городе, где побивали пророков.

6

Слова не о том и не те.
Но как же мне горько сейчас!
Голгофа. И Ты на кресте,
Но все-таки милуешь нас.

И дальше – ни знаков, ни вех,
Лишь зарево нового дня.
...Я знал, что Ты умер за всех.
И знаю теперь –
за меня.

7. Храм Гроба Господня

Ко Гробу – где по два, где по одному.
Закрученна очередь та еще!
Я радуюсь, глядя на близких, тому,
Как много Его почитающих.

А как же привычная наша возня?
Уедем за сладкой отравою.
Был рай на земле, если б каждый из нас
Подставил обидчику правую...

8

Воскресшему в пещере тесно.
Отвален камень. Смерти нет!
Безумный мир встает на место.
Нас греет невечерний свет.

И слышен голос в дальнем громе.
И славный день грядет уже.
А ты искал его во Гробе...
Попробуй в собственной душе.

9

С Елеонской горы – удивительный вид.
Город славой былой уирован.
Учу, будто бы алфавит,
Названия улиц, ворот, башен.

Здесь Господь оплакивал горько
Непокорившийся народ сей.
По преданию, Он во славе Своей
Прежде войдет в этот знайный город.

«Осанна!» – воскликнет любая живая душа.
Выйдут к Царю все: от мытаря до пророка...
Разве могут этому помешать
Замурованные Золотые ворота?

10

Здесь небосвод голубой-голубой.
Движется марево времени сонно.
Ищешь, в какой стороне солнце...
А солнце прямо над головой.

Даже к вечеру земля не остынет.
В этом пекле и камни изнашиваются.
...Поистине Иудейская пустыня:
Так много иудеев, никого из наших.

Холмы. Увы, ни берез, ни ракит.
Как бедуин, созерцаешь природу.
Но если взлкаешь, кто превратит
Камни – в хлеба, а вино – в воду?

...Плачут, оставляя записки в стене.
Ждут своего (другого) мессию.
Не приняли Господа в этой стране.
Он простил. Но, похоже, ушел в Россию.

Эпилог

Я уже в том возрасте, когда есть что вспоминать.
Я еще в том возрасте, когда строят планы.
Как странно в Вечном городе ждать Конца света.
Мир вертится, как белка в колесе.
Чтобы это безумие имело хоть какое-то оправдание,
Должно быть и что-то неизменное –
Екатерининское, Старый город, Твоя любовь к людям.
Вера без дел мертва, а я мертв без веры.
Но пока Ты со мной,
Мое падение в бездну
обращается
полетом в небо...

* * *

Живу, как в бреду, – в ожидании чуда,
Но чудо уже, что живу.
Тоска – вот единственный груз, что покуда
Удерживает на плаву.
Гореть просто так – век отправить на убыль,
Привычно хватать верхи...

Раз хочешь любить что-нибудь, почему бы
Не выбрать мои стихи?
Уже задыхаюсь... Как все-таки больно
Грести сквозь колючую тьму.
И если словам нет доверия больше,
Молчанью поверь моему.
Мой путь многотруден и все же обыден...
Хотя указателей нет,
Я не потеряюсь, пока будет виден
Небесный невидимый свет.

* * *

Лоб расшибаю о стены ночных
И фонарь зажигаю днем.
Мелочи звон, кавардак мелочей –
Да гори это все огнем!

Плачу, мотаюсь и в стужу, и в дождь,
Ищу тот единственный дом.
– Господи, Господи! Где ты живешь?
И ответит:
– В сердце твоем...

ПАСХА. 12 АПРЕЛЯ

Прибитый тоской и кромешной зимой,
Безропотно шел бечевой,
Но помнил: не стоит заигрывать с тьмой –
Не выиграть ничего.

И вот эта ночь. В суете белых ос,
Просеянных сотней сит,
Поет колоколье: «Воскресе Христос!»
И значит – меня воскресит...

Со службы Пасхальной счастливый иду,
Уверенный: смерти нет!
Мне прежде казалось – рожден на беду...
А я родился на свет.

* * *

В жизни моей чуда было немного.
Жизнь и сама по себе есть чудо –
Словно ведущая в гору дорога,
Знаю – куда, и помню – откуда.

Не глубже кошмара мои виденья.
И устремленья не дальше кровати.
Все было б иначе, броню надень я...
А так – меня надолго ли хватит?

Часы читают свои законы –
От чарльстона до стыни стона...
Плюются страшно огнем драконы,
Которых я вырезал из картона.

Жизнь, может статься, подобна чуду.
Но тело чадит и в душе разруха.
Бреду, согбенный, под стать верблюду,
А впереди – игольное ухо...

* * *

Не пью вина, не чту красу.
Живу, не различая лица.
Как будто дерево в лесу,
Я был бы счастлив заблудиться...

Бьюсь о январское стекло,
Но не пройти ни в лоб, ни с тыла.

Воды немало утекло,
Но больше все-таки застыло.

И в женшине, что визави,
Какие сумерки таятся?
Свиреп дракон ее любви,
Не чужд войны и плотоядства.

Где ты, родная сторона? –
Тропинка по трущобам вьется...
Там потому вода вкусна,
Что звезды падают в колодцы.

Что поминать житье-бытье?
К чему травить на сердце раны?
Ищу отечество свое –
Гляжу на небо, словно странник.

Свою тоску давлю, как тлю.
Мой путь к рассвету бесконечен.
Не то чтоб хвастать не люблю,
Но получается, что нечем.

БЛУДНЫЙ СЫН

Я свинячил что было сил,
Ждал расплаты.
И прощенья потом просил,
Горько плакал.

Жил неприбранно, как подлец,
Пил вину сам.
Но, мне кажется, наконец,
Я вернулся.

И заколот уже телец,
Слышу песни...

И встречает меня Отец.
Дарит перстень.

В ноги падаю. Не пойму –
Нынче кто я.
И сквозь слезы твержу Ему:
«Недостоин...»

Все, что было, всего лишь сон, –
Грех как не был.
И меня провожает Он
В дом... на небо.

* * *

Верую! Выцвели прочие символы –
Сон наяву:
Птицы поют, небо синее-синее –
Значит, живу...

Пусть не богат я ни рвеньем, ни смелостью,
Смазал игру,
Господи, дай мне понять перед смертью,
Что не умру...

МУЖСКОЕ

Кто сказал, что мужчины не плачут?

Из песни

Твой голос вещ, но он стихает,
Порою слышен шепот лишь.
Ведь даже лучшими стихами
Судьбу ты не заговоришь.

Нас время кружит выужным вальсом,
Являясь часто без прикрас.

«С любимыми не расставайтесь...»
Но вот опять звучит приказ.

Когда гудят призывающе трубы
И в мир иной идут друзья,
До скрипа стискиваешь зубы.
...Нам плакать можно, ныть нельзя.

БРАТУ

Все тяжелее живется на свете.
Что бытие? – только всполохи, блики.
Дует ночной, с подыванием, ветер...
Слишком уж часто хороним мы близких.

Вновь опалило дыханием смертным.
Может, чего-то покрепче налить нам?
Впрочем, и так все истлело, померкло.
Если нет слов, остается молитва.

Холод волной пробегает по телу.
Стих мой становится вязким, не веским.
Умер отец – ничего не поделать.

Нет сил бороться... И не с чем. И не с кем!

12 июля 2016 г.

1984

Старею или же мудрею...
Уже нет зависти к тому,
Кому повесилась на шею
Девчонка... Легче одному

Читать скучные речи речки,
Листву пожухлую листать.

Пускай смешные человечки
Танцуют тверк и варят сталь.

«Нас мало избранных...» Да только
Что в этом толку, Амадей?
Мы были, кажется, так долго
Посмешищем среди людей.

Мне тесно здесь, мне мало места:
Повсюду плаха да стена.
Свобода – вот моя невеста...
Она другому отдана.

* * *

Отказали тормоза,
Отказали.
Вылетаю лихо за
Магистрали,
За границы, за грехи,
Ложь и лужи...
Не нужны мои стихи –
Вам же хуже!
Чепуху опять молоть,
Ставить вешки?..
Я отрезанный ломоть –
Нате, ешьте!

ЛЮБИТЬ

Что поднимает нас над злом любым?
Что не дает попасть дракону в пасть?
Возьми словарь, найди глагол «любить»,
Нет у него значения «упасть».

Минуты, словно семечки, грызем,
Задав вопрос, забыли про ответ.
...Из зерен звезд, упавших в чернозем
Ночного неба, вырастет рассвет.

ТАЕЖНОСТЬ

1

Я был в изгнании в деревне.
Меня корежила тоска.
Среди урмановых деревьев
Себя пытался отыскать.

Разумно-доброе не я ли
Метал, не различая вех?..
И школьницы в меня влюблялись,
Как полагается, — навек.

Читал забор с любого места,
Писал стихи что было сил...
С отбитыми краями месяц
Мне вместо лампочки светил.

Казалось: все еще не поздно,
Не забодает волчья сыть...
Простым зажмуриваньем звезды
Я мог беспечно погасить...

За окнами скрипели сосны,
Воркали мюмзики в мове,
Как фокусник, всходило солнце,
Тайгу припрятав в рукаве.

Несли меня к любимой кони,
Горели празднично крыла.
...Дорога здесь пустила корни,
А возле города цвела.

Я жил изгнаником в деревне.
Теснила хвойновая рать...
И на «деревню» рифму «ревность»
Так просто было подбирать.

От моровых туманов ежась,
Глядел в бескровельную высь,
Чтоб тайна с нежностью – в таёжность,
А жизнь – в тоску перелились.

Все думал: не живу – играю,
Но, знаешь, сколько ни играй,
В себя приходишь: хата с краю,
А там недолго – через край.

Гудело сердце: рядом враг-то –
Сгущалась, матерела мгла,
Да только... сквозь разбитый трактор
Светло березка проросла!

Я развалил причал печали
И в мегаполис взял билет.
... В библиотеке повстречались
(Ученье, как известно, свет,
А знание, опять же, сила...)
Пошел, как пьяница, вразнос.
Ах, как же ты была красива! –
Июнно, самый сенокос...
Могли нас отыскать едва ли.
Цветами плавились углы.
Мы две недели расставались,
Никак расстаться не могли.

... Остались только блестки в саже
Да пища горькая уму.
Какое время было все же!..
Не пожелаю никому.

3

Я жил в деревне как затворник.
 Слагал эпистолы тебе.
 И заносила осень дворик
 Хореем, ямбом и т.д.
 Тоска со мною говорила.
 Тянулся дождь в сто тысяч жил...
 Служил учителем Гаврила,
 Два года доблестно служил.
 И можно забываться, если –
 Тетради, четверти, аврал...
 А чтоб к зазнобушкам не ездить,
 Я мотоцикл разобрал...

...Еще не вечер и не старость, –
 Все тише по воде круги.
 Лишь навсегда в душе остались
 Сто тысяч га сплошной тайги.

Я вижу прожитое в цвете,
 Хотя уверен много лет:
 Такого места нет на свете.

Прекраснее уж точно нет.

4

Кому сказать о той поре мне? –
 Пойду вслед матовой звезде.
 Так много неба, как в деревне,
 Я больше не видал нигде...

Копаться в прошлом? – скукотища!
 Но прозреваю в миг иной,
 Что я чудак, который ищет
 То, что давно уже со мной.

5

Итак, я жил тогда в деревне...

AD FONTES*

1

На кураже – гáзу на вираже,
И наплевать, что миную лето!..
Я не могу отличить уже
Светлую птицу от самолета.

Звездочкой малой маячит Русь,
Словно бы сон, обещанье счастья:
Если однажды туда вернусь,
Мне будет некуда возвращаться.

2

Я смеялся бы, пел без причины,
Хорохорился в сонме любей,
Но меня обступили машины,
И в кабинах не видно людей.

...Вот аркан затянули, играя,
И забросили в стынь января.
А село – обещание рая,
Знак того, что все это не зря.

3

Еще бы! – трущобы щедры и влекущи.
В них столько игристого злого огня...
Я плачу, зову всех в июльские куши,
Жалею того, кто не слышит меня.

Туда, где навоз пахнет словно бы роза,
Где люди гуляют, лишенные пут, –
Опять я бегу впереди паровоза!..
Ведь должен же кто-то указывать путь.

* К началу, к источнику (лат.).

ПОЛЮСЫ

В деревне – еловые щётки,
Туман и рассветная новь...

Нас город кидает, как щепки,
И бьет о бетонную ночь, –
Нас мучают зависть и гордость,
Деремся за власть и гроши...

Уедем в деревню из города –
И некому будет грешить...

В ДЕРЕВНЕ

Собака брещет, радуется кочет,
Мычат коровы. В небе птичий стаи.
Строку реки читаешь, сколько хочешь,
И золота рассвета не считаешь.

Грядущие года листать нелепо,
Но помнишь,
Чьёю милостию живы.
Так много солнца, неба, ветра, лета! –
Как будто в самом деле заслужили.

* * *

За темной далью – город серый,
Составленный из пыльных плит.
И сердце оттого болит,
Что снова заболело сердце...

Мне нужно посидеть немного
На правом берегу реки,
Где бакены и огоньки,
Цветная лунная дорога...

На привязи латунный катер
С веселым именем «Баклан».
Меж облаков аэроплан
Куда-то беззаботно катит...

Я слышу позывные раций,
Я вижу всполохи тепла.
Вот если б через горе вплавь,
Как через реку, перебраться.

* * *

Не алчу оцифрованной любви.
Мне не нужны репосты или лайки.
Чего тогда? – игристого аи,
Оксюморона (блуз на балалайке);

На перекрестках дальних и лесных
Хотя б на миг июньй затеряться,
Ловить удачу стеклышиком блесны,
Не слышать позывных январских раций.

Пускай без нежных трелей соловья, –
Моя тайга на сотни лет простерта.
Воспоминанья живы, жив и я:
Все оттого, что ...mea tecum porto*.

Все оттого, что день пойдет не тот,
Что ныне.

Хвойно-тихий и крылатый,
Он солнечные зайчики кладет –
На все мои надежды – как заплаты.

* Omnia mea tecum porto (лат.) –
все свое ношу с собой.

* * *

Достать гармошку, пить, и петь,
И плакать пьяными слезами...
Вернусь в деревню ли теперь,
Когда метелевая замять?

Перемахну ль через забор,
Ухарству прежнему в угоду,
Затею с кем-то разговор
Про сенокос и про погоду?..

Я снова сделаюсь простой,
Лесной, не битый тьмою злую.
А воздух там такой густой,
Что поднимает над землею.

Я знаю всё наперечет,
Я помню всё до боли точно:
Олады бабушка печет,
К покосу дед литовки точит.

Все дышит жизнью молодой.
Гуляет золотая лошадь.
Играет солнцем, как водой,
Поляны праздничная площадь.

Я помню прозелень пруда,
Я знаю сосны без запинки.
Ведет неведомо куда,
Петляет хвойная тропинка.

Там, на ромашковом холме,
Стоит над тихою рекою,
Кому-то милому – не мне! –
Все машет девушка рукою.

Деревня, за листвой резной
Живет все то, что сердцу мило.
Когда бы ты была со мной,
Чего б еще мне надо было?..

* * *

Я такой же, как вы, только хуже.
Я читаю, как книгу, вино.
Только если внутри и снаружи
Станет выжжено и темно,

Есть в далёком далёке деревня,
Васильки в золоченой ржи.
Есть трава, облака и деревья,
Чтоб не страшно мне было жить.

ДЕРЕВЕНСКОЕ

Терпеть, молиться, плакать и терпеть.
От темноты не требовать ответа
И верить: всё, что сломано теперь,
Вдруг сложится само в полоску света.

А зачерпнешь – ни звездочки в ковше!
Молочный путь все призрачней и уже.
Когда темным-темно в твоей душе,
Не все ль тебе равно, как там снаружи?..

...

Звенят цветы, смеются дети,
Стрижи срезают виражи.
Чем дольше ты живешь на свете,
Тем понимаешь меньше жизнь,

Тем реже чувствуешь веселость
(Певец печали и тоски),
Изломанность дорог проселочных
Читая в линиях руки.

Свет заревой пылает ало.
Хотя с судьбою ты не квит,
Уже ни сил, ни материала,
А надо снова делать вид...

Бежишь куда-то без оглядки,
За маяки и за флаги,
Корежишь судьбы, топчешь грядки
И дождь ломаешь на куски.

Свинячишь пошленько, украдкой,
Глотаешь сумрачную взвесь,
Чтоб жизнь тебе казалась сладкой,
А не такой, какая есть.

...

Что ты, братец, приуныл?
Белый свет тебе не мил...
Что ты вертишься, как уж? –
Поезжай в деревню, в глушь.

Враз оставит чувство пата,
Бросишь городить Карпаты
Или быть колонной пятой,
Метить Ахиллесу в пятку
И кусать друзей за хвост...

Если встанешь в полный рост,
То дотянешься до звезд.
Будешь ласков ты и прост,
Потому что на селе
Ходит всяк навеселе.

По земле шагаешь, по-
этому иди в сельпо.
Ты в сельпо иди всегда,
Чтобы лично видеть чудо:
Все пути ведут туда,
И ни одного – оттуда.

...Слушай летний птичий гам,
Прогуляйся по лугам,
В стороне от матюгов
Заблуждайся меж стогов,
Брошенный, больной, один –
Сам себе ты паладин,
Рыцарь заревой поры
Доязыковой игры,
Господин костра и чая,
Одичания, молчанья...

Если будущность в тумане
Или жизнь тебя обманет,
Просто плюнь и разотри,
Этак сделай раза три.
Комарам-то все равно –
Ты вершина или дно,
И не думают о том,
Кто ты – шишка ли, планктон...
...Белый цвет. В руках литовка.
(Как наточена, плутовка!)

И пошел – за махом мах,
Да без промаха, на «ах!».
И прокос чтоб как проспект,
Вот тогда тебе респект.
В разнотравье, словно в воду,
Заходи, не зная броду,
Как хозяин, а не тать,
Чтобы это все сметать,
Чтобы выпрямить кривую
Да опомниться в тиши,

И себя, пусть на живую,
Наконец, собрать и сшить.

Одиночество – отрава.
Только здесь оно – отрада.
Только крестик на груди,
Только вечность впереди.

Молоко стоит в тенечке,
Хлеб разложен на пенечке.
Небо далеко видать,
Птички, речка, благодать...
От других не ждать награды
И не лезть, как в омут, в лесть.
Ничего уже не надо,
Если все, что нужно, есть.

...

Душа пуста, бутылка – нет пока.
Ты видишь, как плывут издалека
Три облака, похожие на рыбок.
Час предрассветный призрачен и зыбок,
И кажется – надежнее строка.

Конец ее остался во вчера,
Не вытащить улова на-гора.
К тому же «все банально и нелепо».
Но миру ты хотел сказать не это,
Да только лень, а может, – не пора...

В бутылочное горлышко трубя,
Душою содрогаясь и скорбя,
Ты чужд мирским заботам и потехам.
Не по делам и вехам – по хэштегам
Жене опять разыскивать тебя.

Но в кровь уже попал кленовый яд.
Вдоль улиц избы выстроились в ряд.
И на тебя внимательно и строго
Рябины куст, и месяц криворогий,
И лето облаокое глядят...

Скулишь, от жизни получив пинок.
Конечно, ты не инок, ты иной,
Забытый, и заброшенный, и лишний,
Но рядом ангел, голову склонивший, —
Нельзя, чтоб человек был одинок...

...

О празднике в будни
Витийствуешь здесь.
Ты, может быть, будешь.
Ты все еще есть.

Негромко пророчишь
О вехах судьбы...
И сложены строчки,
Как бревна избы.

...

Если тоскливо так,
Что снова жди беды,
Если повсюду мрак, —
Просто добавь звезды...

* * *

Люблю герань и ситец окон,
Черемуховый говорок,
Небес высоких синеокость
И глинопись твоих дорог.

Пишу тебе темно и криво
(Пустое горе от ума).
И это – маленький отрывок
Из бесконечного письма:

«Летит бумагою сожженной
За речку, поле и стога
Тайга.

Она волной тяжелой,
Тягучей бьется в берега
Околицы (совсем не страшно...)
Ну а в избе – моя родня.
И кажется, в веселье брашном
Им не хватает лишь меня.

Гармонь поет из-под ладони
Сквозь беды, будни и дожди:
«Гуляй-гуляй, казак, по Дону,
Катюша, милого дождись!»

...В окне проспекты и заводы,
Горчит пространство, как миндаль:
Какая видимость свободы! –
Как бесконечна эта даль.

Всю ночь меня тоска терзала,
Всю ночь мерещилась судьба.
Как жаль, что нет во мне вокзала,
А то сбежал бы от себя.

* * *

Кто может горюшку помочь? –
Вокруг ни рыцаря, ни барда.
Как лица женщин у ломбарда,
Печальна и тревожна ночь.

Крадешься, миру сам не свой,
Но вдруг взыграет ретивое –
Услышишь близкое, живое...
Похожее на волчий вой.

* * *

Я проводнику не просил присесть.
Чулочки в сетку: в самом деле – сеть...
И, заслоняясь от этой красоты,
Смотрю и на цветы, и на кусты,
Бегущие размыто за окном...

Все то, что называется вином,
Давно уже прикончили соседи,
От мордобоя перешли к беседе –
И, вместе с этим, как-то невзначай
Случайно перешли на горький чай.

Свобода начинается тогда,
Когда мы покидаем города.
Пронизывает нас зеленый шум.
И замыслы великие на ум
Приходят...

Испаряется мечта,
Ведь всякий раз – ни ручки, ни листа.

Плынут над горизонтом корабли.
Что ждет меня в расплавленной дали?

Прости, я никогда не падал ниц
При виде королев и проводниц.
Двустишие меж нами, а не повесть.
...Везет меня на север скорый поезд,
Мелькают придорожные столбы.
А там недалеко и до судьбы...

* * *

...В узел завязаны судеб пути.
Где-то о встречах кричит полустанок.
Нам позволяет с ума не сойти
Иллюзия, что «все умрут – я останусь».

Только порой озаряет беда –
И под откос все лекала, мерки.
Можно понять, что живешь, лишь тогда,
Когда вспоминаешь о том, что смертен.

Но если нетрезв, это все ерунда,
Спасает любой запропашший лучик.
Фонарь впереди или, может, звезда? –
И неизвестно еще, что лучше...

Где та девчоночка светлая, где?
Память жива, остальное износится.
Чиркает когтем луна по воде...
Не совладать одному с одиночеством.

Нам бы с тобой целоваться бы всласть
В теплом краю подле пальмы на пирсе...
Жизнь не сложилась, судьба не срослась.
Вторник – прекрасный повод напиться.

А в чаще все чаще щебечут о том,
Что игры грубы и мы все проиграем.
Зовут всё оставить, вернуться в свой дом,
Который иные назвали бы раем.

* * *

Синие ливни шумят обо мне.
Сердце терзает тоска.
Где ты, деревня, в какой стороне?
Как мне тебя отыскать?

Нас развела – навсегда ли? – судьба.
Свален березы маяк.
Ветхий забор да глухая изба –
Тихое счастье мое.

六六六

Мне дали столько тишины,
Что слышу сквозь бетон стены –
Стучат часы в соседней комнате...
День, словно бы газета скомканный,
Полночным ветром унесён,
И с тишиною в унисон
Молчат собаки, двери, скверики.
И пьяницы «In vino veritas»*
В мои окошки не кричат,
А то бы выпил сгоряча
Бокал, к примеру, полусладкого,
Но все вино теперь с присадками...
Куда ни плюнь, везде июнь,
И я жалею, что не юн:
Под переборы под гитарные
Все увивался б за гетерами,
Под восхитительным хмельком
Порхал беспечным мотыльком...

Мне дали столько тишины,
Что силы вынести нужны...

* Истина в вине (лат.).

НОЧНЫЕ СТИХИ

Мне не спится, нет огня...

А.С. Пушкин

Звезды реют, словно совы.
Ночь прибилась ко крыльцу.
Как поверить в силу слова,
Если дали по лицу?..

Ни заботы, ни участья.
Я не знаю, в чем секрет:
Кажется, всё есть для счастья,
Только счастья нет как нет.

Словно выбраны все квоты,
Отказали тормоза.
Словно спрашивают: «Кто ты?» –
И не знаю, что сказать.

Я ведь слышу, что в потемках,
В стороне от светодня,
Там, за стеночкою тонкой,
Жизни мышья беготня.

Парка тянет нитку будней,
Словно скверный анекдот,
И никак не позабудет,
И однажды допрядет.

БЕССОННИЦА

Притихли уличные псы,
И только сад шумит, как море.
Тяжелой поступью часы
Шагают в темном коридоре.

Вновь собирается гроза,
А может, – просто понедельник...
Закроешь лишь на миг глаза –
И тут же зазвонит будильник.

Пусть будет счастье у меня,
Которого другим не надо,
Пока пустую лодку дня
Не выбросят нам волны сада...

* * *

Волшебники давно сошли с пути,
Подрастеряли свой набор чудес.
И если вертолет и прилетит,
То это будет только МЧС.

А с ними что же?.. Ну, поговорим.
Ударим по холодному пивку.
Поскольку городишко наш не Рим,
Пути-дороги выведут к ларьку...

Сквозь городские джунгли цифр, дат
Пытаюсь выйти к свету столько лет.
«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать».
Я бьюсь, как рыба, об июльский лёд.

Промучаюсь бессонно до зари –
Меня снаружи меньше, чем внутри.

* * *

Я веселый раб. Я веселый раб!
И покуда мне не подали трап
В тот далекий край, в тот последний край,
Буду песни петь, на дуде играть.

Ох, и бьют меня, не щадят меня.
Режут на куски, жгут дугой огня.

Я веселый раб, шут и оптимист...
Бьют, но от того становлюсь живей –
Вот умоюсь я кровушкой своей –
Снова буду чист. Снова буду чист!

ЮРОДИВЫЙ

1

В мешке у меня ни котов, ни шил –
Хлеб, сухари, сухари опять...
Вот посмотрел на птиц и решил:
Зачем говорить, если можно петь? –

Даже глухим... Это надобно им.
Значит, пора мне месить траву.
Лучше в канаве уснуть бухим,
Нежели мертвым лежать во рву.

Лучше стучаться в окошки изб,
Как подаянье, проситьnochлег.
Утром, уйдя через сени из,
Вынести песню, как твой бутлег.

Версты отверсты, столбы – в дыбы,
Кровь на ногах, на рубахе – соль.
Так и иду за клубком судьбы
На купола предзакатных солнц...

Были бы только грехи тихи,
Были бы только слова больней,
Чтоб позади оставлять стихи,
Будто надгробья счастливых дней.

Вешает степь на меня собак,
Кажется, что не сбежать уже.
Ветер и вечер.

Зашел в кабак, –
Тело спасая, вредить душе...

Хмельная девица с крашеным ртом
Меня приголубит за пять монет.
Будь я поганцем и трижды скотом,
Должен понять (сейчас, не потом) –
Любит кто-то меня или нет?

Губы рюмах целовал взасос.
Ноги не держат – куда идти?..
Катится мир кувырком под откос –
Мешаю ему, лежу на пути.

Жизнь у меня – ералаш, балаган.
Птицы – родня, и цветы – семья...
Не поднимается смерч-ураган,
Чтоб не тревожить таких, как я.

Вы, тут стоящие серой стеной,
Руками упершиеся в бока, –
Потому что смеяешься теперь надо мной,
Не перебили друг друга пока.

Утром оконья – в рассветной крови.
Я выползаю, как пес, из угла.
Ветер за пазуху норовит,
Тоже, видать, не хватает тепла.

Я ж не пропащий: не жлоб, не хмырь,
Рад, может быть, пустякам любым.
Люблю этот холод, болота, хмары –
Должен ведь я хоть что-то любить...

Пророка не вышло, цена мне пятак.
Душа, словно белая ночь, пуста.
Что же мне делать? – юродствую так,
А надо бы – ради Христа.

3

Там в роскошь июня зовут соловьи,
Там варится клевер в стогах...
Христос стучится в двери мои,
А я постоянно в бегах.

Тут волком глядят вдоль дороги кусты,
Сквозь сети идет улов...
Чернила жизни настолько густы,
Что не различаю слов.

В углу тараканьем под стать сычу
Сижу, позабыв дорогу домой...
Молчит все вокруг. Я тоже молчу –
Не о чем мне говорить с тьмой.

4

Читан до корки устав повес.
Клацает прошлое за спиной.
Месяц на ветке листом повис, –
А мог бы рядом идти со мной.

От бревен сырых – к свету костров,
Лишь бы не плакаться взаперти.
Сердце мое как роза ветров –
И нет таковых, кому по пути.

Стихами кричаю Благую весть,
Смотрю куда-то поверх голов,
И если память подводит, есть
Звездного неба молитвослов.

Порою мне кажется – всё тщета:
Вериги, верлибры и сами мы...
Окрест ни единого нет креста
В этом kraю параллельных прямых.

5

Шагает парад по колено в крови,
Молчит генерал – в глотке икра...
Смотрю на игру светотени и
Понимаю, что это уже не игра.

Один идет с корабля на бал,
Другой, с романом, – на палубу уст...
Веры костер у Глазкова был –
У меня коробок спичек пуст.

И знаешь, я этому вовсе не рад.
В эпоху тревог и январских громов
Церквами не славится Поэтоград,
Зато в нем хватает публичных домов.

Было бы проще прикрыть глаза,
Уши заткнуть, погрузиться в ил...
Порою так страшно шагнуть за
Круг, что мелом себе начертят.

Голуби, небо собой голубя,
Качают крыльями сердца шелк.
Если дома нет у тебя,
Как же узнаешь, что ты пришел?

6

Дом не постройка в родном kraю,
Не место, где много тепла и пищи,
Но где хорошо, словно бы в раю,
Где не прирежут, покуда спишь ты.

Чтобы зерно проросло в борозде,
Чтоб не маячили кости улиц...
Есть ли такое местечко, где
В полную силу душа б развернулась?

Бродишь, зубами клацаешь и
Воздух втягиваешь ноздрями:
Ищешь забвения или любви –
Сам не знаешь (говоря между нами).

Но вот останавливается взгляд:
Ты видишь небушка свет над избами,
Вздыхаешь тихонечко и не в лад –
И добавляешь картинку в «Избранное».

7

Живу по сердцу, а не по уму,
Ни кум никому, ни сват.
С миром мы разные, потому
Не застим друга другу свет.

И даже когда по бокалам аи
Май разливает, сгоняя сплин,
Выходит так, что стихи мои –
Вербальное селфи на фоне руин.

Город, свои фонари января,
Приютом стал для немых, глухих –
Обглодыш бетонного сухаря,
Подхвостье мира и дум людских.

Поете любовь кто во что горазд,
Зовете других во тьму
И молитесь лютю: «In God We Trust»* –
Но молитесь не тому.

* Мы веруем в Бога (англ.) – девиз на долларах США.

Как же хотелось глаголом пожечь
Ненавистные мне города,
Но покуда сердце скрипело, как жесть,
Не стоило мне идти никуда.

Так прозябал в печали-тоске,
Затягивал с силой обид винты
И не хотел говорить ни с кем,
Чтоб некого было потом винить.

Из камней, что кидали в мой огород,
Строил стену (что там Китай!),
Но понял: не то – и пошел в народ,
С душой нараспашку – бери, читай...

Видишь, в снег превратилась вода,
Снежинка стала колючей ежа –
Верю, июнь не придет никогда,
Если его не приближать.

Как же чудесно читать тишину,
Корчевать из души трухлявую боль.
Тронешь березку, словно струну –
Услышишь заветное ми-бемоль.

Что же я в жертву могу принести –
Лексемы, приставки, глаголы на -ить?..
Знаю, что нет ни таланта, ни сил
Как подобает, Тебя хвалить.
Было, неужто будет и впредь?
Но восстает все мое естество...
Кроме огня, зовущего петь,
Больше нет у меня ничего!

Так бы и жил в грязи и злобé,
Годы и дни тратил вотще...

Если мой голос не нужен Тебе,
Зачем он тогда вообще?

10

Вяжут грехи, эпилепсия лжи в
Мире, заряженном на headshot*.
Если при этом я все еще жив,
Значит, есть Тот, Кто меня бережет.

Поднимаются ненависти клубы,
От завтрашних дней не жду ничего:
Почему мир должен меня любить,
Если я не принимаю его?

Кружим, друг друга громами громя,
Мысли петляя, кривя пути.
Но если есть Испытующий мя, –
Он-то и может один спасти!

Кто мне ближний и кто собрат?
В какие бежать от себя края?..
Волю свою – что ни есть – собрав,
Шепчу:

«Да будет
воля
Твоя!»

(НЕ)МОЕ

1

Иногда я чувствую себя сильным, как тепловоз
Готов тащить за собою вагоны четверостиший.
Иногда я думаю, что жизнь не всерьез.
Но тише об этом, тише!

Дни, что прожиты, – не пустяки. Смешно:
Вот сгущаются сумерки, и уже мне

* Выстрел в голову (англ.).

Кажется, что стихи – это когда ты смотришь в окно
И видишь то ли природу, то ли свое отраженье.

А иногда бывает так: ты в полудреме слышишь
(Имея в виду, что живешь на последнем этаже) –
Кто-то поднимается по лестнице на этаж выше,
И вот тебе не до сна уже...

Читаешь на страницах окон повесть
Про нас и про то, что с нами станется.
А прямо сейчас город похож на поезд,
Который прибыл на станцию.

2

Я не думал, что это моя судьба...
Жене плевать. Мы увязли прочно.
Я умею считать: не считаю себя
Виноватым, мерзавцем и прочее, прочее...

Город, лишенный любви, по мне.
Фонтаны замерзшие, снежные ели,
Ветер тренькает по струне
60-й (в дугу) параллели!

Здесь холодно. Каждый берет свое.
Ешьте, пейте метель, кому надо.
Ромео с Джульеттой снимали б жилье
И пахали, чтоб оплатить коммунальные...

Что лелеем: обиду, тоску, вину ль?
Город чернеет белыми ночами...
Бродский, прочтя бы его, кивнул,
А Шекспир, наверно, пожал плечами.

* * *

Кошечка Муся сидит у окна,
Вглядывается вдаль.
Мир изучает критично она
И поперек, и вдоль.

Чутко ушами ведет, а порой
Нервно стучит хвостом.
Не суетится и держит свой строй,
Встречи не ждет с котом.

...Сердце болит, словно мы на войне
(Эховость бытия),
Словно бы кошечка видит в окне
То, что не вижу я.

SAD RAP*

Можно трўсами смело выйти из браны,
С труса́ми-флагом,
поле битвы засеять быльем...
— Мужики, этот разлад надо как-то исправить.
— Давайте выпьем и снова нальем!

Оттого и живем так некрасиво,
Вместо того, чтобы кушать кумкваты в сахаре, —
Ничего не выходит.

...Быть поэтом в России,
Все равно, что работать лесничим в Сахаре.

В стихах убираю все пошлое, лишнее,
Пускай мой помощник не огонь, а «Delete»**.
Бьют с размаху... Да какого лешего! —
Мир не арбуз, чтоб его делить.

* Печальный рэп (англ.).

** Удалить (англ.).

И надо идти, на кулак мотая сопли...
Лица наши словно деревьев кора,
Которая бита ветром и солнцем,
По которой видно, сколько длится игра.

Дамы стреляют глазками, строят глазки,
Зовут забыть про верность и честь,
Обещают они тепло и ласку,
Отвечаю: «Спасибо, у меня есть».

В сущности скоро уже и вечер,
Но добрые всходы топчем ногами –
Это как если бы нарисованный человечек,
Забыв о художнике, на листок нагадил.

Глаза поднимаем с надеждой все реже.
Вокруг бардак и дым коромыслом...
Пока не изменимся, все останется прежним.
Человек без неба не имеет смысла.

* * *

Трамвайчик начертил кривую,
Вокруг все озарив огнем.
Но этот город существует,
Пока я думаю о нем.
Оконный свет, как подорожник,
Не лечит, но и не вредит.
Инверсий крепостных, осторожных
Застывший навсегда вердикт,
Чахоточных часов брюзжанье,
Такси уехавшего хвост...

С той стороны к стеклу прижаты
Ладони звезд.

* * *

Порою умный хуже дурака:
Ты пишешь в стол, потом играешь в ящик...
Потомки щурятся сквозь мрак чадящий.
Меж нами дней непрожитых река.

Не знаю бродя. Стылая вода...
Мечусь на берегу, чужой и лишний,
Но сквозь года я все яснее слышу
Крик теплохода, долгий, как звезда.

Я вижу свет в небесном далеке
Сквозь облака и дымы коромыслом.
И счастлив тем, что я пишу, и мыслю,
И верую на русском языке.

ДРАКОН

Он страшный был и древний,
Он жертвы ждал на блюде,
Сжигал дотла деревни...
Его боялись люди.

Он попирал законы
И мог любого скушать.
...Герой убил дракона,
И людям стало скучно.

СОСЕДКА

Она живет, как бес в ребро тебе.
Не гонит, не спасает и не лечит.
Она ведет плечами и т.д. –
Мужчины смотрят... в том числе на плечи.

Она идет сквозь бабий перелай,
Беспечно и не строя недотрогу.
При встрече с ней хочу поставить лайк,
Но там, похоже, негде ставить пробу.

* * *

Растопчет тебя, как ворог,
Сотрет, будто вовсе не был,
Или возьмет за ворот –
Швырнет на седьмое небо.

То вдруг огорошит чушью,
Напоит тоской и ядом...
Женщина – это чудо.
На чудо смотреть приятно.

Читаешь цветы и стансы,
Листаешь страницы счастья...
Встречаешься, чтоб расстаться,
Забыть и не возвращаться!

Не знаешь, придет откуда,
В какие ворвется двери...
Женщина – это чудо,
В которое нужно верить.

О ДРУЖБЕ МЕЖДУ МУЖЧИНОЙ И ЖЕНЩИНОЙ

*Дыханий наших встретятся клубы –
И молния ударит между ними!*
Ю. Кузнецов

Как славно, что меж нами дружба,
Гармоний разных торжество,
Как хорошо, что мне не нужно –
От Вас не нужно ничего.

Пусть расстояние условно,
Но мы не перейдем предел.
Цветущей сакуро словно,
Любуюсь Вами каждый день.

Как будто набегают волны,
Как будто утешает тиши...
А если и позволю вольность,
То поэтическую лишь.

Но в этом патовом круженье
(Когда просчитан мой гамбит),
Уже такое напряженье,
Что может молнией убить!..

СЕВЕРО-ЮЖНЫЕ СОНЕТЫ

1

Застилье весьма рискованно.
Уж лучше ветра и дождь.
Хотелось мне быть раскованным,
Да где кузнеца найдешь?..
Повсюду бегут булыжники,
Им волны тугие – в такт.
«А чайки – водные лыжники!» –
Мне дочка сказала так.

Найди этой строчке пару сам.
Душа пусть летит под парусом,
Не тронута злой зимой...
Где город Алупка крышится,
Там спорят о том, чей Крым сейчас...
А Крым, безусловно, мой.

2

Лети из рук моих, синица.
Мне чужды скаредность, расчет.
А требуется дефиниция,
«Крым – антисевер».

И еще:

Шумит прибой. Алеет вишня.
Инжиrom кормимся с руки.
Нам надо становиться выше,
Поскольку скалы высоки!
Простым быть, кажется, непросто –
Вставать и не стесняться роста,
И не бояться ничего.
Крым растаможен и раскован,
Венцом Ай-Петри коронован
На царство (сердца моего).

3

Может быть, я напрасно ворчу на
Всех, подобных тебе, чудаков?..
Как якутский охальник чучуна,
Тащишь дев яснооких в альков.
Поэтичный, настойчивый, грубый,
Рыщешь-свищешь и в стужу, и в зной...
Только плечи ее, грудь и губы
Ты с собой не возьмешь в мир иной.
Кондуит испещрен именами,
«Just do it»* как девиз на панаме.
– Ну, красавицы, только держись!
Пусть ханжи прячут сны и улики.

* Просто сделай это (англ.).

«Все ошибки считай за улыбки» –
Вот такая веселая жизнь...

4

На юге трудно быть аскетом,
Когда возможно просто так
Не одному пойти, а с кем-то
В сияющий ночной кабак.
Когда возможно в теплый вечер,
Под шепчущий стихи прибой,
Подругу обнимать за плечи
И говорить ей о Рембо.
Почувствовать себя мужчиной
(А – черный... как там? Красный – И),
Когда ты с ней тому причиной,
Что столько в воздухе любви.
И вновь берешь туда билет,
Где лето длится много лет...

5

Памяти Ксении Некрасовой

Хотим ли задохнуться в колбах или
Пора уйти в свистящий плетью мир?..
Так Интернет, который отрубили,
Ведет в туман и гонит из квартир.
И свет звезды вдруг прилипает к небу...
Далекие от зла и ворожбы
Секрет земли несут деревья к небу
На тонких листьях, веточках судьбы.
Шагая мимо музыки и красок,
Подыгрываем нефтяной трубе...
Могли быть выше, радостнее, краше,
Но каждый по колено сам себе.
Проходим в ожидании любви,
Живя чужие судьбы, как свои.

Погасло, как фонарик, волшебство:
 Ни радости, ни радуги, ни песен –
 В моей душе уже нет ничего,
 Чем был бы хоть кому-то интересен.
 Я провожу рукою по лицу,
 Твержу строку, но нет ей продолженья,
 Гуляю к Воронцовскому дворцу,
 Ищу не вдохновенья – пробужденья.
 Я не беру в расчет румяных щек
 Девичьих и призывов на заборе.
 Всё пью и пью... Что делать мне еще,
 Когда вокруг воды такое море?
 Круговорот, вертёж дурного вальса...
 Я лета ждал – и, кажется, дождался.

Пространство обнимать руками,
 Придясь иным не ко дворцу.
 Стоять по-флагмански на камне
 И ветер подставлять лицу.
 Я здесь бываю настоящий,
 В стихах ни йоты пустяков.
 Встречает Крым, большой, штурмящий,
 Веселый, шумный, как Глазков.
 Мне позабыть хватает воли
 Оскалы дружбы и любви.
 Пусть разбиваются, как волны,
 О скалы горести мои.
 И в этом штурме жути нет,
 Но только – севера привет...

Дым стихов к потолку уходит,
 Поднимается дальше к небу.

(Только б это не вышла ода:
Я хотел бы придумать небыль...)
Отправляются вдаль перроны,
Но тебе наплевать на это.
Жизнь обычную проворонил –
Пустяковина для поэта!..
Что потеряно: город черный,
Одиночество и сиротство?
Я такой же, как ты, никчемный,
Ощущаю родство в юродстве...
Беды, хватит. Тоска, довольно! –
Сердцу сладко уже, не больно...

9

Вьется лета колесо.
Гложет душу нищета.
Что же делать, если всё
Суть гордыня и тщета? –
Петь пороки, пить вино,
Копошиться в сене лжи...
Мне, конечно, все равно,
Но ему-то с этим жить.
Курит «Кент» и пьет «Мерло»,
Бреет по утрам мурло,
Ставит точечки над «ё»,
Берегов не видит, нет, –
Дует в дудочку поэт,
Пляшет сам же под нее.

10

Всю ночь хватали искры вин,
Намеки, шорохи, значенья,
Разбитый обморок витрин,
Погасших фонарей свеченье,
Магнолии монголью сталь,
Упрятанную в ножнах юга...
Хотелось нам светлее стать,
Чтоб видеть в темноте друг дуга.

Когда вот так – к душе душа –
Все не предсказано и просто:
Нам было некогда дышать
И говорить кривою прозой.
Всю ночь сушилось на заборе
Рыбацкими сетями море...

11

Теснота, толкотня расстояний,
Инь и яней, июневых дней...
Так не глупо ли в лунном сиянье
Нам своих же бояться теней?..
Поцелуями ставил бы лайки
Тонкой шее, ресницам твоим,
Если прямо сейчас без утайки
Мы иную реальность творим.
Отступал и сдавался без боя,
Но так просто сегодня с тобою
Перейти на рубиновый цвет.
Может, хватит сиять вполнакала?
Знаешь, только с седьмого бокала
Раскрывается винный букет...

12

Куда сбежишь от королевы?
Сюда приводят все пути.
Я для того иду налево,
Чтоб только песню завести.
Нам счастья не дают без боя.
Без боя счастье – черный лом.
Когда мы ссоримся с тобою,
Мне очень просто быть козлом.
...Еще закат горой не съеден.
Играют в солнышко соседи.
Нет места боли и тоске.
Водичка горячее чаю.
А я по северу скучаю –
Пишу снежинки на песке.

13

Пока еще зеленый шум
 Не стих в ушах и длится вечер,
 Пойдем неслышно, наобум
 Каштанам и цветам навстречу.
 Быть может, выведет крива-
 Я говорю тебе печально
 О том, что в сумме все слова
 Намного меньше, чем молчанье.
 А если заплутаем мы,
 Забыв дороги, белый город,
 Из южной непроглядной тьмы
 Фонарь нас вытащит за ворот,
 Чтоб прочитали мы прибой
 Так, как никто до нас с тобой.

14

Что стихи? – как в болото граната.
 Как ножом по ладони ожог
 Всем, кому надо для променада –
 На лужок, под пастиший рожок...
 Я бегу, ошелелый, из дома.
 Я бросаюсь в пучину с моста,
 Потому что, увы, по-другому
 Не дается теперь красота.
 Я ладонями черпаю море
 И читаю его между строк.
 Что есть силы карабкаюсь в гору –
 Опьяненно, отчаянно, впрок...
 Полновесная зелень платана
 Рвется в небо с упрямством фонтана!

15

море для счастья подходит любое нам,
 наедине с ним побывать можно чтобы...
 в море купаются, морем любуются,
 ходят под парусом, если нет шторма.

только бывает – взовьется, разгонится
(облаков много переполоскало...))
рвется своей оперённою конницей
на острозубия скальных оскалов.

бьется, мятется, волнуется, крошится
и затихает до раза другого
море... оно – как тут скажешь? – хорошее.
я не встречал, если честно, плохого.

Поскольку субстанция это живая,
Разное море в жизни бывает...

16

Смотрю на прочих иностранцем.
Как хорошо, что ты не та!
Покрыты лица их (сму)глянцем,
В глазах сияет пустота.
С тобою не бывает серо.
Я забываю войны выиг.
Здесь даже если шел на север,
Ты все равно придешь на юг.
Вот облака в лиловом беге
И солнца радостный овал!
К нам счастье катится на берег –
За валом вал, за валом вал...

Пускай стихами, а не весь, –
Но все-таки останусь здесь.

17

Чтоб зацепило, крепко шибануло,
Открылся мир – как будто в первый раз,
Чтоб юнош бедный рушился со стула,
Снопами искры сыпались из глаз!
Бежали чтоб от быта и регалий,
Бросали свиньям бисером грехи
И чтобы ни за что не отрекались,
Когда уже пропели петухи.

Навстречу шли метельевому рою.
Томимы жаждой, грызли острый лед.
Упрямо, без надежды, что откроют,
Стучали в двери с криками «Грядет!»

Пора сказать об этом откровенно:
Стихи должны вводиться внутривенно...

18

Тепло внутри, просторно вне.
Закат алелся полноросто,
И волны плавились в огне,
В шедевры превращаясь просто,
Чтоб не остаться на века.
Нас лето крыло аро(матом),
Крутило пылью у виска,
В крови резвился каждый атом.

...За окнами трубит рассвет.
И выхода другого нет:
Пора служить, тоску стишая.
Бывает часто нелегко.
А море? Море далеко –
Жить не мешает...

19

Ничего я не знаю пошлее, чем южный город:
Магазины, вино, заплеванная мостовая.
Люди выются в кафе, словно жить не дает им голод.
А еще эта музыка, громкая, неживая...

Все пройдет, словно дым, никого не найдешь зимою,
Лишь бродячие псы. Твой мотив никому не нужен.
Ты пойдешь за советом к холодному синю морю,
А оно только: «Шшиши, не спешшиши, дай подумать, друже!»

Все вокруг только сон и фантомы души болящей.
Облака убегают из прошлого в настоящее.
Всяк мечтает о счастье, да только дадут по вере.

Море гордое. Море не водится с дураками:
Мышц бугры надувает, в скалу упираясь руками,
Оттолкнуть пытаясь ему ненавистный берег.

20

Как мне душу обезбарахлить? –
Чтобы пелось и звонко, и чисто,
И вилась путеводная нить
Через город, корявый и мглистый...
Не сойду (если только) с пути,
Попаду в край лесной и хороший,
Чтобы пустошь такую найти,
Где бы лирикой жил и морошкой.
Дайте горького дыма глоток,
Дайте дятла да гусли осины,
Шепот речки и ветхий мосток,
Неба свет – голубой или синий.
Дайте алого зарева знамя!..

Вдохновенье всеядно, как пламя.

21

Начнем октябрь с чистого листа!
Пишите смс-ки мелким почерком
Ком в горле, а в карманах пустота.
И прочее, и прочее, и прочее...

В пальтишке скверном скверик (зяб, сутул) –
Не сдвинется отсюда ни на йотцу...
Он пуговицы почек застегнул
И до весны уже не распахнется.

Я чувствую: вокруг всё осенней,
Цель с каждым шагом ближе и верней.
И тише наши подвиги и речи.

Бегу сквозь перепутья стылых дней,
Пытаюсь проскочить меж двух огней
Автобуса, летящего навстречу.

22

Наш город, мятый, свечеревший,
Чадит окошками углей.
На улицах офорнаревших
Не стало в сумерки светлей.

Не всё ль равно, что там, за рощей? –
Хватает и самих берез...
Никто не плачет, и не ропщет,
И не роняет горьких слез.

Здоров. И в сумке – хлеб насущный.
К чему (на море ли, на суше),
Подрастеряв лица черты,
Влагать слова кому-то в уши –

Кричать «Спасите наши души!»
Таким же смертным, как и ты?...

23

Каждый живет, ожидая дедлайна,
Чинит удачи дырявую счастье.
Вспыхнет фонарь, подворотня залает...
Ветер, дома – всё вокруг против нас.

Снова спешим по тропинке по скользкой.
Сладко нам быть в состоянье войны.
Осень опасна для жизни, поскольку,
Как провода, ветви обнажены.

Что же нам делать, товарищи-братьцы?
Как с нашей общей бедой разобраться?
Двигай на свет саблезубых огней:

Там до триумфа останется малость...
Верим, что сила важнее, чем милость, –
И получаем по вере своей.

Метры черно-белых студий,
 Стоны стен и стынь квартир...
 Или мир меня остынет,
 Или я согрею мир.

Но порою очень страшно
 Выбирать одно из двух.
 Обернешься в день вчерашний –
 И ругнешься (но не вслух...).

В утро погружаюсь весь я.
 Делаю привычный крюк,
 Обретая равновесье
 И все то, что есть вокруг.

– Сколько времени?
 – На севере
 Снова половина серого...

...А если скучно, так потешу,
 Пускай январский вечер мал:
 Что лето? – сказочка из тех, что
 Однажды в детстве услыхал.

Идешь, всклокчен, взбудоражен,
 Герой словесного труда.
 Автобусы везут сограждан
 Во тьму и стужу – никуда...

Хоть вой, хоть плачь – нет пользы в этом,
 Не будет краше и теплей.
 Зима лишь придает предметам
 Ту форму, что угодна ей.

Она навечно, и вода –
 Одно из состояний льда.

Какое мрачное место,
Как много снега и тьмы!
Январское тесто месим
Упрямо и слепо мы.

Как будто дают нам ссуду,
Как будто берут внаем...
Встречаем себя повсюду,
Да только не узнаем.

И в глотку не лезет брашно,
Безвыходность все острой.
Мы пьем, потому что страшно –
У сумрака нет дверей...

Одно лишь запомнить надо:
Вино – это сон винограда.

Ответь (только честно), как часто
Дарила нас пряником жизнь?
...Фонарь, словно пьяный, качается,
О стену рукой опершись.
Метет равнодушно поземка,
Стирая в нас чувство вины.
Чернильная кошка, позевывая,
На все смотрит с той стороны...
Не важно: порядок, бардак ли –
Повсюду свирепствует тьма.
Тоскливо кричит (птеро)дактиль –
Фантом, порожденье ума...

Ни снов, ни стихов, ни протеста –
Январь – это книга без текста.

28

Вы, красивые и обеспеченные,
Раскусившие выгоду дня,
Не смотрите, что опыт копеечный, –
В киноленте снимите меня.

Пусть покажут однажды по ящику –
В час, когда все сойдутся пути...
Знаю слово одно настоящее.
И хочу вам его донести.

Вы возьмите: лесного, тщедушного,
По тропинке с котомкой идущего
И поющею наш третий Рим,
Никудышного, несовершенного...
Подошел бы для роли блаженного –
Не придется накладывать грим.

29

Лить кровь без устали и лени
(Поскольку сам себе – кумир),
Врагов поставить на колени,
Не ждать, когда прогнется мир,
Всех должников призвать к ответу,
Перекроить судьбу свою,
Дойти войной до края света –
Столкнуться с тьмою на краю.
Бить кулаком по этим рожам,
Бросать в огонь за ратью рать,
Все только брать, крушить, корежить,
Все только жрать, и жрать, и жрать...

Гордыни не было предела,
Когда б не умирало тело.

30

Хотел бы на нее смотреть
И воду пить с лица,

В твоей душе ее портрет,
Но тропам нет конца.
И не подняться в полный рост,
Коль чувства низовы.
Здесь волкота на сотни верст –
И хочется завыть!

Но если ты не сдашься вдруг
И лук не выпустишь из рук,
Куда уйдет стрела? –
Пытайся хоть полсотни лет,
Не попадешь ты в белый свет,
Поскольку всюду мгла.

31

Я б хотел писать про облака,
Про июнь и солнце на закате,
Только получается пока
Про другое.

Кажется, за каждой
Строчкою обида или боль,
С проблесками радости и света.
Неужели все-таки любовь
Это?
Путь лежит неведомо куда.
И звенят лопух и лебеда,
И цветет чертополох роскошно!..
Что ж, одна на всех теперь беда.
Оттого и горькая звезда
Каждому из нас глядит в окошко.

32

И стихи стихаются совершенно сами.

Н. Глазков

Белый свет сегодня розов,
Неоглядна высота.
Вымощена площадь прозой.
Чаша тополя пуста.

По плечу дела любые,
Хоть в глаза пускаю пыль...
Девушка в меня влюбилась,
Пусть и недостоин был.
Весь наряден, сам с усами.
Все решаю в пять минут.
И стихи приходят сами,
И победы там и тут...
Что победы – не беда,
Но беда, что без труда...

33

Дождь рассован по дальним углам.
Я свободен, забыт и заброшен.
Мне не нужно нарезаться в хлам,
Чтобы любящим быть и хорошим.

Хоть на время, но вырвался из
Джазоблудного злого угаря.
Страсти душу мою тянут вниз,
И для них не поставить бекара.

Но хочу сбросить все, что порочно,
На земле держит страшно и прочно...
Тополиной хочу кутерьмы! –

Видишь, лето безжалостно, точно
Кулачками бутонах цветочных
Целит в морду грядущей зимы.

34

Эх, дайте, что ли, мне баян!
Зачем? Для самовыраженья.
Я нынче весел, (форте)пьян.
Я чувствую Земли движенье.

Судьба как в дымке голубой.
И каждый вечер не слушен.
О камни хлещется прибой,
А мне светло и беспечально...

Я долго жил законом волчим.
Теперь прошу – почти что молча –
Увидеть то, что вижу я:
Вокруг немало зла и горя,
Но справедливо, что есть море
Как оправданье бытия.

35

Удел иных – тянуть баржу,
Иных – быть капитаном баржи.
Есть также те, кто ждут маржу
И ставки делает на бирже.

А я обычный человек,
При мне разбитое корыто.
Но в море вижу нечто сверх
Того, что может быть открыто.

Оно, как сотни лет назад,
Шумит, гудит, дымится словно...
А люди рядышком стоят –
Не в силах вымолвить ни слова.

В восторге я воскликну «О!»
Возможно, даже аж два «О!»

36

Мы отдыхающие. Мы
Полны огнем и вдохновеньем.
Мы в эпицентре кутерьмы,
Всегда – одной цепочки звенья.

Друзья, печалиться смешно:
Полны ухарством и гусарством,
И за хорошее вино
Не жалко нам отдать полцарства.

Мы отыхающие. Мы
Враги тревоги и зимы.
Стрижами въемся, вертим петли.

Нам прежде было все равно:
Оглянешься – в былом темно,
Теперь оглянешься – Ай-Петри!

37

Может быть, и небольшая беда
(Кажется вам смешной):
Чтобы увидеть Ай-Петри, всегда
К морю встаю спиной.
Плавится, плещется, крошится смех,
Чайки пустились в пляс.
Море огромное – хватит на всех,
Так не скажу про пляж.

В воду иду, обо всем позабыв, –
Словно лекарство, мне нужен заплыв.
Раны рубцует море.
Снова плыву в неоглядную даль –
Рубит волна, как дамасская сталь,
Гордиев узел горя...

38

Вот день в воду канул и минул.
Над нами сгущается вечер.
Морской горизонт – это минус
По отношению к вечности.

Напившись мадеры, как чаю,
Шагаю походкой Париса.

Я свой. Я уже отличаю
Елку от кипариса!

Я северный, серый и сирый.
Растратил и радость, и силы,
Я бегал по кругу, как пони.

Пусть волны тоску эту смоют,
Ведь тот, кто увиделся с морем,
Про небо многое понял...

39

По горло сыр халвой Шираза.
Отдайте всё коням в пальто.
Когда битлы поют «She loves you!»*,
Они не уточняют – кто...

Вот потому пью беспрестанно.
Осталось (видно, проще так)
Из лейки поливать фонтаны,
Листы магнолии считать.

А жизнь бушует, словно море,
И говорит: «Memento mori»**,
И умеряет нашу прыть.

...Когда ты не дерымо, есть планы,
Не выйдет просто так поплавать –
Всегда куда-то нужно плыть.

40

Не волнуйся, волна! Я не сделал еще ни хрена.
Но стремишься вперед, разбивая пространство на части.
Надо мною скала возвышается, словно стена,
За которую дом, и детишки, и прочее счастье.

* Она любит тебя (англ.).

** Помни о смерти (лат.).

Не пугают меня саблезубые пляски химер.
Что мне сладкие песни сирен, шестиглавые змеи?..
Не Улисс я, конечно, но все же почти Архимед –
Дай мне точку опоры, чтоб мог возвратиться на землю.

Не люблю длинных строк: забываю, с чего начинал...
И кидаюсь в пучину, как будто еще не финал.
Ты кладешь на плечо мне тяжелую, сильную лапу.

Вьется пена вокруг и дымится соленая взвесь.
К счастью, нет ножевых, но, к несчастью, сердечные есть.
Я к тебе прихожу, если нужно идти к эскулапу...

41

Если на улице холодно,
В море еще холодней.
У меня чувство голода
По поводу теплых дней.
Остановились ходики.
Откуда напасть взялась? –
Словно бы ипохондрики
Всю захватили власть.
Напротив ветвится дерево
(Может быть, даже клен).
Не знаю, как это сделано,
Поэтому восхищен!

Больные ли, глупые, умные –
Легче нам в волнолуние.

42

Самый солнечный город на свете!
Люди подняли миф на щиты.
Здесь гуляют нарядные дети
И фонтаны растут, как цветы.
В них десантники лезут упрямо.
Мимо девы беспечно идут.
Распрямляются горы и ямы,
Лимузины звенят там и тут.

Магазины торгуют собою,
И прекрасен салон красоты.
Все, что нужно, дается без боя.
Переходишь с грядущим на «ты».
Искривляют пространство деревья!..
Почему я живу не в деревне?

43

Почему я живу не в деревне –
Не сбегу от кривой масты?
Почему я на зорьке царевне
Не дарю полевые цветы?
Пруд, чуть слышно подернутый тиной...
Край гуртов, деревянных мостов,
Где так истово любят скотину,
Всей душой ненавидя скотов...
Почему продолжаю круженье –
И к воде не приложу руки,
Узнавая себя в отраженье
Светлоокой Медянки-реки?
Все хорошее, что есть во мне,
Рвется к дальней родной стороне.

44

В тревожные цвета покрашен
Закат. Привольность не видна.
В канаве дохлая покрышка,
В лесу дремучая сосна.
Чем дальше жизнь, тем *vita dolce**,
И тем трудней на выраженье.
Я знаю, надо ехать дальше,
А дальше некуда уже.
Чтоб не нашли меня по рации,
Не звали к смуте и борьбе, –
В глухой деревне потеряться
И плакать о самом себе.

* Dolce vita (итал.) – сладкая жизнь.

И, не юродствуя уже,
Быть ближе к собственной душе.

45

Устраивать в стакане бурю
Не стану – ясно и ежу,
Сказать, что ямбом я не буду
Писать – так тоже не скажу.

Как будто времени у нас нет,
Как будто исправлен закон,
И снова черный дождь не гаснет
У сельских крохотных окон.

Как холодно!.. Озябли руки.
Дежурное письмо разлуки,
Березовый листок зубчат...

Неужто осень «золотая»?
И птицы, в небеса взлетая,
Печально, горестно молчат.

46

На площади – солнце рекою,
Простор, лепота, благодать.
Как будто бы всё под рукою,
А всё ж ничего не достать.
Асфальт под подошвой рифленой,
Кафе (но потерян им счет),
Собор, в небеса устремленный,
Букеты фонтанов, еще
Осколки былого могущества,
Полиция, их стерегущая,
И зданья, что стали камнями,
Химеры, надежды картонные...

Поэты как дети, которые
Гоняются за голубями.

47

Уж не чаю (не чаю) с тобою выпить.
Между нами пространства бетонной чащи.
Под сирену сирени и вопли выпи
Я вошел в этот город, не постучавшись.
Мне навстречу харчевни и песцы морды.
Я иду не к тебе – так зачем дороги?
Ноутбук без вай-фая как будто мертвый.
Вместо писем – случайные строфы, строки.
Я не вижу красот в задубевших арках.
Я блуждаю в каких-то дворах и парках –
Оттого ли, что карта баталий бита?
Словно это не я постигаю тайны,
А, напротив, реальность меня читает,
Оставляя стихи на полях событий.

48

Мирок неприветлив и груб,
Тесен.
Во всем прозреваешь игру
Песен.
Не ими ли камень зимы
Точишь?..
В катрене декабрьской тьмы
Точки.
Их свет сиротлив и лучат.
О чем-то тревожно молчат,
Немы.
Любая звезда – твой ожог.
Поэзия – это прыжок
В небо...

49

Хотя слова, как ночь, тихи
И сам я в мир, как в омут, брошен,
Люблю, когда мои стихи
Читает кто-нибудь хороший,
Смеется или же грустит,
А может, утирает слезы...

Пускай бежит, спешит петит
Про реки, горы и березы.
Пророчества грядущих дней –
Сверкают, словно грозы, грезы...
Как сердце разума сильней,
Так и стихи мудрее прозы.

Читай – пусть не измérить так
Души, открытой, как Америка...

50

Кружатся низко вороны печали.
Кому о том (хоть шепотом) расскажешь?..
Окраинные трубы зазвучали –
И воздух снова в копоти и саже.

Нас непускают обстоятельств цепи
В привольный край, где ветreno и ясно.
Воспоминанья в строгой гамме сепии
Мешают жить дежурно и напрасно.

Неси, апрельский ветер, нашу почту.
И, может быть, зерно отыщет почву.
Заговорим – и вот уже свободны.
Когда богата так души палитра,
Хорошие стихи – почти молитва,
Я верю, Господу они угодны.

* * *

Вертишься сотней волчков или юл,
Снеги стоят стеною.
Только чуть слышно мигает июль
Звездочкой отпускою.

Путь наш печален порой и нелеп,
Полон труда и горя.
...Встретит нас мягкое, словно хлеб,
С теплой корочкой, море.

МОРЕ ЧЕРНОГОРИИ

Вновь – не без потерь – из ряда вон
Вышел...

Ни о чем не беспокоясь,
Отрезаешь ножницами волн
Прошлое от будущего, то есть

Оставляя настоящих здесь,
В час прилива чувств и ожиданий...
Может, в этом даже что-то есть,
Исключая зауголье зданий.

Рвется гор связующая нить.
Мы с тобой немодного покроя.
Море, море! Нас давно роднит
Эта тяга к воле и покою.

Стоит ветку будня наклонить,
Выбрать плод, который интересен, –
Рвется гор связующая нить,
Рассыпаясь бусинами песен.

Я ныряю в солнечную соль,
Я машу рукою побережью.
Все мои обиды, беды, боль
Превращаешь в пену белоснежью.

...Пусть пришла зима, но до сих пор
В сторону твою открыты сенцы.
Голубое пламя черных гор
Согревает выстывшее сердце.

* * *

Претит мне тщеславия мелкий азарт.
Люд хлопает (лют!) не в ладости, а дверью.
Притом я внушаем: и если сказать
Мне «Гений!», – не сразу, но все же поверю.

Работаю ночью, как сторож, как вор.
Меня осеняет грядущего знамя.
Пером не скриплю, раз придумали «Ворд»...
«Words, words...»* – добрый Гамлет. – Я знаю, я знаю.

Да только смогу ль подхватить этот стяг,
Расстанемся ль мы с диким веком по-доброму?..
(А что до повторов, так это пустяк.
Известно: подобное лечат подобным.)

Мой берег исчеркан...
И тянет ко сну.
В своем ремесле преуспел я не слишком,
Но море чернильную катит волну,
И мнится: «Пиши-и-и» выдыхает чуть слышно...

* * *

Желтым пляжем рассыпано просо.
Горя нет, коль нажал «Delete».
Если сердцем негромок, так просто
Одиночество с морем делить.

Всё легко и привычно как будто...
Пары ходят рука в руке.
И не важно: кто ты, море будет
Говорить на твоем языке.

* «Слова, слова...» (англ.).

МОРЮ

Поэту нужна стихия,
Глоток заревой воды.
Что делать тебе с такими,
Как я, из иной среды? –

Где лед, а еще железо,
И серая ночь весь день,
Где мысли пустые лезут –
Какая-то дребедень;

Где ветер обходит с фланга,
Крадется во тьме, как вор,
Где вместо папайи с манго
На веточке – светофор;

Где свет приглушенный горниц,
Притущенность лиц и тем,
Где лезвием – иней к горлу...
Я инием оным нем.

...По кромке иду, нездешний.
Сейчас поверну назад.
Не спрашивай, друг сердечный,
Мне нечего рассказать.

* * *

Так просто! – радуется умник:
Не любит море тишину, –
Шумит, как радиоприемник,
Меняя всякий раз волну.

Порою тоже слышу песню,
Звучит неясно, как судьба.
...Неужто тесно, мало места? –
Толкаешь берег от себя.

Так просто – все исправить можно,
Не жить печально и тревожно,
Не ждать: зарплату ли, трамвай...

Зима нам ставила капканы.
Пусты поэзии стаканы.
– Так что ж ты, море? Наливай!

* * *

Поют цикады в сводном хоре.
Дрожанье солнечных огней.
Ты знаешь, как ни странно, море
Нас небу делает родней.

Возможно, мы не все привиты
От хворей и тревог зимы.
Развертывает море свиток –
Сегодня мне читать псалмы.

Вдали я различаю ясно
События грядущих дней
И повторяю: «Жизнь прекрасна!» –
С утеса все-таки видней...

* * *

Там, на бушующем пенном просторе,
Парусник рвется на зов скалы.
Море, гремящее дикое море! –
Нет на тебя Айвазовского...
Можно печалиться, скрывшись в каморке,
В душу запрятив вечер,
Скажешь, напишешь ли что-то о море –
Твой самолетик в вечность...

Чувства, дворцы, легионы и чащи –
Всё принимает волна...
Море налито в гранитную чашу,
И чаша эта – полна.

* * *

Славно рифмуются море и скалы.
Это поэзия страсти, «Ла Скала»
Южных краев, заповедный мотив,
Не умещающийся в объектив.

Мальчик из снежной, холодной Сибири,
Я так люблю эти дали и шири,
Пламя магнолий, акации пену...
Все, что могу подарить, – эту песню.

Лодочки, береговые обводы:
Море, по сути, витрина свободы...

Трезвый, потерянный, пьяный ли, хворый –
Станет темно – собирай лунный хворост.
Искра нужна. Бьется камень о камень,
Чтобы мы все говорили стихами.

* * *

Мне нравятся волны о камень,
Углы ограненные глыб
И то, что мы ловим руками
Затейливых солнечных рыб.

И то, что в лазоревом дыме
Нам видится берег иной,
Что делают нас молодыми
Зелено-соленой волной...

Есть время подумать о вечном,
Спасибо сказать, наконец,
За то, что Господь дал нам нечто
Достойное наших сердец.

ПЛЯЖНЫЙ ВОЛЕЙБОЛ

В песок затоптать злой печали ростки,
Поверить, что жить не поздно!
Рукой загорелой рубить на куски
Горячий соленый воздух.

Удачной подачей пространство губя,
Ломать, словно луч, мгновенье
Да берег турецкий толкать от себя,
Судьбу возвышать в паденье.

Своих и чужих костерить сгоряча
И сильным плечом лосниться,
Врагу посыпать отбивную мяча,
Над сеткой взлетать, как птица.

Пора, переход (мне иных перемен
Не нужно) – еще не вечер!
А хочешь, спроси в этот самый момент
Про счастье,
и я отвечу...

ОДИНОКИЙ ПЛОВЕЦ

В море так много шторма.
Мир этим штормом полн.
Я разбегаюсь, чтобы
Броситься в пену волн.

Силы покуда целы.
Море – и никого...
Сбиты пускай прицелы,
Я попаду в него.

Чуть постараться мне бы
И отыскать резон,
Можно ведь и на небо,
Вот же он – горизонт!

И поминай как звали,
Бей в телескоп потом,
Я возвращусь едва ли,
Сверху не виден дом.

Больше не держат путы.
Плачу ли я о ком?..
В сумерках просто спутать
Сириус с маяком...

* * *

Пора! Давай с тобой прощаться, море.
Тринадцать удивительных ночей...
А что теперь? – все чувства на запоре,
Луна мерцает в двадцать пять свечей.

Здесь так легко быть принцем и паяцем,
Читать стихи дельфинам и заре...
Смешно, но я хочу тебе признаться:
Не знал, что ты бываешь в январе.

Я постою на краешке прибоя,
Послушаю, как ты шумишь, и лишь
Подумаю: «Мне нравишься любое,
Но менее всего, когда молчишь».

Бушуй, ломай бетонные преграды,
Играй ретиво мускулами волн!
В kraю цветов, инжира, винограда
Так просто выходить из ряда вон...

Ты знаешь, завтра улечу отсюда
В края, где темень и бескрайний снег.
...Не жизни разбиваются, не судьбы –
Лишь волны, и печали в этом нет.

Пора! Давай с тобой прощаться, море...

* * *

Я помню все. Я в самом деле жмот.
Дрожу над каждым солнечным мгновеньем.
И шкаф, и стол, и стулья, и комод,
Диван – всё на меня глядит с презрением.

Мне б выкинуть всю эту дребедень,
Прославить *завтра* глоткою луженой...
Вещь в прошлое отбрасывает тень,
Имея в этом смысле протяженность.

Твой образ (если это правда ты),
Твой образ (оттого, что близко старость),
Увы, утратил милые черты
И прежнего так мало в нем осталось.

Давно заchaх былого счастья мирт,
Обыкновенны сны.

И только фоном
Чуть слышно море синее шумит
На черно-белом foto...

SOFT EMBALMER*

Вступление

— Посмотри, — мне синичка сказала, —
Как горят в небесах огни!..
Без оглядки бегу от вокзала,
От вокзала пустой возни.

Я в снега провалился по пояс,
Я замерз и дрожу, как лист.
Там бросаются люди под поезд,
Каждый сам себе машинист.

Или, медным доверившись нитям,
С криком «Горько!» горькую пыт.
Я спасаюсь, покуда они там
Переваривают уют.

Дом мой выстужен и неприветлив.
Дверь входная — все хлоп да хлоп...
За спину мотается ветер,
Целит зеркало прямо в лоб.

Кто-то злобный, кривой, сутулый
В час ночной мерещится мне,
Пиджаком притворившись на стуле
Или веткой в пустом окне.

Входят мавры в нелепых тюрбанах,
Входят мамонты и коты.
И чудовища бьют в барабаны,
Палашами бьют о щиты.

Конквистадор, покинутый теми,
Кто подумал, что я шучу,
Одолел эти грозные тени —
Просто взял и задул свечу...

* Нежный утешитель (англ.) — о сне.

Поезда, рельсы, шпалы, кюветы,
Расставанья, гудки, вокзал.

— Говорить сколько можно про это?
— Ничего еще не сказал!

Разбегаются рифмы свободно,
Им не нравится взаперти.
Я могу говорить что угодно —
Кто же может мне запретить?..

Ох, никак не расстаться с приданым.
Жаль, что тянет оно ко дну:
Люди тащат свои чемоданы,
Словно каждый — свою вину...

Отдают проводницы швартовы,
И асфальта шумит прибой.
Медиаторы листьев готовы
Оживить струны дня собой.

Разрываются па-па-ра-пары,
Одиночество пошел отчет.
Симпатичную девушку парень
Прыщеватый
целует в щеч-
Кувырком покатились колеса,
Лес бежит с обеих сторон,
Высыхают последние слезы,
Скомкан, словно листок, перрон.

Всяк себя и лелеет, и любит,
Хоть и свинство порой житье.
Как узнать, что мы все-таки люди? —
Полагается нам белье...

Чай, лапша, детектив и беседа —
Было б только все это впрок.

А еще – храп хмельного соседа.
И стоп-кран взведен, как курок...

Что нас ждет за твардовскою далью?
Что согреет в такие дни?
Иногда, опьяненный печалью,
Я уверен, что мы одни.

Но почувствую вдруг, в одночасье,
Что бояться и ныть смешно:
Нас ведут осторожно... не к счастью –
К пониманию, в чем оно.

Говоря так, не лезу в пророки,
Но такой уродился уж:
Не заблудятся, нет – будут к сроку
Поезда наших светлых душ.

2

Чуть заметно качаются клены
(Наши зори и впрямь тихи).
В тишине, золотой и зеленой,
Словно рыбы, плывут стихи.

Календарь, пережевывай числа...
Мне, наверное, все равно.
Ведь со мной ничего не случится,
Все случилось давным-давно.

Словно скованные цепями,
Перестали идти часы...
Есть ли смысл беречь себя мне? –
Я не брат себе и не сын.

Коль шаман, получай сразу в бубен.
Перевернуты верх и низ.
Клоун скачет, хохочет, будто
Он фигура, протагонист.

Но к чему – кулаками по морде,
Если все мы сейчас на дне?
Проходя через Чермное море,
Помни, ты на чьей стороне...

Переходим...

Зачем? – вот загадка.
Для меня сотня лет не крюк.
Как бы в прошлом ни было гадко,
В настоящем вообще каюк.

Страшный век был скупым на подарки.
Вдоль дорог то кресты, то столбы...
Донна Анна, вы в траурной арке,
Как в зерцале своей судьбы.

Мировая явилась расправа.
Ни один ей не помешал
Ваш Серебряный век расплавить
И на пули пустить металл.

...Всё мне кажется – взяты на мушку.
Всё мне чудится – здесь беда.
И никак не заснуть, потому что
В черном небе стоит звезда.

3

Говорю, ни на что не надеясь,
Не кривляя свои пути...
Мне неведомо, кто я и где я.
Мне не ясно, куда идти.

У меня городская дорога,
И на ней не найти чудес.
Понимаю, прошу очень много:
Золотая речушка, лес...

Через просеку – сразу в чашу,
Чтобы не было больше сил
Биться на смерть и рвать на части
Всех, кто мой не просёк посыл.

Неприкаянный в праздничном хоре,
Вспоминаю, тоске назло,
Тарский берег таежного моря,
На котором всегда тепло.

Дали бремя. Сверкают шпоры.
И хомут мне надели здесь.
Только жаль, что не дали шоры –
Вижу все, как на деле есть.

Потому что не заперты двери,
Потому что я дрянь и тля,
Потому что свобода без веры
Абсолютно смертельна для

Человека... Гордыню, ревность
Вот бы в угол смести избы:
Жил когда-то в сибирской деревне –
Детской радости не избыть.

Ждет судьба, может статься, большая, –
Только сыплются бед драже,
Только тело мое разрушает
Непростая борьба в душе.

4

Не подам ни руки, ни виду,
Молча, гордо шагну вперед...
Если надо, в доспехах выйду
На прозрачный апрельский лед.

В полный рост – да под пулеметы,
И прощай моя голова!

У меня нет другой работы –
Просто складываю слова...

Вот сосед по правую руку –
С тонкой шеей, с горбинкой нос...
Переносит с трудом разлуку,
Впрочем, столько уж перенес...

Все бормочет про город серый,
Про теченье холодных вод.
Дорог сердцу гранитный север,
Низкий сумрачный небосвод...

Он забыл, что оплыли свечи,
Что когда-то он был крылат...
И туманит дыханье вечности
Прежде острый и цепкий взгляд.

А другой, наплевав на «еры»,
В даль кирпичную устремлен.
Он слоновьей походкой мерит
Мостовую иных времен.

Он кричит, вспыхах, в азарте
Все решая как дважды два,
Словно гвозди, вгоняет в завтра
Исковерканные слова.

Есть еще: со второго, с сотого
Все поймет, как придет черед, –
Ждет он девушку, что спасет его,
Как рубаху, гармошку рвет.

Можно так самолюбие тешить
И любую мораль отменять...
Мне стихи очень нравятся тем, что
Их с надеждой не ждут от меня.

Но порою найдет озаренье,
И слова разрезвятся ключом,
Вдруг появится стихотворенье...
Только здесь я совсем ни при чем.

Счастлив, коль в этой шкуре не был...
Что поэтам желать еще? –
Абоненты ночного неба,
Но по гамбургской таксе счет!

5

Есть за тою высоткой бетонной,
За дорожной развязкою сад.
Там играют в пятнашки бутоны,
Котик по цепи ходит, усат...

Ах, как славно выводит рулады
Соловей, соловея слегка!
В этот сад мне попасть очень надо...
(На пути – из железа река.)

Там от горя не стиснуто горло.
Если хочешь, минутку постой –
И «Прощайте, скалистые горы...»
Напоет гармонист молодой.

Отменяется всякая плата...
В стороне от тревог и забот
Красны девицы в ситцевых платьях
В развеселый зовут хоровод.

А снаружи мы стали не теми...
И нельзя ничего поменять.
Стушевался я здесь, где система
У меня забирает меня.

Все мы прошлое, все имяреки.
Небо тучей закрыто всерьез...

Но уже не забуду вовеки
Выражения карих звезд...

6

Отражения сна и лета...
Лучший шум – это тишина.
Хоть немного, крупицу света,
Словно нищенка, ждет луна.

Но уже – суета гортанья:
Птиц ли сонных, прощальных грез;
И грядущего очертания
Сквозь предутренний дым берез.

Я молюсь, я реву белугой.
Небеса ой как высоки!
А по утреннему по лугу
Разбегаются васильки.

Может, в дальней, глухой деревне,
Где не тает и летом лед,
Всё тоскует, не спит царевна,
Тихой песенки ждет-пождет...

Знаешь, каждый сосчитан волос
И цена прошлым бедам – грош...
Так чего ж еще надо, сволочь?
Что валяешься, не встаешь?

Слыши голос: «И виждь, и внемли,
Будь внимательней к чудесам!..»
Обещали не только землю,
Но и небо... А дальше – сам.

7

Ну и что? – дурню дали бы воли?
Насладиться той волюшкой чтоб,

Ни стены, ни столба в чистом поле –
Обо что расшибить медный лоб?

«Что ты сделал такого, чтоб знали,
Что ты сделал такого, дружок?» –
Над Рейхстагом не я поднял знамя,
Даже храм Артемиды не сжег...

Хорошо ли, когда боятся блюдца,
Изготовленные на века?
И когда по тебе остаются
Имя торта и бренд коньяка?..

Бег по кругу печального пони.
Жалит сердце унынья оса.
...Мне река для того, чтобы помнил:
«Есть еще над тобой небеса!»

Оглянусь, и становится тошно.
Вижу общей работы итог,
Грязный город... Короче, все то, что
Не покажет в рекламе никто.

«Измени отношение к миру» –
Эта мысль давно не нова.
Близок мир к состоянию сортира –
И выходит, что я виноват?..

8

Догорела печальная осень,
Напоила виной и вином.
Дважды два – не четыре, не восемь,
Дважды два – это снег за окном.

Есть края: олеандровый ветер,
Скалы, солнце, песочек и мирт...
Нам на севере мало что светит,
И не море, а выюга шумит.

Пусть там передаются изустно
И дорога, и горы, и сад,
Здесь настолько протяжно и пусто,
Что нельзя ничего не писать.

Наполняешь кириллицей утро,
Потому что пропал не вполне,
Потому что тревожно и мутно –
На душе и в холодном окне...

Вот по вязкому белому илу
Чертишь чем-то от грусти и тьмы,
Только солнцу, увы, не под силу
Сжечь исчерканный листик зимы.

...А потом, жизнь увидев иною,
Выползаешь больной из угла,
Сам себя собираешь весною
По немногим крупицам тепла.

9

Да какое вам, право, дело,
Что сгорает в угли уют,
Что друг друга душа и тело,
Как томимые жаждой, пьют.

Может, к раю, а может, к краю
Ближе, – только не вышел весь.
И пока смысл есть, стараюсь
Доказать, что я жив, я здесь!

Пусть из слова не выкинешь песни,
Но печальная песня о ком?..
Жизнь твоя никудышна, если
Небеса подменил потолком...

Был примерным папашей и мужем,
Только – словно бы выглянул за...

Это видишь ты лишь потому, что –
Тишина и закрыты глаза.

Душу, словно одежду, латая,
Не вразнос мы живем – на износ!
Помни, друже: звезда золотая
В небе светит о каждом из нас...

10

Тучи катят на северо-запад,
Желтый лист голосит тут и там...
И на площади как-то внезапно
Серый дождь погасил фонтан.

В эти дни все тревожно и утло.
Не уверен, что будет «потом».
Шел к любимой всю ночь, а под утро
Обнаружил себя под кустом.

Словно дырки в хорошем сыре,
В эту пору – всё «кар» да «кар»!
Новый день в порыжевшем мире –
Злая гонка «Париж – Дакар»...

Вряд ли выдержит даже стоик.
Светлой гамме скажи «Пока!»
Кто решает, чего мы стоим?
Кто нас выставил напоказ?

Кто прожектором в сумерках лúчит?
В бедном сердце устроил шум?
– Но сказать если нечего, лучше
Помолчи!

– Я молчу... Пишу.

11

О вчера спотыкаюсь ночами,
Рассыпаю метафор драже.

Я хотел бы крыла за плечами
И немножко рассвета в душе.

Не играть в «дурака» с дураками,
Не бояться ни счастья, ни гроз,
Но разбрасывать зерна, как камни,
Научиться читать меж берез.

Но пока мне в толпе одиноко.
Созерцать год за годом устал
Шестеренки сияющих окон,
Приводящих в движенье квартал...

В сквер бегу – и на родину будто, –
Я ловлю каждый знак, каждый штрих.
Но деревья теснятся, как буквы,
Как высокий готический шрифт.

Жизнь моя – неразборчивый ребус.
И нельзя ничего поменять.
Где тот самый волшебный троллейбус,
Что ко мне привезет меня?..

Все мне кажется: жизнь мимо, мимо.
Все мне чудится: всюду смерть.
Совершенно невыносимо
Человеку на звезды смотреть.

Послесловие

Я смотрю в небеса, и, как прежде,
Мне не страшно в кромешной тьме.
Вся надежда моя, вся нежность –
Церковь белая на холме.

По стихам и столетьям раскидан,
Собираю дороги свои, –
Словно я Афанасий Никитин
Бесконечной Твоей любви...

Сколько можно все время по краю?
Верю, вынешь из бездны вины:
Видишь, Господи, я погибаю! –
Ведь тебе мертвцы не нужны...

20 СОНЕТОВ ВАРВАРЕ ГАВРИЛОВОЙ

1

Не будь ко мне, хорошая, строга.
Поговорим о прожитом немногого.
Не город дорог мне, а дорога
Дорога от ост рожного порога.

Я оглянусь назад – грехи лихи...
Но глух давно к людскому перелаю.
А спросишь вдруг: «Писать ли мне стихи?»
Отвечу: «Нет!», поскольку не желаю
Я зла тебе...

Танцуй и смеяся чаще,
Блуждай не в городской, но в дивной чаше,
Где пенье птиц и яблок легкий стук.

В окне твоей картины – море, сосны...
А у меня, когда рисую солнце,
Все время получается паук.

2

Стихи не спорт, как думают невежды.
Смежились вежды, можно грезить всласть.
Я тоже прежде подавал надежды,
Да только вот подача сорвалась.

Стихи не спорт, чтоб потренироваться,
А после, всей судьбе наперекор,
Под щелканье затворов папарацци
Поставить поэтический рекорд.

...Когда тупик, когда внутри, снаружи
Так много пустоты и лютой стужи,
Что содрогается все существо,
Когда глядят прохожие, как звери, –
В такие дни осталось только верить.
...А больше и не нужно ничего.

3

Мои друзья – кто спился, кто погас.
Остались те немногие, кто тлеет.
Мы говорим про газ, про нефть, про газ...
Наш диалог чем дальше, тем мелее.

Мелькают баржи, биржи, гаражи.
Скользим в ночи, согретые винишком.
И если ты поэт, то не держи
В себе... Хотя блевать в салоне – слишком...

Мы на излете нашей слабой плоти.
В тоске зеленою вязнем, как в болоте.

...Живи сейчас – не завтра и не впрок,
Прожектором сияй, а не лучинкой!
Каникулы есть времени начинка.
О, молодости праздничный пирог!

4

Я, часть и целомудрие храня,
Гляжу на бутерброды да эклеры.
Они призываю смотрят на меня –
Призовней, чем наяды и гетеры.

Впадает в прозаизм мой организм
И теплый угол держит на примете...
Зеленого горошка оптимизм
Порой напоминает мне о лете.

Давно забыты мифы, ритмы, рифмы.
Прелестнее бедра игривой нимфы
Куриное, с поджарочкой, бедро.

Спешит томимый жаждою народец...
Наш двор похож на высохший колодец,
В нем – легковушки ржавое ведро.

5

Реальность поменять ли? Для меня
Звучат секунды, словно бы стаккато.
Мне просто предлагается принять...
Да я уж принял – крымского стаканчик.

Ветшаю, хоть мой поезд не ушел,
А все ж гляжу в грядущее с опаской.
Прекрасна молодость! – ты хорошо
Выходишь, даже сфоткавшись на паспорт...

Пускай мир не таков, как пишут в книгах.
Не странно ли ходить в его веригах? –
Борись, покуда не угасла прыть.

Порою жизнь трагична и жестока,
Но, коль решишь добраться до истока, –
Придется супротив теченья плыть...

6

Как рассказать, что улицы, заводы,
Прохожие – всё призраки и сны,
Что завтра есть инверсия сегодня,
Что снегопад и эта ночь равны?

Как день увидеть, что еще не прожит?
Как разглядеть в июле, поутру,
Что всех нас между будущим и прошлым
Бросает, как снежинки на ветру?

Метелью мир наполнен. Он пустует.
Не стоит поминать былое все...
Эдем, откуда изгнаны Адам
И Ева, так похож на Гефсиманский
Сад...

Сорваны ли ставни, словно маски? –
На доме, где живу, табличка «Сдам»...

7

...А мы в краю столь отдаленных мест,
Что нас достанет только выстрел добрый.
Так, может, на себе поставить крест –
На лбу, – чтоб было целиться удобней?

Чума бушует, но закончен пир.
Вокруг – снега, они белей, чем уголь.
Не знаем брода, выхода и пр. –
Похоже, как волков, загнали в «Гугл»,

Раскинуты соцсети, злые лайки
Готовы к бою... Струны балалайки
Молчат, как прожитых столетий весть.

Что балалайка! Могут вдарить в бубен...
Возможно, это было. Или будет.
Но как поверить в то, что это есть?..

8

Куда идти? Где сыщется причал?
На компас положиться, на везенье?
Ты скажешь, что вконец я одичал,
Что близорук в своем мировоззренье!

Но я просил – не будь строга ко мне.
Стихи молчат, шуршат, поют в котомке.
Быть лучше не в себе, чем на войне.
Игра не стоит свеч, иду в потемках.

Нечасто счастье. Чаще – чащи чаша,
Кисель дорог, березовая каша...
В безумном мире разум нам на кой?..

Жить лучше от запоя до запоя...
Так путники идут своей тропою,
Ну а поэт... идет своей строкой.

9

От прошлого мне никуда не деться,
А будущее словно темный лес.
Бывает много времени лишь в детстве,
Потом его, как правило, – в обрез.

Над нами туча грозно вьется флагом.
Все бывшее не обойти пешком.
Но то, что почиталось прежде благом,
На деле было брагой, портвешком.

Плевать на то, что было... Что-то будет!
Хочу читать стихи хорошим людям,
Сгорать от самых смелых светлых чувств,
Бежать под ливень из пустого дома...

Конечно, можно жить и по-другому.
Я знаю как. Да только не хочу!

10

Мотаются над пропастью качели
Моей тоски, и в голове бардак.
...Меня втянула в этот глупый челленж:
Не ожидал, что будет горько так.

Теперь я вспоминаю сто историй:
Носил в морозы в садик на руках,
Мое плечо ты превращала в столик
И чай на нем пила...

Я в дураках

Остался как-то раз: завел пластинку –
Мол, вырастешь когда, с тобой простимся,
Уедешь в Питер или же в Москву.

Скучать мы станем. Будет нам тревожно...
Сквозь слезы ты ответила: «А можно –
Еще немножко с вами поживу?»

11

И в Евангелии от Иоанна сказано...

Н. Гумилев

Страдал, когда болела ты: «Уж лучше
Мне б простудиться... Варька!» Бытиё
Угрюмо...

Ночью не дыша я слушал
Дыхание неровное твое...

Давно ли рисовала ты портреты
Фломастерами радужных примет?
Но вот и повзросла... Что же это?
Как скорый, пролетели двадцать лет!..

Что не скажу, все кажется банальным...
Будь милосердна к близким, также – к дальним,
Распутывай узлы своих дорог,

Стремись постигнуть сущего основу...
Филологу любовь присуща к слову.
А Слово, как ты знаешь, – это Бог.

12

Скупой январь тебе достался, мне ли? –
Обуза, наважденье или фант...
Так ветви тополей обледенели,
Что на ветру шуршат, как целлофан.

Вся наша жизнь напоминает драку,
А счастье маячит вдалеке.
Работать как выгуливать собаку –
Как знать, кто у кого на поводке?..

Порою сомневаюсь: есть ли воля...
Такая нам с тобою вышла доля –
Живем во глубине сибирских руд.
Сказал поэт: «Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море...»
Но жизнь не только горе или труд.

13

Растут деревья, стены, также – ставки.
Ломай характер, бейся – вот секрет...
Но если победить все недостатки,
Кому ты будешь интересна? Нет,

Не стоит брать в расчет златые горы,
И реки вин, и за углом ларек...
Но кроет (банко)матами нас город,
Кроит, зараза, вдоль и поперек!

Держать готов был нашу оборону
От посторонних и тестостеронных,
Но вот на горизонте виден зять.

Сентенции застряли в горле комом.
С тобою, дочка, двадцать лет знакомы –
Что нового могу тебе сказать?

14

Январь. Но воробыми, как в апреле,
Устроен шум, и гам, и таарам.
И дворники играют на свирелях,
Как фавны, резво скачут тут и там.

Наш двор перестает быть горько-серым...
Так много в нем музыки разной есть!
Всем этим звукам радуется сердце,
Как валидолу, «Магнию В6»...

Как хорошо, что нет весенней грязи...
Поет Кибиров Шаликова (князя),
А я пою чего-то из битлов –

Как будто даже в тему этот раунд:
O, help me get my feet back on the ground!..*
А впрочем, все равно не помню слов.

15

Влюбленные облиты теплым светом.
Отрадно им друг друга покорять...
Их души – паруса, что полны ветром,
Но их тела подобны якорям.

Быть рядом: чем теснее, тем вернее...
Честнее ли витанье в облаках?
Ведь женщины дурнеют и тускнеют,
Когда никто не носит на руках...

Любить всю жизнь – награда, наказанье?
Когда вокруг сумятица вокзалья,
Отчаянно самих себя растим...

Нет, суженым твой тайный мир не сужен.
Любить всю жизнь... Талант на это нужен –
Бездарно быть, как выстрел, холостым.

16

От воздуха морозного пьянея,
В грядущее спешите наугад.
Желаю, чтобы цепи Гименея
Звенели – не звонили, как набат.

* Помогите обрести почву под ногами! (англ.) –
строчка из песни «Битлз».

На кухнях чинно стукаются блюдца.
Скучают в душных комнатах цветы.
По телеку триумф тройного лутца,
Тулупа, всякой прочей красоты...

Романтиков, быть может, карта бита,
Но пусть дракон обыденного быта
Вас не сожрет, как ранние плоды.

Се, молодость твою благословляю!
Всю жизнь мотался в угол из угла я –
Жаль, ни минуты не был молодым...

17

Петь свой причал, печалиться, пить чай,
Глядеть с балкона в ночь, как будто в пропасть.
Я говорю, а ты не отвечай.
Я говорю, а ты не слушай просто.

...Как будто все ушли гулять в саду,
Где соловьи, и лето, и прощенье,
А мы остались в снеговом бреду,
Чтоб делать настоящее прошедшим.

Уже по горло сыты белой тьмою.
Нас примиряет с лютую зимою
Зовущий сквозь январь янтарный свет...
Скажу, хоть не хочу табу нарушить:
Печали возвышают наши души,
А счастье – нет...

18

Но счастье мимолетно, словно лето,
Налито эхом, воздухом пустым.
Оно нас оглуляет, и нелепо
Его хотеть – но мы его хотим!

Как хорошо с собой расстаться прежним
И к новому прийти издалека,

Чтоб, берегов не зная, быть небрежным,
Как в половодье – смелая река.

Влюбиться! Полететь на карусели.
Глушить портвейн в безудержном веселье.
Читать стихи под пьяное «Виват!»,
Вдруг, что-нибудь особенное выдав,
Воскликнуть гордо: «Молодость, завидуй!»
...А молодости, в сущности, плевать.

19

I will say otherwise, it will be clearer:
Here is a cactus, as a rose, blooms,
As everyone, – because now you are near.
It's winter! But it's summer in these rooms.

It's night time... In my soul the sun is rising.
No more desires, everything came true –
And let the stars fall from the sky for nothing!..
As for tomorrow – star is a clue.

Each road, each song, of course, has its own proem:
Let's talk with you about life or poems...
I hope, you will forgive my tone, aplomb –

Our dialogue is only a convention...
Humanity's most terrible inventions
Are loneliness and an atomic bomb*.

* Скажу иначе, так будет понятнее:
Вот кактус, как роза, цветет,
Как и все, – потому что ты рядом.
Сейчас зима! Но в этих комнатах лето.
Теперь ночь... В моей душе восходит солнце.
Больше нет никаких желаний, все сбылось –
И пусть звезды падают с неба просто так!..
Что касается завтрашнего дня: звезда – это ключ к разгадке.
Каждая дорога, каждая песня, конечно, имеет свой исток:
Давай поговорим с тобой о жизни или стихах...
Надеюсь, ты простишь мой тон,aplomb –
Наш диалог – это просто условность...
Самые страшные изобретения человечества –
Это одиночество и атомная бомба. (англ.)

Поговорили... Мысли всё роятся,
Слова ложатся ямбовой стопой.
...Была весьма ничтожной вероятность,
Что в этом мире встретимся с тобой.

Но встретились! Как истину такую
Нам не принять?.. Ты спросишь:
— Что потом?
— Уедешь, я надолго затоскую.
Вернешься, я возьму счастливый тон.

Мы встретимся. Расстанемся. И
снова
Искать в самих себе основу слова, —
Заботам, расстояньям вопреки.

Сеть не найдет. Курьеры не догонят.
И только будет вслед твоим вагонам
Лететь

фонарный
свет
моей
тоски...

* * *

Что было це(ль)нным, стало прахом:
Скрепить и склеить — не успеть.
Так много тьмы, так много страха...
Но благ Господь!

Мне грезится неуловимый
(Грядущего иного) свет —
Всё, кроме смерти, поправимо,
А смерти нет...

СОДЕРЖАНИЕ

Программное	3
-------------------	---

ВРЕМЕНА

Вик и Сладкая Сьюзен.....	5
Второй венок сонетов.....	8
«Я носил ватник и представлял себя во Флоренции...».....	16
К весне	16
«Весна ломает все, что ветхо...»	17
«Хорошо потрепала зима...»	18
«Похожие на ижицы...».....	18
Эпос	19
Богатырская	19
«Крошится лед: в душе ли, под ногами...»	20
«Оставить все, что глупо и старо...»	20
(М)арт	21
Городской апрель.....	22
Письмо себе	22
«Если ветер хватает за шиворот, тащит к реке...»	24
«Они встречают. Они на «Ты...»	24
«Страшна весенняя пора...»	25
«Сквозь бетонную чашу...»	26
«В лесу, апрельском, островерхом...»	26
Безделица	27
Северянам	28
Весна в городе	28
«Болею, пью, чтоб снова заболеть...»	29
«Серенькие плюшевые шторы...»	29
«Цветет сирень. Цветет еще с утра...»	30
Пасхальное.....	30
Летние стихи	31
«Возле дома стройный тополь...»	35
«На реке время измеряется всплесками воды...»	35
«Летний час у вечерней запруды...»	35
Лето	36

Березы	37
«Скептик видит шапито...».....	38
«Липовым чаём с блюдца...».....	38
«Мне снова не страшно и не все равно...».....	39
«Повсюду ладан, золото, смирна...»	39
«Мне так нужны покой и воля...»	40
«Плевать, что всё – скорей и срочно!...»	41
«На мосточеке – девушка...»	41
Аппликация	42
«Тяжело фарисеям летом...».....	42
«Они не знают про свободу...».....	43
Детское.....	43
«Научи меня играть, солнце...».....	44
«За пять минут до стихотворения.....	44
Русская	45
«Нет, не думаю ни о ком...».....	45
Ночная элегия	46
Элегия.....	46
Колыбельная для взрослых	47
Сон в летнюю ночь	48
«Для счастья не надо много...»	49
«Лето, ласковое, дачное...».....	50
«Как хорошо! Какой покой...»	50
Идиллия.....	51
Небыль	52
«Что-то ноет и гложет...».....	52
«Потолок не дает представленья о небе...».....	53
«Я болен этой тусклой тоской...».....	54
«Попрятали люди лица...»	55
«Про то, что живем тетерями...»	55
«Кресало кресла высекает мрак...»	55
Односельчане.....	56
«Надета на подушку дня...».....	56
Июнь.....	57
К соснам.....	58
Друзьям	59
«На судьбу ворчать не стану...»	59
Рэп августа.....	60

Летняя песня	62
«Как темно и печально вокруг...»	62
Если – про жизнь	62
Последняя страница лета	63
Конец августа	64
Метаморфозы	64
Эфемериды	66
«Это смутное время нам застит глаза...»	68
Легато	69
«Деревам хорошо: им легко и не больно...»	69
«Начало осени. Как жаль себя и всех...»	70
Однажды	70
«Всегда был поэтом. В том нет вины...»	71
«Холодно. И мало света...»	71
«Осенний день. Скудеет свет...»	72
Грустная песенка	72
Веселенькая песенка	73
«Берег осени, горевой...»	73
«Трамваи бегут по кругу...»	74
«Мы снова – в деревенском сентябре...»	74
Сестрички	75
«А что наша жизнь – разноцветный обман?..»	75
Осенние стихи	76
Погожу пускать пильюлю в висок...»	81
«Я вижу завтра без прикрас...»	82
Осень	82
Листья октября	83
«Бросал все то, что пошло, юно...»	83
«Отчего все зло и серо?..»	84
Роща октября	85
Осеннее	85
«Близки мне клинопись ночная...»	86
«Спешит снегирь, как вестовой...»	87
Русский альбом	87
«Какая гремучая осень!...»	95
«Ветром наполнены кроны деревьев...»	96
«Шампанского бокал – и мир светлее...»	96
«Гляжу беспечно вслед трамваю...»	98

Восемь к одному	99
Буря.....	101
«Кажется, что ничего больше нет...».....	101
В парке	102
«Печальное прошлое смять!..»	103
«Я дань отдаю природе...».....	104
«Они бренчат на стареньких гитарах...».....	104
Осенняя песенка.....	105
«Не Ялта здесь и не столица...»	105
«Ангел в осенней скользит тишине...».....	106
Деревенский пейзаж	106
К осени.....	107
Осенние строфы	108
«Меняю улицы и лица...»	112
Визит к Минотавру	113
«Вновь в осень серую иду...»	114
«Морок напророчен? Или круг пороchen?..»	114
«Художник пишет голых баб серьезно...»	115
«Этюд, за которым бессонная ночь и тоска...»	115
Художнику N.....	116
Осенняя сюнта.....	117
«Скоро потеха огня...»	117
«Пускай тревожны облака...»	118
«И не просит душа ни комедии, ни мелодрам...».....	119
Зимний пейзаж с грачами.....	119
Начало	120
«Снова пыл и бензин на нуле...».....	120
«Изгиб души, тоски излучина...»	121
«Я притворяюсь, что не сплю...»	122
«Бывает так, что нужно просто...»	123
«Нагруженные елками, трескою...»	124
Зимние стихи	124
Перед Рождественской всенощной	128
Рождественский снегопад	129
«Снежинки реют, словно мошки...»	130
«Светило солнце рок-н-роллово...»	130
«Месяц, зеркало кривое...».....	131
«Зима калечит, лето лечит...»	131

«который день гудит пурга...».....	132
«Который год живу метельным полем...»	132
«Все глупше мысли. Пульс не част...»	133
«Снег засыпал по крыши село...»	133
«Карманы у деревьев...»	134
«Обе реки наши (Обь да Иртыш)...»	134
«Город – раскрытый том...»	135
«Спасибо за январь абстрактной лжи...»	135
«Поземки вертятся ужи...»	136
«Черное утро и белая тьма...»	136
«Привычное желание согреться...»	137
«Мой друг, какая долгая зима!...»	137
«Вдруг озаряет, что это – всерьез...»	138
«Можно бежать, собирая призы...»	139
«Лет двадцать пять прошло...».....	139
Железнодорожная жалоба	140
«не знаем те ли с нами мы ли те...»	141
«Угрюмый сумрак к берегу причалил...»	141
«Зима разбудила себя самое...»	142
«Ты спросила: «С чего вдруг печаль?...»	142
«Будто связанный на спицах...»	143
Городская зима	144
«Как хорошо, какое счастье...»	144
Когда очень холодно.....	145
Доказательства	146
«Две слезы в посеревших очах...»	146
Предчувствие.....	146
«Как сказал незабвеннейший Низами...».....	148
«Ходим, одеты, обуты.....»	149

CODA

«А мои стихи не поются...»	151
«Я там, где лето, облака...»	151
«Клен расправил свои паруса...»	151
Возвращение в деревню	152
«Всё на месте, правильно и в ряд...»	153

«Какое время было, право!...»	154
«Предвещает разлуку...»	155
«Когда вокруг вечерне-серо...»	155
«Вся наша жизнь – натянутый канат...»	156
«Хочу забыться, быть другим...»	156
«Солнце, лето, деревня, солнце...»	157
«Тихозорье мое, синеречье...»	157
Из цикла «Школьная любовь»	158
«Давно гляжу с презрением на меня я...»	159
Рэп	159
Слова для песни под балконом	160
«Воробушки, воробушки...»	161
«Я с тобою тверез и серъезен ...»	162
Романс для Светланы	162
Кармен	163
«Женщины нас прочнее...»	163
Гамлетовское 1	164
Гамлетовское 2	164
«Тесно жить светло, не по злобе...»	165
Вечерняя прогулка с собакой	165
«Погода желает быть северно-скверной...»	166
«Мой поезд ушел. Я пешочком иду...»	166
«Небрит и выхолощен бытом...»	167
«Серые реки асфальта...»	167
На твой день рождения	168
«Веселые леса в Черлаке...»	169
«Пускай же знают – есть еще мужчины...»	170
Недолюбовь	171
К любимой	171
«Чтоб наша жизнь казалась справедливой...»	172
«В сити, раскроенном на двоих...»	173
«Разбиты все «но»...»	174
Страдания-сити	175
«Остаться с тобою хочется...»	175
Гам лет	175
Цирк	176
«Что в фантазиях пользы?...»	177
«Твой быт пусть пребудет с тобою...»	177

«Нет, мудрей, увы, не стал с годами...».....	177
Песенка	178
«Их душам тесно взаперти...».....	178
«Так много тьмы, что можно различить...»	179
«Свалиться бы (что б ночь ни говорила!)...»	179
«Давай мы не договорим...»	180
«Листья сделались жутко тяжелыми...».....	180
«Порою мнится: срок окончен...»	181
«Ты сделаешь вид, что стучишься ко мне...»	181
«Довольно работать на прошлое...»	182
«любимая спи день был труден и долг...»	182
«Задумается – чай остынет...»	183
Вирсавия	183
Вариация на тему Ромео и Джульетты.....	184
Сны женатого человека	186
«Я проснулся в объятьях чужой жены...»	187
Деревенская любовь	187
Подражание Серебряному веку	188
Пробуждение	188
«Я кричал о любви! Словно бык, ревел...»	190
«В прошлом останьтесь, беды...»	191
На память	191
Таким, как я	194
«Я во времени вязну, словно бы в иле...»	196
«Живу, словно остров, а вне...».....	196
Декабристы	197
«Крутится ночное колесо...»	198
«Быть услышанным чтоб...»	198
«Мы лечили похмелье огнем и пьянством...»	199
Литавтостоп	200
Памяти мэтра	200
Н.Г.....	201
Письма омскому другу.....	202
Ода графоману.....	204
Лекции по русской литературе	205
Философское рондо	208
Поэту	209
«Как будто приоткрыли двери...»	209

«Стихотворство мое – что-то вроде...».....	210
«Это пошло. Как же это пошло...».....	210
«Какие бездны во мне роятся...».....	211
«Приветствуя тебя, полковник...».....	212
«Сломаю о колено лиру...»	213
«Луна тревожна и бела...»	214
«Ах, поэты (те, что в чести)!...».....	214
«Бывает, век тебя загонит в угол...».....	215
«Красив закат. Все дело в этом...»	215
«Глазки щурите невинно...»	216
«Утро холодное, словно «прощай»...»	217
«Свет исключает тьму ...»	217
«Давай морей – не надо хлеба...»	217
«Бьется нагло, на продажу...»	218
«Устал я! Довольно рядиться в слова...».....	218
Календарь.....	219
«Вижу лицо изможденное...»	220
«Привычный выбор: пряник или плеть...»	220
#Питер	221
Санкт-Петербург	223
«Сломана привычная орбита...»	224
«Город, забытый июлем город...»	224
Темная	225
«Нет истины в вине, но также – в пиве...».....	225
«трамвайных перебежек ворох...»	226
«В подъезде пахнет кашкою и кошкой...».....	226
«я хотел бы увидеть во сне поля...»	227
«Гори, гори, звезда, когда темно!...».....	228
Ночной сонет	228
Вечный город.....	229
Северо-восточная песня	230
«Знаком со временем шапочно...»	231
«Чегемский кот с железными когтями...»	231
«По венам у нас протекает текила...».....	232
«Бессонница. Жаждя. Вергилий. Гомер...»	232
Поединок.....	233
«Крути, Земля! Нам нынче по пути...»	234
«По краям косогоры да чащи...»	235

«Они, может статья, хорошие люди...»	235
Коммуналка	236
«Пожалейте человека...».....	236
Nihil	237
Дузель	238
«гости пришли принесли вино...»	239
«Как радостны, розовощеки все!...».....	239
«Эй, город! Может, просто – шапку оземь...»	240
Ода пьянству	241
Великая историческая пьянка	242
«Слово ли приветное...»	244
«Шторы колышутся желтые...».....	245
«Ищу и жду, зову... Кого же?...»	246
Святая земля	246
«Живу, как в бреду, – в ожидании чуда...»	250
«Лоб расшибаю о стены ночей...»	251
Пасха. 12 апреля	251
«В жизни моей чуда было немного...»	252
«Не пью вина, не чту красу...»	252
Блудный сын	253
«Верую! Выцвели прочие символы...».....	254
Мужское	254
Брату	255
1984.....	255
«Отказали тормоза...»	256
Любить	256
Таежность	257
Ad fontes	260
Полюсы	261
В деревне	261
«За темной далью – город серый...»	261
«Не алчу оцифрованной любви...»	262
«Достать гармошку, пить, и петь...»	263
«Я такой же, как вы, только хуже...»	264
Деревенское	264
«Люблю герань и ситец окон...»	268
«Кто может горошку помочь?..»	269
«Я проводницу не просил присесть...»	270

«В узел завязаны судеб пути...»	271
«Синие ливни шумят обо мне...»	271
«Мне дали столько тишины...»	272
Ночные стихи	273
Бессонница	273
«Волшебники давно сошли с пути...»	274
«Я веселый раб. Я веселый раб!..»	274
Юродивый.....	275
(Не)мое.....	281
«Кошечка Муся сидит у окна...»	283
Sad rap	283
«Трамвайчик начертил кривую...»	284
«Порою умный хуже дурака...»	285
Дракон	285
Соседка.....	285
«Растопчет тебя, как ворог...»	286
О дружбе между мужчиной и женщиной	287
Северо-южные сонеты.....	287
«Вертишься сотней волчков или юл...».....	310
Море Черногории.....	311
«Претит мне тщеславия мелкий азарт...»	312
«Желтым пляжем рассыпано просо...»	312
Морю	313
«Так просто! – радуется умник...».....	313
«Поют цикады в сводном хоре...».....	314
«Там, на бушующем пенном просторе...».....	314
«Славно рифмуются море и скалы...»	315
«Мне нравятся волны о камень...».....	315
Пляжный волейбол	316
Одинокий пловец	316
«Пора! Давай с тобой прощаться, море...»	317
«Я помню все. Я в самом деле жмот...»	318
Soft embalmer	319
20 сонетов Варваре Гавриловой	331
«Что было це(ль)ным, стало прахом...»	341

Литературно-художественное издание

Виктор Викторович Гаврилов

ВРЕМЕНА. CODA

Стихи

Редактор О.Г. Даниленко
Корректор С.Ю. Бердоносова
Дизайн, верстка Д.В. Ходановича

Подписано в печать 02.06.2020.
Формат 70x100 1/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,3. Уч.-изд. л. 14,87.
Тираж 500 экз. Заказ № 109.

Отпечатано в ООО «Аксиома»
+7 919 929 57 18

Виктор Викторович Гаврилов – поэт, прозаик, критик, член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ, к.п.н., доцент кафедры ФОиЖ СурГПУ (Сургут). Родился 12 апреля 1974 г. в Омске. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического университета. Автор нескольких поэтических сборников: «Благослови на счастье» (1996), «Свет, который внутри» (2006), «Маятник звезды» (2015) и книги для детей «Кочепыжик» (2017). Публиковался в литературных журналах и альманахах Омска, Москвы, Сургута.

Лауреат литературных премий им. Ф. М. Достоевского, им. В. А. Макарова, победитель городского конкурса «Журналист года-2018» (г. Сургут).

Живет в Сургуте.